

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Ян Потоцкий

РУКОПИСЬ,
НАЙДЕННАЯ
В САРАГОСЕ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Ян Потоцкий

Рукопись, найденная в Сарагосе

«Азбука-Аттикус»

1804

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

Потоцкий Я.

Рукопись, найденная в Сарагосе / Я. Потоцкий — «Азбука-Аттикус», 1804 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22466-7

«Рукопись, найденная в Сарагосе» – самое значительное произведение замечательного польского ученого, дипломата, путешественника и писателя Яна Потоцкого (1761–1815). Молодой испанский офицер торопится вернуться в свою часть, но, не в силах разомкнуть заколдованный круг, неизменно оказывается возле затерянного в горах Сьерра-Морены трактира, рядом с которым возвышаются виселицы с телами двух бандитов. Яркие, увлекательные приключения, мистические события и неожиданные повороты сюжета ставят роман Яна Потоцкого в один ряд с величайшими произведениями мировой литературы. Роман публикуется в классическом переводе Александра Голембы, подготовленном для серии «Литературные памятники» и более сорока лет не переиздававшемся.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-389-22466-7

© Потоцкий Я., 1804
© Азбука-Аттикус, 1804

Содержание

Предисловие	6
День первый	7
День второй	19
День третий	25
День четвертый	36
День пятый	38
День шестой	45
День седьмой	53
День восьмой	60
День девятый	64
День десятый	72
День одиннадцатый	80
День двенадцатый	85
День тринадцатый	94
День четырнадцатый	102
День пятнадцатый	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Ян Потоцкий

Рукопись, найденная в Сарагосе

© А. Големба (наследники), перевод, 2022

© И. Бэлза (наследник), статья, примечания, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство Иностранка®

Предисловие

Будучи офицером французской службы, я участвовал в осаде Сарагосы¹. Спустя несколько дней после взятия города, забредя в один из довольно отдаленных кварталов, я обратил внимание на небольшой, но красивый домик; почему-то я сразу решил, что солдаты наши еще не успели его разграбить.

Влекомый любопытством, я поднялся на крыльцо и постучался. Оказалось, что двери не заперты, – я легонько толкнул их и вошел внутрь. Я крикнул – никто не отозвался, в доме не было ни души. Мне показалось, что все мало-мальски стоящее уже вывезено; на столах и в шкафах остались мелочи, не имеющие ни малейшей ценности. Только в уголке, на полу, мне бросились в глаза несколько исписанных тетрадей; я просмотрел их. Это была испанская рукопись; хотя я и не силен в этом языке, я все же сумел разобрать, что содержание ее чрезвычайно занимательно: то были истории о каббалистах, разбойниках и упырях. Я решил, что чтение этих удивительных повествований поможет мне развеяться и отвлечься от тягот похода. Рассудив, что рукопись навсегда лишилась законного владельца, я без долгих раздумий прихватил ее с собой.

Спустя некоторое время нам пришлось оставить Сарагосу. К несчастью, я находился вдали от главного корпуса армии и вместе с моим отрядом попал в руки неприятеля. Я полагал, что пробил мой последний час. Когда мы дошли туда, куда нас вели, испанцы начали повальный грабеж. Я умолял их позволить мне сохранить при себе одну только вещь, которая, впрочем, не представляла для них ни малейшей ценности, а именно найденную мною рукопись. Сперва они всячески препятствовали мне в этом, затем решили обратиться за разрешением к своему капитану. Тот, полистав тетради, поблагодарил меня за спасение записок, которые были ему чрезвычайно дороги, ибо рукопись заключала в себе историю одного из его предков. Испанец взял меня к себе на квартиру, где я пробыл довольно долго. Он был сама учтивость, и я, осмелев, упросил его перевести рукопись на французский: он переводил, а я тщательно записывал его слова.

¹ ...участвовал в осаде Сарагосы. – В феврале 1809 г. наполеоновские войска, вторгшиеся в Испанию, после двухмесячной осады захватили Сарагосу, город в Арагоне. Решающую роль в штурме сыграла польская кавалерия, которая еще в ноябре 1808 г. открыла Наполеону дорогу на Мадрид (ставшая знаменитой в истории военного искусства атака в Сомосьерре, в горах СьерраГвадаррама).

День первый

В те времена, когда граф Олавидес² еще не расселил колонистов в горах Сьерра-Морены, эту крутую горную цепь, отделяющую Андалузию от Манчи, населяли одни только контрабандисты, разбойники да кучка цыган, о которых ходили слухи, что они пожирают тела убитых ими путников. Отсюда и пошла испанская поговорка: *Las gitanas de Sierra-Morena quieren carne de hombres*³. И это еще не все. Путника, который решался заехать в эти дикие края, ожидали, если верить слухам, тысячи ужасов, способных охладить даже и самую пылкую отвагу. Ему слышались заунывные голоса, сливающиеся с рокотом горных рек; среди рева бурь его сбивали с дороги блуждающие огоньки, а незримые руки безжалостно толкали в бездну.

Правда, порой на этой странной дороге можно было найти какую-нибудь венту, то есть одинокий трактир; но духи куда более дьявольские, чем сами трактирщики, вынудили этих последних уступить им место и удалиться в края, где только голос совести нарушал их отдых; а голос совести – это призрак, с которым трактирщики предпочитали иметь дело более, чем со всеми другими. Впрочем, беседуя со мной, сам трактирщик из Андухара поклялся именем святого Иакова Компостельского⁴, что в волшебных рассказах этих нет ни капли лжи. Затем он прибавил, что лучники святой Германдад⁵ избегают совершать вылазки в горы Сьерра-Морены да и путешественники тоже предпочитают ехать по хаэнской или эстремадурской дороге. Я отвечал ему, что такой выбор мог быть по вкусу лишь путникам обыкновенным и заурядным, но, так как король Дон Филипп V⁶ удостоил меня звания капитана валлонской гвардии⁷, священные законы чести повелевают мне пуститься в Мадрид кратчайшей дорогой, хотя бы она была самой опасной.

– Юный кабальеро, – ответил трактирщик, – ваша милость позволит мне заметить, что, ежели король удостоил вас капитанского звания прежде, чем даже нежнейший пушок не оказал той же чести подбородку вашей милости, вам следовало бы сначала дать доказательства вашего благоразумия и рассудительности, ибо если демоны и злые духи привяжутся к какому-нибудь месту...

Он наболтал бы еще с три короба, но я пришпорил коня и остановился, лишь обретя уверенность, что предостережения его уже не достигнут моих ушей. Тогда я обернулся и увидел, что он размахивает руками, пытаясь заставить меня избрать дорогу на Эстремадуру. Мой слуга Лопес и мой погонщик мулов Москито глядели на меня жалобно; взоры их, казалось, подтверждали слова трактирщика. Но я сделал вид, что ничего не понял, и пустился рысцей меж зарослей, там, где в позднейшие годы было основано поселение, названное Ла-Карлота.

На месте, где теперь стоит почта, находился тогда постоялый двор, отлично известный погонщикам. Они называли его Лос-Алькорнокес, или Пробковые Дубы, ибо два этих прекрасных дерева осеняли там обильный источник, выложенный белым мрамором. На всем пути

² *Олавидес* Пабло Антонио (1725–1803), наместник Андалузии. После того как в 1767–76 гг. роздал крестьянам земли, конфискованные у церкви, был обвинен инквизицией в ереси и заключен в монастырь, из которого ему удалось бежать во Францию.

³ Фраза эта имеет два смысла: «Гитаны из Сьерра-Морены испытывают влечение к человеческому мясу (мужской плоти)».

⁴ *Святой Иаков Компостельский* пользовался в Испании необыкновенной популярностью и считался патроном страны. Его имя в испанском звучании «Сантьяго» было военным кличем в битвах с маврами, а гробница в Галисии, где, по преданию, погребено его тело, – одним из самых почитаемых мест паломничества.

⁵ *Святая Германдад* (исп. братство) – общество, возникшее в XII в. для охраны паломников в Компостеллу. Затем перешло в организацию политическую, которой руководила инквизиция. Нередко выражением «Санта-Германдад» определялась инквизиция в целом (разг.).

⁶ *Филипп V* Анжуйский (1683–1746) – внук Людовика XIV, был провозглашен испанским королем в 1701 г.

⁷ ...*капитана валлонской гвардии*... – Валлоны – жители одной из южных бельгийских провинций, находившихся до 1714 г. под испанским владычеством.

от Андухара до трактира, называемого Вента-Кемада, нигде не было ни воды, ни тени. Этот трактир, одиноко стоящий среди пустыни, был велик и просторен. Собственно говоря, это был древний мавританский замок, который маркиз Пенья Кемада приказал отстроить заново, отсюда и название Вента-Кемада. Маркиз затем сдал его в аренду некоему горожанину из Мурсии, который и устроил в древнем замке лучшую на всей этой дороге таверну. Путешественники выезжали поутру из Андухара, затем в Лос-Алькорнокесе съедали привезенные с собой припасы и отправлялись на ночлег в Вента-Кемаду. Там они обычно проводили и следующий день, чтобы набраться сил перед переездом через горы и запастись свежей провизией.

Таков был план и моего путешествия.

Но когда мы уже приближались к Пробковым Дубам и я напомнил Лопесу о необходимости подкрепить свои силы, я заметил, что погонщик Москито исчез вместе с мулом, навьюченным всей нашей провизией. Лопес ответил мне, что этот малый остался в нескольких сотнях шагов позади нас, чтобы поправить вьюки. Мы ожидали его, проехали еще немного вперед, потом снова задержались, звали его, потом возвратились той же дорогой, чтобы его найти; но все напрасно.

Москито исчез, исчез бесследно и унес с собой наши драгоценнейшие упования на то, что обед наш все еще в целостности и сохранности. Правда, только я был голоден, ибо запасливый Лопес все время жевал тобосский сыр, который взял с собой в дорогу, но, несмотря на это обстоятельство, он был не веселее меня и ворчал сквозь зубы, что, дескать, андухарский трактирщик был прав и что, конечно, дьяволы похитили несчастного Москито.

Когда мы прибыли в Лос-Алькорнокес, я увидел рядом с родником корзинку, прикрытую виноградными листьями; должно быть, в ней были фрукты, забытые каким-нибудь рассеянным путником. Заинтересовавшись, я погрузил руку в корзинку и не без приятности обнаружил там четыре великолепные фиги и один апельсин. Две фиги я предложил Лопесу, но он поблагодарил меня, говоря, что может подождать до вечера, поэтому я все съел сам и затем пожелал утолить жажду водой из соседнего родника. Лопес удержал меня от этого, уверяя, что вода после фруктов может только повредить, и дал мне немного оставшегося еще у него аликанте. Я принял угощение, но едва вино оказалось у меня в желудке, как сердце мое внезапно сжалось, небо и земля завертелись у меня перед глазами, и я, конечно, упал бы в обморок, если бы Лопес не поспешил мне на помощь. Он привел меня в чувство, говоря, что я не должен удивляться своему состоянию, ибо оно вызвано голодом и усталостью. Вскоре силы не только вернулись ко мне, но я даже ощутил себя в особенно необычном и приподнятом состоянии. Мне показалось, что вся округа переливается тысячью красок, предметы засверкали в моих глазах, будто звезды в летнюю ночь, и кровь начала сильно стучать в жилах, особенно в висках и на шее.

Лопес, видя, что я быстро пришел в себя, начал снова упрекать меня.

– Увы, – сказал он, – отчего это я не посоветовался со святым братом Херонимо Тринидадским, монахом, проповедником, исповедником и оракулом-прорицателем нашего семейства! Недаром он, будучи зятем пасынка тещи отчима моей мачехи, стало быть нашим ближайшим родственником, не позволяет, чтобы что-нибудь в доме нашем случилось без его ведома и совета. Я не хотел его слушать – и справедливо наказан за это. Ибо частенько он говаривал мне, что офицеры валлонской гвардии – народ еретический⁸ и что это легко узнать по их светлым волосам, голубым глазам и румяным щекам, тогда как у всех истинных древних христиан цвет лица подобен цвету Мадонны из Аточы⁹, воссозданной святым Лукой.

Я остановил этот поток дерзостей, приказав Лопесу подать мне мою двустволку и остаться с лошадьми, в то время как сам намеревался взобраться на одну из окрестных скал в

⁸ ...народ еретический... – Среди населения Нидерландов только голландцы были протестантами; валлоны и фламандцы – католиками.

⁹ Мадонна из Аточы – образ Мадонны с младенцем, написанный, по преданию, апостолом Лукой с натуры, одна из самых почитаемых святынь в романских странах.

надежде, что отыщу заблудившегося Москито или, по крайней мере, его следы. Но, выслушав это мое предложение, Лопес залился слезами и, бросившись к моим ногам, заклинал меня во имя всех святых не покидать его одного в столь опасном месте. Я хотел было сам постеречь лошадей, а его отправить на поиски Москито, но это намерение еще более испугало Лопеса. Однако в конце концов я привел ему такое великое множество разумных доводов, что он все же позволил мне уйти. Затем он извлек из кармана четки и начал горячо молиться.

Вершины гор, на которые я собирался подняться, были гораздо больше удалены от меня, чем это показалось мне на первый взгляд, и лишь после часа пути мне удалось до них добраться, – впрочем, взглянув с вершины, я увидел перед собой пустынное и дикое пространство: ни следа людей, животных или какого-либо жилья; ни одной дороги, кроме той, большой, по которой я прибыл сюда, и никаких путников; полнейшая пустота и немое молчание. Я нарушил его громким криком: одно только эхо отвечало мне в отдалении. В конце концов я пустился в обратный путь, вернулся к источнику, где нашел своего коня привязанным к дереву, но Лопес... Лопес исчез бесследно.

Передо мной было два пути: либо возвратиться в Андухар, либо продолжать свое странствие. Но о том, чтобы осуществить первое, я даже и не подумал. Я сел на коня и, пустив его крупной рысью, два часа спустя прибыл к берегам Гвадалквивира, который там еще не разливается столь широко и великолепно, как под стенами Севильи. Вырываясь из горной теснины, Гвадалквивир несет быстрый поток, бездонным и безбрежным, разбивая свои волны о скалы, непрестанно пытающиеся прервать его бег.

Долина Лос-Эрманос начинается в том месте, где Гвадалквивир течет по равнине; долина эта названа в честь троих братьев, которых общая склонность к разбоям соединяла куда крепче, нежели узы кровного родства; именно это место долгое время было ареной их гнусных подвигов. Из троих братьев двое были пойманы, и, въезжая в долину, можно было видеть тела их, качающиеся на виселице, однако старший, по имени Зото, бежал из королевской тюрьмы и, как говорили, укрылся в горах Альпухары.

Удивительные вещи рассказывали о двоих братьях-висельниках; правда, никто не утверждал, что это призраки, но все уверяли, что не однажды по ночам тела их, оживленные чарами Сатаны, срываются с виселицы и тревожат живых. Эту историю считали настолько правдивой, что некий богослов из Саламанки сочинил обширный трактат, в котором возвещалось, что висельники эти есть не что иное, как упыри, чему уже не раз на белом свете бывали примеры, так что в конце концов и наиболее сомневающиеся вынуждены были поверить. Ходили также слухи, что эти двое были осуждены безвинно и, следовательно, несправедливо наказаны и что теперь, мстя с дозволения Небес, они наводят ужас на путешественников и окрестных жителей, на проезжих и прохожих. Я много наслушался об этом в Кордове и теперь, терзаемый любопытством, приблизился к виселице. Зрелище это было тем более ужасным, что, когда ветер раскачивал гнусные трупы, кровожадные коршуны терзали их внутренности и выклевывали остатки мяса; с трепетом я отвратил взор и пустился по дороге в гору.

Следует признать, что долина Лос-Эрманос была как нельзя более пригодна для разбойничьих подвигов, ибо она обеспечивала злоумышленникам места, где можно было безопасно укрыться. Что ни шаг, путнику преграждали дорогу обломки утесов либо старые деревья, выкорчеванные бурей. Во многих местах дорога прерывалась мостками через ручьи и обходила глубокие пещеры, зловещий вид которых пробуждал в душе самые мрачные подозрения.

Оставив за собой эту долину, я въехал в другую и вскоре увидел трактир, в котором должен был искать пристанища, но уже издалека вид его показался мне весьма зловещим. Я обнаружил, что в строении нет ни окон, ни ставен; дым не шел из трубы, вокруг не было ни души, и ни один пес лаем своим не возвещал о моем прибытии. Отсюда я сделал вывод, что трактир этот – один из тех, которые, если верить рассказу трактирщика из Андухара, покинуты раз навсегда. Наконец я подъехал поближе и увидел у крыльца кружку для пожертвований.

Присмотревшись, я прочел на ней следующую надпись: «Господа путешественники, исполняясь сострадания, молитесь за упокой души Гонсалеса из Мурсии, бывшего трактирщика в Вента-Кемаде. Ради всего святого, покиньте это место и ни за что на свете не останавливайтесь тут на ночлег!»

Я решил смело встретить опасности, которыми угрожала надпись. И вовсе не потому, что я не был убежден в существовании духов, но потому, что, как покажет продолжение этой истории, во всем моем воспитании больше всего обращали внимание на то, чтобы выработать во мне чувство чести, а честь, как я полагал, и заключалась именно в том, чтобы никогда не проявлять тревоги и боязни.

Солнце еще не совсем зашло, и я воспользовался последними его лучами, чтобы осмотреть это жилье, по правде говоря, не столько для того, чтобы обезопасить себя на случай адских искушений, но, скорее, для того, чтобы найти что-либо съедобное, ибо те пустыки, которые я нашел было в Лос-Алькорнокесе, разве что могли только ненадолго утишить, но отнюдь не утолить голод, который терзал меня по-прежнему. Я прошел через несколько комнат и зал. Большая часть из них была украшена мозаикой в рост человека, а потолки были покрыты великолепными резными арабесками, которыми в былые времена по праву гордились мавры. Я побывал на кухне, на чердаке и в подвалах – эти последние были выдолблены в толще скалы, некоторые из них соединялись с подземельями, которые, по-видимому, продолжались далеко в глубь гор, но нигде так и не смог отыскать чем подкрепиться. Наконец, когда уже начало смеркаться, я пошел за конем, который до тех пор стоял привязанный во дворе. Я ввел его в стойло, где нашел клоч сена, а потом прошел в одну из комнат, где оставлено было убогое ложе. Впрочем, это все же была постель, единственная во всем трактире. Я пытался заснуть, но тщетно, а тут не только еды, но и света не мог найти!

Чем чернее становилась ночь, тем более мрачное направление принимали мои мысли. Я думал то о внезапном исчезновении моих слуг, то вновь о том, как бы мне утолить голод. Я полагал, что злоумышленники, выйдя внезапно из зарослей или какого-нибудь подземного укрытия, схватили Лопеса и Москито, а меня все же побоялись тронуть, видя, что я вооружен до зубов и им все же нелегко будет одержать надо мной победу.

Более всего я думал о том, как бы мне утолить голод; правда, под вечер я видел коз на горах; несомненно, и козопас должен был при них обретаться, и было бы очень странно, если бы у него не оказалось молока и хлеба. Кроме того, я рассчитывал также на свое ружье. Но ни за что на свете я не возвратился бы в Андухар, ибо я слишком страшился тамошнего трактирщика, вернее, его издевательских расспросов. Одним словом, нисколько не колеблясь, я решил пуститься в дальнейший путь.

Когда все это было уже продумано и передумано до конца, я не смог удержаться, чтобы не вспомнить известной истории фальшивомонетчиков и многих других подобных легенд, – легенд, которые убаюкивали меня в мои младенческие годы. Мне также вспоминалась надпись на кружке для милостыни. Я не допускал, чтобы дьявол свернул шею трактирщику, но никак не мог объяснить себе горестной кончины этого последнего.

Таким образом в немой тишине проходили часы, пока я не вздрогнул от неожиданного колокольного звона. Я услышал двенадцать ударов, а ведь, как всем известно, злые духи обладают властью только от полуночи до первого крика петуха. Да и в самом деле, было чему удивиться, ибо часы не отбивали предшествующих ударов, и бой их отдавался в моих ушах погребальным звоном. Вскоре двери комнаты отворились, и я увидел черную, но, впрочем, нисколько не страшную фигуру, ибо это была красивая полунагая негритянка с двумя факелами в руках.

Негритянка приблизилась ко мне, отвесила мне глубокий поклон и так обратилась ко мне на чистейшем кастильском наречии¹⁰:

– Сеньор кавалер, две чужестранки, которые остановились на ночь в этом трактире, просят, чтобы ты оказал им честь разделить с ними их ужин. Благоволи следовать за мной.

Я поспешил за негритянкой и, пройдя по нескольким коридорам, очутился в ярко освещенной комнате, посреди которой стоял стол с тремя приборами, ломившийся под тяжестью японского фарфора и бокалов из горного хрусталя. В глубине комнаты возвышалось великолепное ложе. Несколько прислужниц-негритянок хлопотало вокруг стола, но внезапно они расступились в две шеренги, и я увидел двух входящих женщин; цвет лица их, как бы сотканный из роз и лилий, дивно отличался от эбенового цвета их наперсниц. Молодые девушки держались за руки. Они были одеты весьма странно, во всяком случае, так мне это тогда показалось, хотя впоследствии, в дальнейших моих странствиях, я убедился, что это был обычный наряд, какой носят на берберийском побережье¹¹. Наряд этот состоял, собственно, только из рубашки и лифа. Платье, или, вернее, туника, в верхней половине было полотняное, а от пояса – сшитое из мекинесского газа, то есть из ткани, которая была бы совершенно прозрачной, ежели бы широкие шелковые ленты, спускающиеся одна рядом с другой, не скрывали бы прелестей, которые так выигрывали под этим легчайшим покровом. Корсаж, или безрукавка, богато расшитая жемчугом и украшенная бриллиантовыми аграфами, тесно сжимала белоснежную грудь, а рукава от сорочки, также газовые, были связаны на спине. Руки унизаны были драгоценными браслетами. Ножки этих незнакомок, ножки, повторяю, которым следовало быть кривыми и заканчиваться когтями, если бы они принадлежали злым духам, напротив, отличались стройностью. Они были обуты в изящные восточные туфельки, отнюдь не скрывавшие пальчиков. У щиколоток сверкали браслеты с бриллиантами.

Незнакомки приблизились ко мне с приветливой улыбкой. Каждая была в своем роде необыкновенной красавицей. Одна – высокая, стройная, ослепительная, другая же – кроткая и боязливая. Фигура и черты старшей с первого взгляда поражали правильностью. У младшей, пухленькой, были чуть выпяченные губки, а ее прищуренные глаза оттенены были ресницами необычайной длины. Старшая обратилась ко мне с такими словами на чистейшем кастильском наречии:

– Сеньор кавалер, благодарим тебя за любезность, с которой ты соблаговолил разделить этот скромный ужин. Мы полагаем, что ты ощущаешь в нем потребность.

Слова эти она произнесла со столь злорадной усмешкой, что я на миг заподозрил ее в том, что это она приказала увести моего мула с припасами. Но, так или иначе, мне нельзя было гневаться, ведь утрата моя была возмещена сторицей.

Мы уселись за стол, и та же незнакомка сказала, придвигая ко мне вазу японского фарфора:

– Сеньор кавалер, ты найдешь тут олью-подриду¹², состоящую из всех видов мяса, кроме одного, ибо мы верные, то есть мусульманки.

– Прекрасная незнакомка, – отвечал я, – без сомнения, ты сказала правду; кому же более пристало говорить о верности? Это религия истинно любящих сердец. Во всяком случае, прежде чем вы утолите мой голод, прошу утолить мое любопытство и сказать мне, кто вы.

– Ешь пока, сеньор кавалер, – возразила прекрасная мавританка, – от тебя у нас нет никаких тайн! Меня зовут Эмина, а мою сестру – Зибельда; мы живем в Тунисе, но семейство

¹⁰ ...на чистейшем кастильском наречии. – Кастильский диалект постепенно стал основой общенационального испанского языка, подобно тому как тосканское наречие легло в основу итальянского языка. Объединение Кастилии с Арагоном произошло в 1479 г.

¹¹ ...на берберийском побережье... – т. е. на берегах Северной Африки.

¹² Олья-подрида – национальное испанское блюдо, в которое входят различные сорта мяса, приготовленные особым образом.

наше родом из Гранады, и некоторые из наших родичей остались в Испании, где тайно исповедуют веру отцов¹³. Неделю назад мы покинули Тунис и высадились на пустынном берегу, неподалеку от Малаги. Затем, между Лохой и Антекверой, мы перешли горы и наконец прибыли сюда, чтобы сменить платье и предпринять все необходимое для нашей безопасности, – ведь нас могут искать. Ты видишь поэтому, сеньор, что наше путешествие – важная тайна, которую мы доверяем твоей честности и порядочности.

Я заверил прекрасных путешественниц, что с моей стороны им нечего опасаться, и начал подкреплять свои силы хотя и с известной прожорливостью, но, однако, не без некоторой жеманной элегантности, о какой никогда не забывает молодой человек, находясь в женском обществе.

Когда дамы увидели, что первый голод утолен и что я принимаюсь за то, что в Испании называют *los dulces*¹⁴, прекрасная Эмина приказала негритянкам показать мне, как пляшут в их родном краю. Казалось, ни один приказ не мог быть для них приятнее. Они исполнили его с живостью, которая даже несколько переходила в своеволие и проказливость. Конечно, я никогда не был бы в состоянии положить конец этим пляскам, если бы не спросил прекрасных незнакомок, а не предаются ли порой этому развлечению они сами. Вместо ответа, они поднялись и приказали подать им кастаньеты. Танец их напоминал болеро, которым славится Мурсия, и фэффу, которую танцуют в Альгарве; те, которые бывали в тех краях, легко могут себе вообразить его. Однако они никогда не смогут представить очарования, которое придавали ему прелести обеих мавританок, едва прикрытые прозрачными складками, как бы стекающими по их стройным фигурам.

В течение некоторого времени я спокойно смотрел на восхитительных танцовщиц, но в конце концов движения их, все более яростные, одурманивающие звуки мавританской музыки, чувства, распаленные обильной трапезой, – все это вместе невольно повергло меня в неведомое мне доселе исступление. Я и в самом деле не знал, женщины ли это или какие-то коварные призраки. Я не смел взглянуть на них, не хотел ничего видеть, закрыл глаза руками и в этот миг ощутил, что теряю сознание.

Сестры приблизились ко мне и взяли меня за руки. Эмина участливо осведомилась о моем здоровье, я успокоил ее. Зибельда тем временем допытывалась, что за медальон у меня на груди, не портрет ли это моей возлюбленной.

– Это талисман, – возразил я, – который дала мне мать и который я поклялся не снимать никогда. В нем хранится частица истинного креста.

При этих моих словах Зибельда смутилась и побледнела.

– Ты в тревоге, – продолжал я, – а ведь одни только злые духи страшатся креста.

Эмина отвечала за сестру:

– Сеньор кавалер, ты знаешь, что мы мусульманки, и ты не должен дивиться обиде, которую ты невольно причинил моей сестре. Признаюсь, что и я испытала то же чувство, и горестно нам, что ближайший наш родственник исповедует веру Христову. Эта речь тебя удивляет, но разве твоя матушка родом не из Гомелесов? Мы также принадлежим к этой семье, которая ведет свой род от Абенсеррагов...¹⁵ но присядем на эту софу, и я расскажу тебе гораздо больше.

Негритянки удалились. Эмина посадила меня в угол софы и, поджав под себя ноги, села рядом со мной. Зибельда легла с другой стороны, опираясь о мою подушку, и мы были столь

¹³ ...исповедуют веру отцов. – Потомки мавров были вынуждены принять христианскую веру и подчиняться испанским обычаям, т. к. мусульманам («неверным») запрещалось жить в Испании, где инквизиция, созданная в 1478 г., ожесточенно их преследовала.

¹⁴ Сладости (исп.).

¹⁵ *Абенсерраги* – знатный мавританский род из Гранады, сыгравший значительную роль в борьбе мавров против испанцев, закончившейся в 1492 г. падением Гранады.

близко друг от друга, что наше дыхание смешивалось. Эмина, казалось, задумалась на миг; потом, метнув на меня взор, исполненный чувства, взяла меня за руку и начала с таких слов:

– Я вовсе не хочу скрывать от тебя, дорогой Альфонс, что нас привел сюда не простой случай. Мы дожидались здесь тебя, и если бы, гонимый боязнью, ты избрал иную дорогу, наше уважение к тебе исчезло бы навсегда.

– Ты льстишь мне, прекрасная Эмина, – возразил я, – не понимаю, почему тебя так трогает моя храбрость?

– Твоя особа чрезвычайно занимает нас, – продолжала мавританка, – но, может быть, это менее польстит тебе, если ты узнаешь, что ты первый мужчина, которого мы встречаем в своей жизни. Ты удивлен моими словами и как будто сомневаешься, правдивы ли они. Я обещала тебе рассказать историю наших предков, но, конечно, лучше будет, если я начну с нашей собственной истории.

История Эмины и сестры ее Зибельды

– Отец наш Газир Гомелес, дядя дея¹⁶, правящего ныне в Тунисе. У нас не было брата, мы никогда не знали отца, и, так как с самых юных лет были заперты в стенах сераля, у нас отсутствовало какое бы то ни было понятие о существах вашего пола. Однако природа одарила нас несказанной склонностью к любви, и, так как у нас не было иного выбора, мы взаимно влюбились друг в друга. Привязанность эта началась с раннего детства. Мы рыдали, когда нас хотели разлучить хоть на миг; когда одну из нас наказывали, другая начинала плакать. Днем мы играли вместе, а ночью делили одно ложе. Столь живое чувство, казалось, начало расти вместе с нами и крепнуть из-за обстоятельства, о котором я тебе сейчас расскажу. Мне было тогда шестнадцать лет, а моей сестре четырнадцать. С давних пор мы заметили, что матушка старательно прячет от нас некоторые книги. Сперва мы обращали на это мало внимания, ибо нам уже достаточно наскучили книги, по которым нас учили читать, но с возрастом у нас пробудился интерес к ним. Мы подстерегли минуту, когда запретный шкафчик был открыт, и мгновенно похитили маленький томик, который заключал в себе историю Медждуна и Лейли¹⁷, переведенную с персидского Бен Омаром¹⁸. Это увлекательное творение, пламенными красками описывающее наслаждения любви, воспламенило наши юные головы. Мы не могли понять, в чем суть этих наслаждений, не видав никогда существ вашего пола, но повторяли вслух и про себя новые для нас выражения. Мы обращались друг к другу языком влюбленных и в конце концов попытались любить друг друга, как они. Я взяла на себя роль Медждуна, а сестра моя – роль Лейли. Прежде всего я свидетельствовала ей мою страсть, составляя цветы в букет (это способ объяснения в любви, употребляемый по всей Азии), затем я бросила ей взгляд, полный огня, упала перед ней на колени, целовала ее следы, заклинала ветерок, чтобы он принес ей мои жалобы, и непрестанно пыталась воспламенить ее сердце жаркими вздохами.

Зибельда, верная науке поэта, назначила мне свидание. Я припала к ее коленям, сжимала ей руки, обливала слезами ее ноги. Возлюбленная моя сперва оказывала мне легкое сопротивление, но вскоре позволила мне похитить несколько лобзаний и наконец вполне разделила мои пылкие чувства. Души наши, казалось, сливались воедино, и более совершенного счастья мы не ведали.

¹⁶ *Дея* – титул властителей Туниса и Триполитании.

¹⁷ *Лейли и Медждуни* – влюбленные из древнеарабской легенды, названной их именами, ставшими впоследствии нарицательными. Юноша Кейб (иначе Музд) был прозван Медждуном (т. е. одержимым), хотя древнейшие кодексы этого памятника говорят о его поэтическом даровании, а не о любви. В 1188 г. создал поэму о двух «бессмертных влюбленных», вызвавшую многочисленные подражания.

¹⁸ *Бен Омар* – Омар ибн аль Фарид (1181–1235) – арабский поэт.

Я не помню, как долго развлекали нас эти страстные сцены, но вскоре ярость наших чувств значительно поутихла. Мы проявили охоту к некоторым наукам, в особенности к познанию растений, признаки коих мы узнавали из трудов прославленного Аверроэса¹⁹. Матушка моя, будучи убеждена, что никто не может достаточно вооружиться против скуки сераля, с удовольствием взирала на наши занятия и, желая нам облегчить учение, приказала выписать из Мекки святую женщину, прозванную Хазарета, или «святая из святых». Хазарета учила нас заветам пророка и излагала нам науки тем чистым и мелодичным языком, какой употребляют ныне лишь потомки корейшитов²⁰. Мы не могли ее вволю наслушаться и вскоре знали на память почти весь Коран. Затем матушка поведала нам историю нашего семейства и показала нам множество дневников и записок, из коих одни были писаны по-арабски, а другие по-испански.

Милый Альфонс, ты не поверишь, до чего нам опротивела ваша религия, как мы возненавидели ее священнослужителей. Зато, с другой стороны, судьбы и злключения семьи, кровь которой текла в наших жилах, неслыханно нас занимали. Мы восторгались то Саидом Гомелесом, который терпел муки в узилищах инквизиции, то его племянником Леиссом, который долгое время влачил в горах существование дикое и почти ничем не отличимое от существования хищных зверей. Такие описания пробуждали в нас восторженный интерес к мужчинам, нам хотелось их увидеть, и мы часто выходили на террасу в саду, чтобы хоть издали поглядеть на корабельщиков с озера Голетта или правоверных, спешащих в бани Хамам-Неф²¹. Хотя мы с Зибельдой и не забывали науки влюбленного Меджнуна, однако с тех пор мы никогда уже больше не повторяли с ней его уроков. Я полагала даже, что страстные чувства, которые я питала к сестре своей, совершенно угасли, но в это время неожиданный случай убедил меня в том, что я ошибалась.

Однажды матушка привела к нам некую принцессу из Тафилета, женщину преклонных лет. Мы приняли ее как можно лучше. Когда визит окончился, матушка сообщила мне, что принцесса просит моей руки для своего сына, моя же сестра предназначена в жены одному из Гомелесов. Известие это как громом поразило нас. Сперва мы не могли вымолвить ни слова, а потом горести этой разлуки столь живо предстали перед нашим взором, что мы предались страшнейшему отчаянию. Мы вырывали себе волосы, и весь сераль огласился нашими стонами. Наконец, когда наша печаль начала переходить в истинное безумие, матушка в испуге обещала не принуждать нас и предложила нам на выбор оставаться незамужними или же обеим выйти замуж за одного и того же избранника. Эти обещания несколько успокоили нас.

Вскоре затем матушка пришла нам сказать, что говорила с шейхом нашего рода и что он согласился, чтобы мы были отданы в жены одному и тому же человеку, при условии, чтобы супруг этот происходил из семьи Гомелесов.

Мы ничего на это не ответили, но мысль иметь одного мужа с каждым днем все больше нам улыбалась. Доселе мы не видели ни старого, ни молодого мужчины – разве уж очень издали! Но так как молодые женщины казались нам приятнее, чем старые, мы весьма жаждали, чтобы наш супруг тоже был молодым. Мы надеялись, что нам удастся истолковать с его помощью некоторые отрывки из книги Бен Омара, которые мы сами были не в состоянии уразуметь.

Тут Зибельда прервала сестру свою и, сжимая меня в объятиях, сказала:

¹⁹ *Аверроэс* (Аверроис) – латинизированная форма имени Ибн Рошда (1126–1198), арабского философа и естествоиспытателя эпохи расцвета арабской культуры, прославившегося, в частности, своими комментариями к Аристотелю, упоминающимся у Данте (Ад. IV, 144 и др.).

²⁰ *Корейшиты* – одно из арабских племен, населявших Мекку и ее окрестности. Из этого племени происходил Магомет.

²¹ *Бани Хамам-Неф* – местность к югу от Туниса, известная теплыми минеральными источниками еще с древности.

– Милый Альфонс, отчего ты не мусульманин! Как бы я была счастлива, если бы, видя тебя на ложе Эмины, я могла бы участвовать в ваших наслаждениях и соединиться с вами в объятии!

В нашем семействе, так же как и в семействе пророка²², потомки по женской линии имеют такие же права, как и потомки по мужской линии, и поэтому от тебя зависит, быть может, стать главой нашего рода, который уже клонится к упадку. Для этого тебе было бы достаточно раскрыть свое сердце навстречу святым лучам нашей веры!

Слова эти показались мне настолько похожими на дьявольские козни, что я все высматривал, не замечу ли следы рогов на прекрасном челе Зибельды. Я пробормотал несколько слов о святости моей религии. Сестры отодвинулись от меня. Лицо Эмины приняло серьезное выражение, после чего прекрасная мавританка так продолжала свою речь:

– Сеньор Альфонс, я слишком много рассказывала о себе и о Зибельде. Это не входило в мои намерения; я здесь рядом с тобой, чтобы сообщить тебе подробности о семействе Гомелесов, от коих ты производишь по женской линии. Вот о чем я хотела бы, чтобы ты узнал.

История замка Кассар-Гомелес

Первым шейхом нашей семьи был Масуд бен Тахер, брат Юсуфа бен Тахера²³, который вторгся в Испанию во главе арабов и дал свое имя горе Джебель-Тахер, или, как вы произносите, Гибралтар. Масуд, много сделавший для успеха арабского оружия, получил от калифа Багдада должность правителя Гранады, которую он и исправлял вплоть до самой смерти своего брата. Он оставался бы в этой должности и дольше, ибо его глубоко уважали как мусульмане, так и мосарабы, то есть христиане, оставшиеся под владычеством мавров, но у него были сильные враги в Багдаде, которые очернили его в глазах калифа²⁴. Масуд узнал, что гибель его неизбежна, и решил удалиться сам. Он собрал горстку верных и поселился в Альпухаре²⁵, которая, как ты знаешь, является отрогом Сьерра-Морены и отделяет королевство Гранады²⁶ от королевства Валенсии.

Визиготы²⁷, у которых мы завоевали Испанию, так никогда и не прорвались в Альпухару; бо́льшая часть долин была совершенно заброшена. Только в трех из них обитали потомки древнего иберийского племени, называемые турдулами²⁸. Не знали они ни Магомета, ни твоего пророка-назарянина; принципы их религии и законов содержались в песнях, которые передавались от отцов к детям. Некогда у них были книги, но с течением времени эти книги погибли.

Масуд покорила турдулов скорее словом, чем силой; он научился их языку и проповедовал им ислам. Оба народа смешались посредством взаимных браков; именно этому слиянию

²² ...так же как и в семействе пророка... – Поскольку единственной из детей Магомета, пережившей его, была дочь Фатима, потомков ее некоторые мусульманские секты считали единственными наследниками Магомета, как духовного вождя ислама.

²³ *Юсуф Бен-Тахер* – предводитель арабов, который в 711 г. начал завоевание Испании: носил имя аль Тарик. Он разбил войска визиготов и занял Кордову и Толедо. По имени аль Тарика арабы назвали южный мыс Иберийского полуострова «горой Тарика» – Джебель-аль-Тарик.

²⁴ *Калиф* (халиф, от *араб.* преемник). – Калифы соединяли светскую и духовную власть в первых государствах, образованных арабами после Магомета. Первые калифы происходили из семейства Магомета, и их столицей была Медина. Затем халифатом овладела династия Омейядов, правившая в Дамаске (661–749 гг.).

²⁵ *Альпухара* – возвышенность, расположенная к югу от гор Сьерра-Невада; Потоцкий, однако, обозначает этим именем восточную часть горной цепи Сьерра-Морены.

²⁶ *Королевство Гранады*. – В объединенной Испании, возникшей в результате союза нескольких независимых государств, отдельные области еще в течение долгого времени обычно назывались королевствами.

²⁷ *Визиготы* – одно из германских племен; вытесненные в эпоху переселения народов из родных мест, они в V–VIII вв., т. е. до создания Кордовского халифата, обладали Иберийским полуостровом.

²⁸ *Турдулы* – туземное иберийское племя, некогда населявшее Северную Андалузию в окрестностях нынешней Кордовы. Сохранились эпические и исторические памятники этого племени, отличавшегося высоким культурным уровнем.

родов, как и горному воздуху, я и моя сестра обязаны той румяной кожей, которая отличает дочерей Гомелесов. Можно, правда, и у мавров встретить немало белых женщин, но обычно они бледны.

Масуд принял титул шейха и приказал воздвигнуть укрепленный замок, которому дал имя Кассар-Гомелес. Более судья, нежели повелитель, своего племени, Масуд был доступен для всякого, двери его дома отворялись равно для всех, только в последнюю пятницу каждого месяца он прощался с семьей, спускался в подземелье замка и, запершись там, проводил целую неделю. Эти исчезновения дали повод к разнообразным толкам. Одни считали, что шейх ведет беседы с Двенадцатым имамом²⁹, который должен явиться накануне светопреставления, другие же предполагали, что в подземелье сидит заключенный Антихрист³⁰; третьи, наконец, доказывали, что там почивают семеро спящих братьев вместе со своим верным псом Калобом³¹. Шейх совершенно не обращал внимания на эти досужие толки и правил своим народом до тех пор, пока у него хватало сил. В конце концов он выбрал разумнейшего из всего племени, нарек его своим преемником, вручил ему ключ от подземелья, а сам уединился в пустыне, где прожил еще долгие годы.

Новый шейх правил подобно своему предшественнику и, так же как и он, исчезал в последнюю пятницу каждого месяца. Это длилось до тех пор, пока Кордова не получила своих калифов³², совершенно независимых от владык Багдада. Тогда горцы Альпухары, которые принимали деятельное участие в этих переменах, начали селиться на равнинах, где вскоре они прославились под именем Абенсеррагов, другие же, которые остались верными шейху из Кассар-Гомелеса, сохранили имя Гомелесов.

А между тем Абенсерраги скупили богатейшие имения в королевстве Гранады и великолепнейшие дворцы. Чрезмерная их роскошь привлекла всеобщее внимание. Возникло подозрение, что подземелья шейхов таят неисчислимы богатства, но никто не был в состоянии проверить эти предположения, так как сами Абенсерраги не знали источника своих сокровищ. Наконец, когда прекрасные эти королевства навлекли на себя гнев Божий, Аллах отдал их в руки неверных. Гранада была взята штурмом, и спустя несколько дней знаменитый Гонзальв³³ из Кордовы во главе трех тысяч испанцев ворвался в Альпухару. Хатем Гомелес был тогда шейхом нашего рода. Он вышел навстречу Гонзальву и вручил ему ключи от замка. Испанец потребовал ключи от подземелья, шейх и их ему тут же принес. Гонзальв спустился в подземелье, но, увидя вместо сокровищ надгробье и несколько ветхих книг, начал громко издеваться над пустыми домыслами своих единоплеменников и поспешил затем вернуться в Вальядолид, куда его призывали любовь и любовные интриги.

²⁹ *Двенадцатый имам.* – После смерти Магомета и первых четырех «правоверных» калифов (Абу-бекр, Омар, Отман, Али; 632–660) в лоне ислама возникла секта шиитов (*араб.* шиит – сторонник [Али]), которая в противоположность секте суннитов не признавала омейядских калифов законными преемниками Магомета как духовного главы ислама. По мнению шиитов-имамитов на титул имама (*араб.* имам – вождь) имели право только Али, зять Магомета, два его сына – Хассан и Хуссейн, а также девять потомков Хуссейна. Двенадцатый в этой череде – Мохаммед Абуль Кассим, правнук Али, родившийся в 872 г., восьмилетним мальчиком исчез при таинственных обстоятельствах. Шииты-имамиты верили, что он скрывается, чтобы выступить в конце света как *махди* (*араб.* ведомый [пророком]), который продолжит деяния Магомета, обращая «неверных».

³⁰ *Антихрист.* – Согласно верованиям мусульман, в конце света, в миг светопреставления, должно появиться одноглазое чудовище, соответствующее библейскому Антихристу. В сорок дней оно завоеует всю землю, но падет от руки махди.

³¹ *Семь братьев.* – Из христианского мифа об Иосифе и его братьях к магометанам проникла легенда о семи братьях, которые в 251 г. бежали от религиозных преследований императора Деция. Согласно Корану (сура 18: 8–25), братья, не желая отречься от Аллаха и запятнать себя идолопоклонством, укрылись в пещере, вдали от людей, где с ними была собака.

³² *Кордова не получила своих калифов* (вернее, эмиров)... – В 749 г. Абассидам, шиитской династии, удалось низложить суннитскую династию калифов Омейядов. Победа Абассидов стала началом распада всеарабского халифата. Абд-эр-Рахман, внук последнего омейядского калифа, бежав из Дамаска в Испанию, в 756 г. провозгласил себя эмиром Кордовы, независимым от багдадского халифата, просуществовавшего до 1258 г. С 929 г. эмиры Кордовы начали именоваться калифами.

³³ *Гонзальв Фернандес Гонсало де Кордова* (1453–1515) – командующий испанскими войсками, который в 1492 г. завоевал Гранаду, последний клочок Иберийского полуострова, оставшийся под властью мавров.

До самого вступления Карла на престол в наших горах царил мир. Шейхом тогда был Сефи Гомелес. Этот человек по неизвестным причинам донес императору, что откроет ему важную тайну, если Карл³⁴ захочет послать в Альпухару какого-нибудь знатного испанца, к которому он питает полное доверие. Прежде чем прошло пятнадцать дней, к Гомелесам в качестве императорского посла прибыл дон Руис из Толедо, но нашел шейха мертвым. Его убили накануне приезда посла. Дон Руис заподозрил нескольких человек, но затем, устав от напрасных усилий, вернулся к императорскому двору.

Тут Зибельда вновь прервала сестру, говоря:

– Милая Эмина, не думаешь ли ты, что Альфонс выдержал бы все эти испытания? Ах, кто же посмеет сомневаться в этом! Дорогой Альфонс, как жаль, что ты не мусульманин; без сомнения, ты стал бы властелином неисчислимых сокровищ!

Это было уж совсем похоже на новое искушение. Князь тьмы, не сумев соблазнить меня наслаждением, старался теперь пробудить во мне жажду золота. Тем временем прекрасные мавританки прильнули ко мне, и я ощутил прикосновение живых тел, а вовсе не теней. После минутного молчания Эмина так продолжала свою речь:

– Дорогой Альфонс, ты прекрасно знаешь о преследованиях, которым подвергся наш род в царствование Филиппа³⁵, сына Карла. Похищали детей, воспитывали их в вере Христовой и передавали им имена родителей, которые не хотели отказаться от веры предков. Тогда-то один из Гомелесов был принят в теку дервишей святого Доминика и занял должность Великого инквизитора...³⁶

Тут мы услышали пенье петуха, и Эмина прервала свою речь. Снова пропел петух. Человек суеверный, конечно, ожидал бы, что обе красавицы внезапно ускользнут через дымоход. Однако этого вовсе не произошло, только девушки внезапно помрачнели и погрузились в размышления.

Эмина первая прервала молчание.

– Милый Альфонс, – сказала она, – уже занимается день, слишком дороги часы, которые мы можем провести с тобой, чтобы мы могли потратить их на рассказывание давних историй. Мы не можем стать твоими женами, разве только ты признаешь закон пророка. Но тебе позволено будет увидеть нас во сне. Ты согласен на это?

Я был согласен на все.

– Но этого недостаточно, милый Альфонс, – сказала Эмина с выражением высочайшего достоинства, – нужно, чтобы ты присягнул священнейшими принципами чести, что никогда не выдашь тайны наших имен, самого нашего существования и всего того, что ты знаешь о нас. Отважишься ли ты принять на себя подобные обязательства?

Я поклялся исполнить все, чего от меня ожидали.

³⁴ Карл I Габсбург – царствовал в Испании в 1516–1556 гг. Под именем Карла V был одновременно императором Священной Римской империи германской нации. Резиденцией его преимущественно был Мадрид, который, однако, сделался официальной столицей Испании только в 1561 г.

³⁵ Филипп II – сын и преемник Карла I, царствовал в Испании в 1556–1598 гг. Под давлением инквизиции издал в 1566 г. приказ, повелевающий всем морискам (так называли мавров, перешедших в католичество) отказаться от арабского языка и национальных костюмов. Это вызвало восстание морисков в Гранаде; испанцы потопили его в крови, отдав затем морисков под надзор инквизиции. Одновременно всех мавров-магометан начали переселять в Африку.

³⁶ Великий инквизитор – возглавлял инквизицию, имеющую целью искоренение ересей. Функции инквизиторов начиная с 1232 г. по распоряжению папы Григория IX исполняли доминиканцы. В Испании инквизиция существовала с XIII в., была ликвидирована лишь в 1820 г. В 1478 г. по приказу Фердинанда V и Изабеллы в Испании, с согласия папы Сикста IV, были созданы специальные инквизиционные учреждения, отличавшиеся особой жестокостью, которая проявлялась при малейшем подозрении в ереси. С 1483 г. великим инквизитором Испании был Томас де Торквемада (1420–1498).

– Хорошо, – сказала Эмина, – теперь, сестра, принеси чашу, освященную Масудом, шейхом нашего рода.

В то время как Зибельда ходила за волшебной чашей, Эмина пала на колени и стала читать арабские молитвы. Зибельда возвратилась с чашей, которая показалась мне вырезанной из одного большого изумруда. Сестры омочили в ней уста и приказали мне выпить остальное. Я повиновался. Эмина поблагодарила меня за покорность и нежно обняла. Затем Зибельда прильнула к моим устам, запечатлела на них проникновеннейший поцелуй и долго не могла от них оторваться. Потом они обе покинули меня, говоря, что вскоре я снова их увижу и что пока они советуют мне попытаться поскорее заснуть.

Столько удивительных случаев, чудесных рассказов и неожиданных впечатлений дали бы мне пищу для размышлений на всю ночь, но должен признаться, что обещанные сновидения занимали меня более всего. Я быстро разделся и, когда уже улегся на приготовленное для меня ложе, заметил не без удовольствия, что постель широка и что для приятных сновидений места на ней более чем достаточно. Но едва я успел заметить это, как неодолимый сон сковал мои веки и все обманы ночи повили пленой мои чувства. Не переставая блуждал я во все новых и новых дебрях фантастических очарований, а мысль моя, летящая на крыльях желания, помимо воли переносила меня в африканские серали, открывала прелести, сокрытые в их околдованных стенах, и погружала в омуты неопишуемых наслаждений. Я чувствовал, что сплю, и, однако, был уверен, что сжимаю в своих объятиях отнюдь не сонные видения. Я терялся в бесконечном пространстве безумнейших иллюзий, но отлично помню, что все время был с моими прекрасными кузинами. Засыпал на их груди и пробуждался в их объятиях. Не помню, сколько раз испытывал я эти волшебные метаморфозы...

День второй

Наконец я и в самом деле очнулся. Солнце жгло мне веки, и я с трудом сумел их поднять. Увидев небо, я понял, что нахожусь на вольном воздухе. Но глаза мои все еще слипались. Я уже не спал, но не вполне пробудился. Ужасные картины проносились перед моим умственным взором. Тревога снедала меня. Я вдруг приподнялся и сел.

Где найду слова, чтобы описать ужас, овладевший мною? Я лежал под виселицей Лос-Эрманоса. Трупы обоих братьев Зото уже не висели, а лежали рядом со мной. Я, несомненно, провел между ними целую ночь. Я валялся на оборванных постромках, обломках колес, чьи-то костях и гнусных лохмотьях, еще нетронутых тлением.

Мне показалось, что я сплю и что отвратительный сон гнетет меня. Я закрыл глаза, силясь припомнить впечатления прошедшей ночи. И вдруг ощутил когти, впивающиеся в грудь мою. Это был коршун, который упал на меня и терзал тело одного из моих товарищей по ночлегу. Боль, которую причинили мне эти когти, окончательно разбудила меня. Платье мое лежало рядом со мной, и я начал поспешно одеваться. Одевшись, я хотел выйти из ограды, окружавшей виселицу, но ворота были заперты, и я, как ни старался, не смог их отпереть. Мне пришлось в конце концов взобраться на эту угрюмую ограду. Взобравшись туда, я оперся на столб виселицы и оглядел окрестность. Я уже знал это место. Я и в самом деле находился у входа в долину Лос-Эрманос, неподалеку от берегов Гвадалквивира.

Вот так, блуждающими очами озирая окрестность, я увидел над рекой двух путников, один из которых готовил завтрак, а другой держал под уздцы пару лошадей. Я был так счастлив, что вижу людей, что сразу же начал кричать: «Agur! Agur!» – что означает по-испански «Добрый день» или, пожалуй, «Как поживаете?».

Путники, заметив знаки внимания, которые кто-то оказывал им с верхушки виселицы, на миг остолбенели, но тут же оседлали коней и во весь дух поскакали по дороге, ведущей в Лос-Алькорнокес. Я кричал им, чтобы они остановились, но напрасно: чем громче я кричал, тем быстрее они уносились и тем глубже вонзали шпоры в бока своих лошадей. Когда я наконец совершенно потерял их из виду, я прежде всего подумал о том, чтобы покинуть свой пост. Спрыгнул наземь и, падая, довольно сильно ушибся.

Ковыляя, я добрался до берега Гвадалквивира; я нашел там приготовленный ужин, который с такой поспешностью бросили оба путника. Это угощение было очень кстати, более того, оно было даже весьма утонченным. Я нашел варящийся еще шоколад, эспонхад³⁷, смоченные вином аликанте, хлеб и яйца.

Я подкрепился, а потом принялся вспоминать события прошедшей ночи. Воспоминания мои совершенно перепутались, однако я отлично помнил, что дал честное слово сохранять тайну, и решил свято хранить верность присяге. Окончательно развеяв всяческие сомнения, я стал раздумывать о дальнейшей моей судьбе, вернее, о том, какую дорогу выбрать. Теперь более, чем когда-либо, я считал, что священные законы чести велют мне ехать через Сьерра-Морену.

Может показаться странным, что я столько занимался делами моей чести и столь мало – событиями минувшей ночи, но этот образ мыслей был следствием моего воспитания, как это выяснится из дальнейшего течения этой повести. А теперь я возвращаюсь к моему путешествию.

Мне было весьма интересно узнать, что за штуки выкидывали дьяволы с моим конем, которого я оставил в Вента-Кемаде; и так как мне следовало держать путь туда, я решил заглянуть в трактир. Мне пришлось пешком пройти всю долину Лос-Эрманос и следующую, вплоть

³⁷ Эспонхадо – род бисквитного печенья.

до самой венты; я был настолько измучен, что с нетерпением ожидал мгновения, когда отыщу моего коня. И в самом деле, я нашел его в том самом стойле, где его вчера оставил. Добрый мой гнедой не утратил обычной веселости, шкура его лоснилась, из чего следовало, что кто-то о нем тщательно заботился. Я не мог понять, кто это сделал, но я уже столько перевидал необычайных вещей, что не стоило долго ломать голову над подобной безделицей. Я, конечно, тут же пустился бы на нем в путь, если бы мне не пришла вдруг охота вновь осмотреть трактир. Я нашел комнату, в которой сперва расположился, но, несмотря на самые старательные поиски, не смог обнаружить покои, где я познакомился с прекрасными мавританками. Мне надоело бессмысленно слоняться по углам, и вот я оседлал коня и пустился в дальнейший путь.

Когда я проснулся под виселицей Лос-Эрманоса, солнце совершило уже почти половину своего пути, с того момента я два часа потратил на дорогу к трактиру; итак, когда я проехал следующие несколько миль, мне нужно было уже подумать о новом приюте, но, не видя нигде ни одного строения, я поехал дальше. Наконец я увидел вдалеке готическую часовню, к стене которой прилепилась маленькая хижина, похожая на жилище отшельника. Строение это находилось в весьма значительном отдалении от большой дороги, но, так как голод начал уже мучить меня, я не колеблясь свернул с дороги, надеясь подкрепить свои силы.

Добравшись до хижины, я привязал коня к дереву, постучался у дверей хижины и увидел выходящего из нее монаха чрезвычайно благообразной наружности. Отшельник обнял меня с отцовской заботливостью и сказал:

– Войди, сын мой, войди скорее, не проводи ночь под открытым небом, остерегайся искушений, ибо Господь отвел от нас десницу свою.

Я поблагодарил отшельника за доброту, которую он ко мне проявил, и напомнил ему о голоде, терзающем меня.

– Подумай сперва о спасении души, сын мой, – ответил он, – иди в часовню, преклони колени и молись перед распятым. Я подумаю о потребностях тела твоего; но тебе придется ограничиться скудной трапезой, которую может предоставить тебе отшельник в своей бедной хижине.

Я пошел в часовню и в самом деле начал молиться, ибо не только сам никогда не был безбожником, но даже не понимал, как их только земля носит. Всему этому причиной было полученное мною воспитание.

Спустя четверть часа отшельник зашел за мной и ввел меня в хижину, где я нашел весьма пристойно накрытый стол. Ужин состоял из великолепных маслин, артишоков, маринованных в уксусе, соуса с испанским луком и сухарей вместо хлеба; затем нашлась и бутылка вина, которого отшельник не пил, но употреблял, только служа святую обедню. Узнав об этом, я также не прикоснулся к вину.

В то время как я не без удовольствия подкреплял свои силы, в хижину вошло такое ужасное создание, какого я еще никогда в жизни не видел. Это был человек, как мне показалось, молодой, но устрашающей худобы. Волосы у него стояли дыбом, один глаз был выколот, и рана все еще кровоточила. Из рта у него вываливался язык, покрытый пеной. Он был в весьма приличном черном платье, но это была вся его одежда – ни чулок, ни сорочки на нем не было.

Страшный пришелец, не говоря ни единого слова, уселся в углу, согнувшись в три погибели, и, неподвижный как статуя, единственным глазом своим всматривался в распятое, которое сжимал в руках. Покончив с ужином, я осведомился у отшельника, что это за человек.

– Сын мой, – ответил старец, – это бесноватый, из которого я изгоняю дьяволов. Страшная история его является явным доказательством той власти, которую ангел тьмы приобрел над сею злосчастной округой. Рассказ его может послужить к твоему спасению, потому-то я и прикажу ему, чтобы он его начал.

Окончив эту фразу, он обратился к бесноватому и молвил:

– Пачеко! Пачеко! Во имя твоего Искупителя я велю тебе поведать твою историю.

Пачеко отвратительно зарычал, а потом повел такую речь:

История бесноватого Пачеко

Родился я в Кордове, где отец мой жил в достатке. Мать моя скончалась три года назад. Отец сперва казался безутешным, но, когда несколько месяцев спустя ему случилось съездить в Севилью, влюбился там в молодую вдову по имени Камилла де Тормес. Женщина эта пользовалась недоброй славой, и друзья моего отца пытались отвратить его от этого знакомства, но именно как бы им наперекор отец обвенчался с ней спустя два года после кончины первой жены. Бракосочетание состоялось в Севилье, и через несколько дней отец мой вернулся в Кордову с новой супругой и сестрой ее Инезильей.

Поведение моей мачехи вполне соответствовало молве, которая о ней ходила. Едва прибыв к нам в дом, она начала бросать на меня нежные взгляды. Намерения ее не увенчались успехом, но я безумно влюбился в ее сестру. Эта страсть вскоре настолько овладела мною, что я бросился к ногам отца, умоляя его отдать мне в жены Инезилью.

Отец, благодушно улыбаясь, поднял меня и сказал:

– Запрещаю тебе, сын мой, думать об этом браке – и это по трем достаточно веским причинам: во-первых, не подобает, чтобы ты стал свояком собственного отца; во-вторых, священные законы Церкви запрещают такие браки; и, в-третьих, я не хочу, чтобы ты женился на Инезилье.

Изложив мне эти три причины, отец отвернулся от меня и ушел. А я заперся в своей комнате и предался страшнейшему отчаянию. Мачеха моя, узнав о том, что произошло, заглянула ко мне и стала уверять меня, что напрасно я так убиваюсь, ибо, хотя я не могу быть мужем Инезильи, это не беда, ничто не мешает тому, чтобы я стал ее кортехо, то есть возлюбленным, и что она все это берет на себя. При этом она, однако, много говорила о любви и о жертве, на которую идет, уступая сестре своей первенство. Я с наслаждением выслушал эти слова, льстящие моему чувству, однако, зная скромность Инезильи, нисколько не надеялся на то, что мои упования когда-нибудь осуществятся.

Вскоре отец мой отправился в Мадрид, ибо он хотел добиться должности коррехидора³⁸ Кордовы, и захватил с собой жену и свояченицу. Поездка эта должна была продлиться всего лишь два месяца, но для меня, который не мог прожить и дня, не видя Инезильи, время это казалось неслыханно долгим. На исходе второго месяца я получил от отца письмо, в котором он приказывал мне выехать ему навстречу и ожидать его в Вента-Кемаде, у подножья Сьерра-Морены. Несколько недель назад у меня не хватило бы смелости отправиться в Сьерра-Морену, но как раз незадолго перед тем повесили обоих братьев Зото, шайка распалась, и никто уже не вспоминал ни о каких опасностях.

Итак, около десяти утра я выехал из Кордовы и прибыл на ночлег в Андухар, к самому болтливому во всей Андалузии трактирщику. Я приказал приготовить себе обильный ужин и, съев половину, другую сохранил на остаток пути.

Наутро я подкрепился остатками этого ужина в Лос-Алькорнокесе и к вечеру прибыл в Вента-Кемаду. Я еще не застал там отца, но, так как он настоятельно приказал мне дожидаться его, согласился на это тем охотней, что нашел трактир просторным и удобным. Трактирщик, некий Гонсалес из Мурсии, добрый человек, хотя и великий пустобрех, обещал мне приготовить ужин, достойный гранда первого класса³⁹. Пока он стряпал, я отправился прогуляться по берегу Гвадалквивира, а возвратившись, и в самом деле нашел, что ужин весьма недурен.

³⁸ *Коррехидор* – чиновник, исполнявший обязанности администратора и судьи.

³⁹ *Гранд первого класса*. – Гранды – высшая ступень аристократической (с XVI в. – исключительно придворной) иерархии в Испании; существовало три класса грандов, причем представители первого (высшего) класса обладали привилегией в

Подкрепившись, я приказал Гонсалесу постлать мне. Он смутился и пробормотал несколько вздорных слов. В конце концов он признал, что в трактире поселились духи. Сам он, вместе с семейством, отправлялся спать в соседнюю деревню, расположенную на берегу реки; и прибавил, что если я хочу провести ночь спокойно, то он постелет мне рядом с собой.

Предложение трактирщика показалось мне полнейшим вздором, и я ответил ему, что пусть он отправляется спать куда хочет, а мне пусть позовет моих слуг. Гонсалес не противился; он отошел, качая головой и пожимая плечами.

Вскоре явились мои слуги; они слышали уже о предостережениях трактирщика и хотели уговорить меня провести ночь в ближайшем селении. Я отверг их советы и приказал им приготовить мне постель в той самой комнате, где я ужинал. Не противореча, хотя и неохотно, они выполнили поручение и, когда постель была уже готова, вновь со слезами начали умолять меня, чтобы я отказался от мысли провести ночь в трактире. Терпение мое лопнуло. Я разгневался и приказал им убираться вон. Я легко обошелся без их помощи, ибо имел обыкновение раздеваться сам, но убедился, что они заботились обо мне больше, чем я того заслуживал своим поведением: они оставили рядом с моей постелью зажженную свечу и вторую – про запас, а также пару пистолетов и несколько книг. Эти последние должны были заполнить мне часы бодрствования, да я и впрямь потерял уже охоту спать.

Несколько часов еще я провел, то читая, то ворочаясь на постели, как вдруг услышал звук колокола или, скорее, часов, бьющих полночь. Я удивился, тем более что до этого не слышал боя. Внезапно двери отворились, и я увидел свою мачеху в легчайшем дезабилье, со свечой в руке. Она приблизилась ко мне на цыпочках, жестом приказала молчать, поставила свечу на столик, уселась рядом со мной, взяла мою руку в свои и начала с таких слов:

– Милый Пачеко, настал миг, когда я могу исполнить данное тебе обещание. Час назад мы прибыли в этот трактир. Твой отец отправился на ночлег в деревню, но я, узнав, что ты здесь, получила позволение остаться с моей сестрой. Инезилья ждет тебя! Ни в чем тебе не откажет, но помни об условиях твоего счастья. Ты любишь Инезилью, а я люблю тебя. Из нас троих двое не должны наслаждаться счастьем за счет третьего. Я хочу, чтобы мы все спали в одной постели. Иди за мной.

Мачеха моя не дала мне времени на ответ; взяла меня за руку и повела через множество коридоров к последним дверям и там припала к замочной скважине. Достаточно наглядевшись, сказала:

– Все идет хорошо, убедись сам.

И в самом деле, я увидел прелестную Инезилью, она раскинулась на великолепном ложе, но от привычной скромности в ней не осталось ничего: щеки пылали, весь облик ее не оставлял сомнений в том, что она нетерпеливо ожидает прихода возлюбленного.

Камилла, позволив мне наглядеться, сказала:

– Остайся тут, милый Пачеко; скоро наступит миг, когда я приду к тебе.

Когда она вошла в комнату, я вновь прильнул к замочной скважине и увидел тысячу вещей, которые мне нелегко описать. Камилла неторопливо разделась и, улегшись в постель своей сестры, сказала ей:

– Несчастливая Инезилья, неужели ты и вправду жаждешь любовника? Бедное дитя! Ведь ты ничего не знаешь о боли, которую он тебе причинит. Бросится на тебя, прижмет, изранит...

Решив, что она уже достаточно поучила свою воспитанницу, Камилла отворила двери, подвела меня к ложу своей сестры и легла вместе с нами. Что мне сказать об этой злосчастной ночи? Я достиг вершин греха и наслаждения. Долго боролся с сонливостью и естественной усталостью, чтобы как можно более продлить адские утехы. В конце концов я заснул, а наутро пробудился под виселицей братьев Зото – я лежал между их трупами.

Тут отшельник прервал бесноватого и сказал, обращаясь ко мне:

– Что же, однако, ты, сын мой, думаешь обо всем этом? Полагаю, что ты испытал бы неслыханную тревогу, если бы вдруг оказался между двумя висельниками.

– Ты оскорбляешь меня, отец мой, – возразил я, – дворянин ничего не должен бояться, в особенности когда он имеет честь быть капитаном валлонской гвардии.

– Однако, сын мой, – прервал меня пустынный, – разве ты слышал, чтобы с кем-нибудь приключилось нечто подобное?

Минуту поразмыслив, я возразил:

– Если такая история случилась с сеньором Пачеко, она могла бы очень легко случиться и с любым другим человеком. Но я скорее выскажу свое мнение, если ты прикажешь ему говорить дальше.

Отшельник обратился к бесноватому и сказал:

– Пачеко! Пачеко! Во имя Искупителя твоего приказываю тебе говорить дальше.

Пачеко отворачивательно зарычал и так продолжал свой рассказ:

– Полумертвый от ужаса, я убежал из-под виселицы. Влачился, сам не помня куда, пока наконец не встретил путников, которые сжалились надо мной и проводили меня в Вента-Кемаду. Я застал там трактирщика и моих слуг, пребывающих в большом беспокойстве из-за меня. Я спросил их, действительно ли мой отец провел ночь в ближнем селении. Они ответили, что никто из моей семьи до сих пор не прибыл.

Я не мог больше оставаться в Вента-Кемаде и вернулся в Андухар. Добрался туда я уже после захода солнца; в трактире было полно народу, и меня послали на кухню. Я расположился на ночь, но тщетно силился уснуть: ужасы минувшей ночи непрерывно возникали в моем мозгу. Близ очага я поставил зажженную свечу, но она вдруг погасла, и я почувствовал, как смертельный ужас леденит кровь в моих жилах. Кто-то потянул за одеяло, и вдруг я услышал тихий голос, произносящий такие слова:

– Это я, Камилла, твоя мачеха; я вся дрожу от холода. Милый Пачеко, уступи мне местечко под одеялом.

Миг спустя другой голос прервал:

– Это я, Инезилья, позволь мне прилечь на твою постель. И мне тоже холодно.

И вдруг я ощутил, как холодная рука треплет меня по подбородку. Я собрал все силы и воскликнул:

– Изыди, Сатана!

На что оба голоса вновь тихо отвечали:

– Как? Ты гонишь нас? Разве ты нам не муж? Нам холодно, мы разведем огонь в печи.

И в самом деле, вскоре потом слабое пламя вспыхнуло в кухонном очаге. Когда немного рассвело, я увидел не Камиллу и Инезилью, а двоих братьев Зото, висящих над самым очагом.

При этом ужасном зрелище я едва не лишился чувств; вскочил с постели, выбросился в окно и побежал в поле. Вскоре я счел, что мне повезло и я счастливо избежал всех этих ужасов, но, обернувшись, заметил, что висельники гонятся за мной. Я помчался что есть мочи и вскоре оставил упырей далеко позади. Но радость моя была, увы, недолгой. Гнусные создания стали вращаться колесом на руках и ногах и мгновенно настигли меня. Я снова пробовал убежать, но в конце концов лишился сил.

Тогда я почувствовал, что один из висельников хватает меня за щиколотку левой ноги; я хотел вырваться, но другой стал мне поперек дороги. Остановился, вытаращил на меня гнусные глаза и высунул язык, красный, будто железо, выхваченное из огня. Я умолял смилостивиться надо мной, но тщетно. Одной рукой он схватил меня за горло, другой же вырвал мне

глаз, место это и доселе не заживает. Туда, где был глаз, он всунул свой раскаленный язык и начал лизать мне мозг с такой яростью, что я рычал от боли.

Тогда другой висельник, который схватил меня за левую ногу, также пустил в ход когти. Сперва он начал мне щекотать ногу, за которую держал меня; затем сей гнусный обитатель преисподней содрал кожу с моей ноги, вытащил все нервы, очистил их от крови и играл на них, перебирая пальцами, как на музыкальном инструменте. Видя, однако, что все это вовсе не издает приятных звуков, висельник запустил мне когти под колено, зацепил жилы и начал их настраивать совершенно так же, как если бы имел дело с арфой. Потом он стал играть на моей ноге, из коей соорудил нечто напоминающее гусли. Я слышал его дьявольский смех, адский вой сливался с моими пронзительными криками, в ушах моих звучал зубовный скрежет проклятых висельников; мне казалось, что они раздирают все фибры моего тела, и наконец я лишился чувств.

Наутро пастухи нашли меня в поле и принесли в эту хижину. Здесь я исповедался в грехах и у подножья алтаря обрел известное утешение в страданиях своих.

После этих слов бесноватый отвратительно зарычал и смолк. А отшельник промолвил:

– Ты убедился вновь в могуществе Сатаны, итак, молись и плачь. Но уже поздно, нам следует расстаться. Я не предлагаю тебе на ночь моей кельи, ибо вопли Пачеко не дали бы тебе уснуть. Иди ложись в часовне, там, под сенью креста, ты найдешь защиту от злых духов.

Я отвечал отшельнику, что буду спать там, где ему будет угодно. Мы внесли в часовню узенькую походную койку, и отшельник ушел, пожелав мне спокойной ночи.

Оставшись один, я начал вспоминать рассказ Пачеко.

День третий

Я проснулся от голоса отшельника, который, казалось, был необычайно обрадован, что видит меня здоровым и веселым. Он обнял меня со слезами на глазах и сказал:

– Сын мой, удивительные вещи творились этой ночью. Скажи правду, провел ли ты ночь в Вента-Кемаде и не имел ли ты там дела с осужденными на вечные муки? Еще можно преградить дорогу злу. Пади на колени у подножья алтаря, признайся в твоих прегрешениях и покайся.

Он уговаривал меня так довольно долго, после чего смолк, ожидая моего ответа.

– Отец мой, – сказал я ему, – я исповедовался перед самым выездом из Кадиса и не думаю, что с того времени я совершил какой-либо смертный грех, разве что во сне. Я и в самом деле ночевал в Вента-Кемаде, но если там что и видел, то у меня есть свои причины, по которым я не хочу об этом вспоминать.

Отшельник, казалось, чрезвычайно удивился этому моему ответу; он упрекнул меня в том, что я дал сатанинской гордыне совратить себя, и настоятельно стал убеждать меня в том, что мне необходимо исповедаться. Однако вскоре, видя, что я непреклонен в своем решении, он смягчился и уже не прежним апостольским тоном, а совершенно по-дружески молвил:

– Сын мой, меня удивляет твоя отвага. Расскажи мне, кто ты такой, кто воспитал тебя и веришь ли ты в привидения. Утоли, прошу тебя, мое любопытство.

– Отец мой, – ответил я, – ты делаешь мне честь, желая ближе познакомиться со мной, и будь уверен, что я умею это ценить. Разреши мне встать, и тогда я приду в твою хижину и расскажу тебе все подробности обо мне, все, что ты только пожелаешь.

Отшельник вновь обнял меня и ушел.

Одевшись, я прошел в его скромную обитель. Старец варил козье молоко; он подал его мне вместе с сахаром и хлебом, а сам удовольствовался несколькими вареными кореньями. Закончив трапезу, отшельник обратился к бесноватому и сказал:

– Пачеко! Пачеко! Во имя Искупителя твоего приказываю тебе отправиться с козами в горы.

Пачеко ужасающе зарычал и вскоре ушел.

Тогда-то я и начал следующим образом рассказывать о своих приключениях:

История Альфонса ван Вордена

Я отпрыск древнего рода, который, однако, не очень изобиловал прославленными мужами и еще менее изобиловал доходами. Все наше имение составлял рыцарский лен, называвшийся Ворден, входивший в состав Бургундского округа⁴⁰ и расположенный в Арденнах.

Отец мой, будучи младшим в семье, вынужден был удовольствоваться малой частью наследства, которой ему, однако, хватало для достойного прокормления и экипировки в бытность его на военной службе. Он служил всю войну за наследство⁴¹, а по заключении мира король Филипп Пятый удостоил его звания подполковника валлонской гвардии.

В испанском войске тех времен обязательным был кодекс чести, продуманный и распланированный с необыкновенной тщательностью, которую отец мой считал еще недостаточной. Не

⁴⁰ *Бургундский округ*. – Преемник Карла V, император Максимилиан I, разделил Священную Римскую империю на 10 округов. В 1548 г. Бургундия перестала входить в состав империи.

⁴¹ *Война за наследство* (1701–1714) – война, которая велась в основном между Англией и Францией за господство в колониях, на море и на европейских рынках, после того как испанское правительство, ослабленное внутренним кризисом, все больше поддавало под влияние Франции.

следует вменять ему это в вину, ибо и вправду сказать – честь должна быть душою воинской жизни. В Мадриде не происходило ни одной дуэли, чтобы мой отец не составлял ее условий, и когда он заявлял, что сатисфакция была достаточной, никто уже не смел сопротивляться этому приговору. Если же, однако, бывало и так, что кто-нибудь был не вполне удовлетворен, то ему приходилось иметь дело с моим отцом, который острием шпаги поддерживал и подкреплял каждую свою фразу. Кроме того, отец мой вел большую книгу, в которую с величайшими подробностями записывал историю каждого поединка и обыкновенно в чрезвычайных случаях прибегал к ее советам.

Вечно занятый только своим кровавым трибуналом, отец мой нисколько не внимал соблазнам любви; и однако, наконец его сердце тронули прелести еще совсем юной девушки, Ураки Гомелес, дочери оидора⁴² Гранады, потомка древних королей этого края. Общие друзья вскоре сблизили обе стороны, и брак был заключен.

Отец мой решил пригласить на свадьбу всех тех, с которыми когда-либо дрался на дуэли и которых, само собой разумеется, не убил. Сто двадцать два человека уселись за стол; тринадцати не было в Мадриде, а о местопребывании еще тридцати трех, с которыми он дрался в армии, он не смог получить никаких сведений. Мать рассказывала мне, что никогда она не видела такого веселого пира, – пира, на котором царила столь полная искренность. Я легко поверил этому, ибо у отца было превосходное сердце и он был всеми любим.

Со своей стороны, отец мой, сильно привязанный к Испании, никогда не покинул бы службы, если бы спустя два месяца после заключения брака не получил письма, подписанного мэром города Буйон. Ему сообщали, что его брат скончался, не оставив потомства, и все состояние перешло к моему отцу. Весть эта необычайно смутила моего родителя, и мать говорила мне, что он впал в такое отчаяние, что с ним нельзя было и слова сказать. Наконец он раскрыл книгу дуэлей, отыскал двенадцать человек, у которых было наибольшее число поединков во всем Мадриде, пригласил их к себе и обратился к ним с такими словами:

– Дорогие мои товарищи по оружию, вы знаете, сколько раз я успокаивал вашу совесть, когда честь ваша была под угрозой. Ныне я сам вынужден прибегнуть к свету вашего разума, ибо я страшусь, что мой собственный не был бы достаточно ясным, а скорее, что чувство привязанности могло бы мне стать помехой. Вот письмо от буйонского мэра, свидетельство коего заслуживает уважения, хотя этот чиновник отнюдь не дворянин. Скажите мне, приказывает ли мне честь поселиться в замке моих предков или по-прежнему служить королю Дону Филиппу, который осыпал меня благодеяниями и в последнее время присвоил мне даже чин бригадного генерала? Оставляю письмо на столе и сам уйду; через полчаса я вернусь к вам и узнаю о вашем решении.

Говоря это, отец мой вышел из комнаты. Когда он вернулся спустя полчаса, началось голосование. Пять голосов было за то, чтобы он остался служить, но семь – за то, чтобы он перебрался в Арденнские горы. Отец мой безропотно поступил так, как решило большинство.

Мать моя охотно бы осталась в Испании, но она столь пламенно любила своего мужа, что без малейшего сожаления согласилась покинуть отечество. С тех пор они занимались только приготовлениями к предстоящим странствиям и приемом на службу лиц, которые могли бы напоминать им Испанию среди Арденнских гор. Хотя меня тогда еще не было на свете, однако отец, нисколько не сомневаясь в неминуемости моего появления на свет, подумал, что самое время подыскать для меня учителя фехтования. С этой целью он обратился к Гарсиасу Иерро, самому ловкому во всем Мадриде фехтмейстеру. Этот молодой человек, которому наскучили тумачи, каковые он каждодневно собирал на Пласа-де-ла-Себаде, охотно согласился принять предложенные ему условия. С другой стороны, моя мать, не желая пускаться в путешествие без исповедника, выбрала Иньиго Велеса, богослова, дипломированного в Куэнке, который

⁴² Оидор – судья военного трибунала.

должен был обучать меня принципам католической религии и испанскому языку. Все эти распоряжения были сделаны за полтора года до моего появления на свет.

Так как все уже было готово к отъезду, отец мой отправился проститься с королем и, согласно обычаю, принятому при испанском дворе, упал на одно колено, чтобы поцеловать ему руку, но внезапно печаль так сжала ему сердце, что он лишился чувств, и его отнесли без сознания домой. Наутро он пошел проститься с доном Фернандо де Ларой, который был тогда первым министром. Дон Фернандо принял его весьма ласково и уведомил его, что король назначает ему двенадцать тысяч реалов пожизненной пенсии вместе со званием *серхенто хенераль*, которое соответствует нынешнему дивизионному генералу. Мой отец половину собственной крови отдал бы за счастье броситься еще раз к стопам монарха, однако поскольку он уже получил прощальную аудиенцию, то вынужден был на сей раз ограничиться письменным выражением горячего чувства признательности, которое переполняло все его существо. Наконец, не без горьких слез, он покинул Мадрид. Выбрал дорогу через Каталонию, чтобы еще раз увидеть поля, на которых он дал столько доказательств мужества, и проститься с некоторыми давними товарищами, которые командовали военными частями, расквартированными на границе. Оттуда через Перпиньян он прибыл во Францию.

Все путешествие вплоть до самого Лиона протекало без всяких приключений. Из Лиона мы выехали на перекладных, и нашу карету обогнал экипаж с гораздо меньшей поклажей, который первым прибыл на станцию. Вскоре отец мой тоже подъехал к зданию почты, где увидел, что кучер, который его опередил, уже меняет лошадей. Отец тотчас же взял шпагу и, приблизившись к путешественнику, попросил уделить ему минутку, чтобы поговорить с глазу на глаз. Путешественник, некий французский полковник, видя моего отца в генеральском мундире, чтобы не проявить к нему неуважения, тоже взял шпагу. Они оба вошли в трактир, расположенный против почты, и попросили предоставить им отдельную комнату. Когда они остались наедине, отец мой обратился к путешественнику с такими словами:

– Сеньор кавалер, твой экипаж опередил мою карету, стремясь непременно первым подъехать к почте. Поступок этот, хотя он сам по себе и не является оскорблением, чем-то, однако, для меня неприятен, из чего и следует, что ты, сеньор, должен мне дать объяснение своего поступка.

Полковник, сильно удивленный, свалил всю вину на почтальона и заверил, что во всяком случае ни во что не вмешивался.

– Сеньор кавалер, – прервал его мой отец, – я не считаю этого, впрочем, делом чрезвычайной важности и поэтому остановлюсь на первой крови.

С этими словами он обнажил шпагу.

– Сеньор, погодите мгновение, – сказал француз, – я полагаю, что это вовсе не мои почтальоны опередили ваших, а, напротив, ваши еле тащились и поэтому остались сзади.

Мой отец немного подумал и сказал полковнику:

– Мне кажется, что вы, сеньор, правы, и если бы вы раньше сделали мне это замечание, то есть прежде, чем я обнажил шпагу, без сомнения, все обошлось бы без поединка; но теперь вы сами понимаете, сеньор, что без небольшого кровопролития мы разойтись не можем.

Полковник, видимо, нашел эту причину вполне уважительной и также обнажил шпагу. Дуэль продолжалась недолго. Мой отец, почувствовав, что ранен, тут же опустил свою шпагу и стал просить у полковника прощения, что посмел его затруднить, на что тот в ответ сказал, что он всегда к его услугам, назвав место, где его можно найти в Париже, после чего сел в экипаж и уехал.

Отец мой сперва хотел пренебречь нанесенным ему ранением, но тело его было настолько покрыто прежними ранами, что этот новый удар попал в прежний шрам. Удар полковничьей шпаги вскрыл рану от выстрела из мушкета, где еще сидела пуля. Теперь свинец этот вышел

на поверхность, и только после двухмесячных припарок и перевязок родители мои пустились в дальнейший путь.

Отец мой, прибыв в Париж, тотчас же поспешил навестить маркиза д'Юрфэ (так звали полковника, с которым у него была стычка). Это был один из людей, чрезвычайно уважаемых при дворе. Он принял моего отца с несказанной любезностью и обещал представить министру, а также и первейшим вельможам Франции. Мой отец поблагодарил его и попросил только представить его герцогу де Таванну, который был тогда старейшиной маршалов, ибо хотел получить более точные сведения касательно суда чести⁴³, о котором до сих пор имел высокое понятие и часто рассказывал о нем в Испании как о необыкновенно мудром установлении, и всеми силами старался ввести его в своей стране. Маршал также был рад моему отцу и представил его кавалеру де Бельевру, первому секретарю господ маршалов и референдариев означенного трибунала.

Кавалер, часто посещая моего отца, заметил однажды у него хронику дуэлей. Это творение показалось ему настолько единственным в своем роде, что он просил разрешения ознакомиться с ним господ маршалов, которые разделяли мнение своего секретаря и послали к моему отцу с просьбой, чтобы он позволил им снять с вышеназванной хроники копию, которая на вечные времена была бы оставлена на хранение в делах трибунала чести. Эта просьба была невероятно лестной для моего отца, и он с радостью дал согласие.

Подобные знаки уважения постоянно услаждали моему отцу его пребывание в Париже, но совершенно иначе было с моей матерью. Она решила не только не учиться по-французски, но даже не слушать, когда говорят на этом языке. Исповедник ее, Иньиго Велес, все время горько высмеивал терпимость галликанской церкви⁴⁴, а фехтмейстер Гарсиас Иерро завершал каждый разговор уверением, что французы – увальни и трусы.

Наконец родители мои покинули Париж и после четырех дней пути прибыли в Буйон. Отец мой доказал свои права перед надлежащими властями и вступил во владение поместьем. Дом наших предков с давних пор лишен был не только присутствия своих хозяев, но и черепиц, а посему настоятельно требовал починки; дождь лил в комнатах так же, как и на дворе, с той только разницей, что мостовая вскоре просыхала, а лужи в комнатах постоянно увеличивались. Это затопление семейного очага разбушевавшимися водами очень нравилось моему отцу, ибо напоминало ему осаду Лериды, во время которой он провел три недели, стоя по пояс в воде.

Однако, наперекор этим приятным воспоминаниям, он постарался все же поместить ложе своей молодой супруги в местечке посуше. В просторной спальне высилась громадная фламандская печь, около которой полтора десятка человек могли греться самым удобным образом. Выступающий свод этой печи создавал нечто вроде крыши, подпертой с каждой стороны двумя столбами. Итак, дымоход был забит, и под этой крышей водрузили ложе моей матери, столик и один стул, однако так как топка была на один фут выше уровня пола, то эта печь и оказывалась как бы островом, неприступным для подступающих к нему разбушевавшихся вод.

Отец поселился в противоположном конце комнаты на двух столах, скрепленных досками, и оба ложа соединили мостками, подкрепленными посередине комнаты чем-то вроде дамбы из ящиков и дорожных сундуков. Сооружение это было завершено в первый же день нашего прибытия в замок, а ровно девять месяцев спустя явился на свет и ваш слуга покорный.

В то время как все домашние с немалым рвением занимались приведением в порядок нашего жилища, отец мой получил письмо, которое переполнило его радостью. В этом письме

⁴³ *Суд чести*. – В юрисдикцию «суда чести», иначе называвшегося «трибуналом маршалов Франции», начиная с первых десятилетий XVII в. входили спорные вопросы чести высшего французского дворянства. Вскоре после основания этого трибунала были разработаны и утверждены королем права и полномочия этого суда.

⁴⁴ *Галликанская церковь* – возникла во Франции в XIII в. и просуществовала до XVIII в. Отстаивала независимость французской католической церкви от папства. Тезисы галликанизма были окончательно сформулированы в 1408 г.

маршал, герцог де Таванн, просил его рассудить первое дело чести, которое всему трибуналу казалось слишком трудным. Отец с такой радостью принял это доказательство особенного благоволения, что решил устроить по этому поводу большой бал для соседей. Но так как у нас не было никаких соседей, то бал окончился фанданго, исполненным моим учителем фехтования и синьорой Фраской, первой горничной моей матери.

Отец мой в ответ на письмо маршала просил, чтобы ему в будущем присылались выписки из приговоров трибунала. Эта любезность была ему оказана, и с тех пор в начале каждого месяца он получал огромный пакет бумаг, содержания которых хватало на домашние разговоры и пререкания в течение четырех недель, в долгие зимние вечера – у камина, а летом – на двух скамьях, пристроенных у ворот замка.

Коротая месяцы перед моим появлением на свет, отец постоянно вел с моей матерью долгие разговоры о сыне, которого ожидал, и о выборе крестного отца. Мать настаивала на том, чтобы крестным был герцог де Таванн или же маркиз д'Юрфэ, отец же, хотя также полагал, что это было бы для нас величайшей честью, опасался, однако, как бы эти господа не решили, что они оказывают ему чрезмерно большую честь. Руководимый вполне понятной осторожностью, он наконец решил просить об этом кавалера де Бельевра, который, со своей стороны, принял приглашение с уважением и благодарностью.

В конце концов я появился на свет. На третьем году я уже ловко владел маленьким эспадроном, на шестом – стрелял из пистолета не жмурясь. Когда мне было около семи, мой крестный приехал к нам погостить. Кавалер с тех пор женился, обосновался в Турнее и исполнял там должность наместника коннетаблии⁴⁵ и референдария суда чести. Истоки этих установлений относятся ко временам Божьих судов⁴⁶, однако же чемпионов-заместителей причислили со временем к трибуналу маршалов Франции.

Мадам де Бельевр была весьма слабого здоровья, и муж вез ее с собой на воды в Спа. Оба они вскоре необычайно меня полюбили, а так как своих детей у них не было, то они упростили моего отца, чтобы он доверил им мое воспитание, которое не могло быть достаточно тщательным в нашем уединенном краю. Отец охотно согласился на их предложение, в особенности соблазненный уверениями референдария суда чести, который ему поклялся, что в доме Бельевров все с давних пор проникнуто принципами, каковые должны будут обеспечить дальнейшее мое совершенствование.

Сперва хотели, чтобы меня сопровождал Гарсиас Иерро, ибо отец мой всегда был того мнения, что благороднейший поединок – это поединок со шпагой в правой руке и с кинжалом в левой. Однако во Франции фехтование такого рода совершенно неизвестно. Поскольку же отец мой привык каждое утро меряться силами с Гарсиасом у стен замка и это развлечение сделалось необходимым для его здоровья, то он решил удержать фехтмейстера при себе.

Намеревались также отправить со мной достопочтенного богослова Иньиго Велеса, но так как матушка моя умела говорить только по-испански, то было бы немислимым делом лишить ее исповедника, для коего этот язык был родным. Итак, я оказался разлученным с двумя людьми, которым еще до моего рождения было предназначено стать моими наставниками. Впрочем, мне дали слугу-кастильца, полагая, что в его обществе я не разучусь говорить по-испански.

⁴⁵ *Наместник коннетаблии*. – После упразднения кардиналом Ришелье должности коннетабля Франции (1627) его права, относящиеся к суду над военными, перешли к коннетаблии – учреждению, президентом которого был старейшина маршалов Франции. Звание коннетабля, которое с XI в. носил верховный главнокомандующий королевских войск во Франции, временно было восстановлено Наполеоном I.

⁴⁶ *Божьи суды* (лат. *ordalia*) – существовали в Средние века и применялись в тех случаях, когда обвиняемый не признавал себя виновным. Были различные виды Божьего суда, начиная от поединка, когда невиновность доказывалась исходом боя, и кончая испытанием огнем, водой и т. п.

Я выехал с моим крестным в Спа, где мы провели два месяца, оттуда отправились в Голландию и наконец ближе к зиме возвратились в Турней. Кавалер де Бельевр превосходно оправдал доверие, оказанное ему моим отцом, и в течение шести лет не щадил никаких усилий, чтобы дать мне такое образование и воспитание, какое со временем позволило бы мне стать отличным военным. В конце шестого года моего пребывания в Турнее госпожа де Бельевр умерла. Муж ее покинул Фландрию и переехал в Париж, я же вернулся в родительский дом.

Путешествие наше из-за дождливого времени было мучительным. Когда спустя два часа после захода солнца я подъехал к замку, то увидел всех его обитателей, собравшихся около большого камина. Отец, хотя и ошарашенный моим приездом, тем не менее скрывал свою радость, опасаясь выставить на посмеяние то, что вы, испанцы, называете *la gravedad*⁴⁷, однако же матушка приняла меня со слезами на глазах. Теолог Иньиго Велес приветствовал меня благословениями, а фехтмейстер Иерро тут же подал мне эспадрон. Я ринулся на него и нанес ему несколько ударов, которые дали присутствующим понятие о моей необыкновенной ловкости. Отец мой был тончайшим знатоком фехтования: именно поэтому с этого самого мига его прежняя холодность улетучилась – он был растроган донельзя.

Был накрыт ужин, и все весело уселись за стол. После ужина все снова придвинулись к камину, и отец сказал богослову:

– Достопочтенный падре, сделай мне такую милость, принеси большую книгу с волшебными историями и прочитай нам какую-нибудь из них.

Богослов отправился в свою комнату и вскоре вернулся с огромным фолиантом, переплетенным в белый пергамент, уже пожелтевший от старости. Он наудачу раскрыл книгу и прочел следующие слова:

История Тривульцио из Равенны

Жил-был некогда в итальянском городе, прозванном Равенной, юноша по имени Тривульцио – красивый, богатый, но при всем том чрезвычайно надменный. Равеннские девицы выглядывали из окон, чтобы увидеть его, когда он проходил по улице, но ни одна из них не смогла произвести на него впечатления. Ежели, однако, случайно какая-нибудь из них и приходилась ему по вкусу, он молчал из опасения, что чувством своим окажет ей слишком большую честь. Наконец прелести юной Нины деи Джерачи сокрушили его надменность, и Тривульцио признался ей в своей любви. Нина на то отвечала, что он оказывает ей этим превеликую честь, но она с детства любит своего кузена Тебальда деи Джерачи и что, конечно, не перестанет любить его до самой смерти. После этой нежданной отповеди Тривульцио вышел, являя признаки яростнейшего бешенства.

Спустя неделю, а было это в воскресенье, когда все жители Равенны устремились в собор Святого Петра, Тривульцио узнал в толпе Нину, опирающуюся на плечо родича. Он завернулся в плащ и поспешил за ними.

В церкви, где нельзя было прикрывать лицо плащом, возлюбленные могли бы легко заметить, что Тривульцио следит за ними, но они настолько были заняты любовью, что даже не следили за обедней, а это, правду сказать, превеликий грех.

Тем временем Тривульцио уселся на скамье позади них, слушал их разговоры и распял в себе ожесточение. Тут священник вступил на амвон и произнес:

– Милые братья, я оглашаю помолвку Тебальда и Нины деи Джерачи. Никто из вас не имеет ничего против их бракосочетания?

– Я против! – крикнул Тривульцио – и в тот же миг нанес обоим возлюбленным множество ударов кинжалом.

⁴⁷ Достоинство (*исп.*).

Его пытались задержать, но он опять схватился за кинжал, выскользнул из храма, а затем покинул город и бежал в Венецию.

Тривульцио был горделив и развращен, ибо такова была его судьба, но душу имел чувствительную: угрызения совести были ему отмщением за несчастные жертвы. Он скитался из города в город и проводил жизнь в отчаянии. Спустя несколько лет родичи его замяли все дело и он вернулся в Равенну; но это был уже не тот прежний юноша, сияющий от счастья и гордый своей красотой. Он настолько изменился, что собственная кормилица не могла его узнать.

В первый же день по возвращении Тривульцио спросил, где могила Нины. Ему сказали, что она вместе со своим возлюбленным погребена в храме Святого Петра, там, где они были убиты. Тривульцио, трепеща, отправился в церковь, упал на могилу и оросил ее пламенными слезами. Несмотря на всю боль, которую несчастный убийца испытал в это мгновение, слезы принесли облегчение его сердцу; он отдал свой кошелек ризничему и получил позволение входить в храм, когда ему только заблагорассудится. С тех пор он приходил каждый вечер, и ризничий так к нему привык, что не обращал на него ни малейшего внимания.

Однажды вечером Тривульцио, проведя предыдущую ночь без сна, задремал на могиле, а когда проснулся, нашел церковь уже запертой; он решил храбро провести ночь в месте, которое так сочеталось с его глубокой печалью. Он слушал, как бьют часы, внимал ударам, следующим один за другим, и жалел только, что каждый удар не отмечает последний миг его жизни.

Наконец пробило полночь. Двери в ризницу открылись, и Тривульцио увидел ризничего, входящего с фонарем в одной руке и с метлой – в другой. Однако это был не обычный ризничий – это был скелет; правда, у него оставалось немного кожи на лице и что-то вроде запавших глаз, но по складкам прикрывающей его епанчи было заметно, что под ней – одни голые кости.

Ужасный ризничий поставил фонарь у большого алтаря и затеплил свечи как для вечерни; затем он начал подметать в храме и смахивать пыль со скамей; он даже несколько раз прошел мимо Тривульцио, но, казалось, не замечал его. Наконец он приблизился к дверям ризницы и начал звонить в колокольчик; по этому звонку отверзлись гробовые камни, вышли умершие, окутанные саванами, и мрачными голосами затянули литанию.

И когда они так некоторое уже время распевали, один из мертвецов, облаченный в стихарь и епитрахиль, вступил на амвон и молвил:

– Милые братья, я провозглашаю помолвку Тебальда и Нины деи Джерачи. Проклятый Тривульцио, ты ничего не имеешь против этого?

Тут отец мой прервал богослова и, обращаясь ко мне, сказал:

– Сын мой Альфонс, а ты бы испугался, если бы очутился на месте Тривульцио?

– Дорогой отец, – ответил я, – думаю, что испугался бы необычайно.

При этих словах моих отец вскочил, как будто подхваченный безумным гневом, схватил шпагу и хотел пригвоздить меня ею к стене.

– Сын, недостойный отца, никчемность твоя в немалой мере позорит полк валлонской гвардии, в который я хотел бы тебя определить!

После этих горьких упреков, внимая которым я думал, что умру со стыда, воцарилось глубокое молчание. Гарсиас первый нарушил это молчание и, обратившись к отцу моему, сказал:

– Не лучше ли было бы, ваше превосходительство, если бы, вместо всего этого, можно было бы убедить сына вашего превосходительства, что на свете нет ни призраков, ни упырей, ни мертвецов, которые поют литанию. Тогда бы ваш отпрыск не задрожал бы при упоминании о них.

– Сеньор Иерро, – сухо отвечал мой отец, – вы забываете, что вчера я имел честь показывать вам историю о духах, написанную собственноручно моим прадедом.

– Я, во всяком случае, – ответил Гарсиас, – не вчиню иска о подлоге прадеду вашего превосходительства.

– Как это понимать, – сказал отец, – «во всяком случае, не вчиню иска о подлоге»? Или ты думаешь, что это выражение допускает возможность, что вы, каковы вы ни есть, можете вчинить иск моему прадеду?

– Ваше превосходительство, – сказал далее Гарсиас, – я знаю, что я слишком малозначительная особа, чтобы сиятельный прадед вашего сиятельства мог требовать от меня какой бы то ни было сатисфакции.

Тогда отец мой вскричал леденящим душу голосом:

– Иерро! Пусть Всевышний оградит тебя от оправданий, ибо ты допускаешь возможность оскорбления!

– В таком случае, – молвил Гарсиас, – мне остается только смиренно подчиниться наказанию, которому вы, ваша милость, подвергаете меня именем вашего прадеда. Смею только молить, чтобы, ради охраны достоинства моей профессии, это наказание было мне определено нашим исповедником, таким образом, я мог бы счесть его церковным покаянием.

– Эта мысль недурна! – сказал мой отец, значительно успокоившись. – Помнится мне, я когда-то написал небольшой трактат о сатисфакциях, в случае которых поединок не мог бы состояться; я должен над этим основательнее поразмыслить.

Отец мой сперва, казалось, погрузился в размышления об этом предмете, но, переходя от одних замечаний к другим, заснул наконец в своем кресле. Матушка моя и богослов давно уже спали, и Гарсиас вскоре последовал их примеру.

Тогда я отправился в свою комнату, и так прошел день моего пребывания под заново обретенным родительским кровом.

На следующее утро я фехтовал с Гарсиасом, затем поскакал на охоту, а после ужина, когда все вновь уселись около камина, отец снова послал теолога за большой книгой. Преподобный Иньиго принес ее, раскрыл наобум и начал читать нижеследующее:

История Ландульфа из Феррары

В итальянском городе, прозванном Феррарой, жил некогда юноша по имени Ландульф. Это был развратник без чести и совести, наводивший ужас на всех набожных обывателей. Негодник этот пребывал всего охотней в обществе распутных женщин, знал их всех, однако ни одна из них не нравилась ему так, как Бьянка де Росси, ибо она превосходила всех прочих своих товарок в разврате и разнузданности. Бьянка была не только распутна до мозга костей, но она еще требовала всегда, чтобы ее любовники опускались до нее, унижая себя позорными поступками. Однажды она потребовала от Ландульфа, чтобы он повел ее на ужин к своей матери и сестре. Ландульф тут же пошел к матери и сообщил ей об этом намерении так, как будто не видел в нем ничего непристойного. Бедная мать залилась слезами и заклинала сына подумать о добром имени сестры. Ландульф остался глух к этим мольбам и согласился только сохранить по возможности все в тайне, после чего пошел и ввел Бьянку в дом. Мать и сестра Ландульфа приняли негодницу гораздо лучше, нежели она того заслуживала, но Бьянка, видя их доброту, удвоила свою дерзость, начала рассуждать о непристойностях и учить сестру своего возлюбленного тому, без чего та превосходно бы обошлась. Наконец она выставила обеих из комнаты, говоря, что она хочет остаться с Ландульфом наедине.

Наутро бесстыдница разнесла эту историю по всему городу, так что несколько дней подряд ни о чем другом и не толковали. Вскоре весть об этом случае достигла ушей Одоардо Дзампи, брата матери Ландульфа. Одоардо вовсе не был человеком, прощающим оскорбления, он почувствовал себя обиженным за свою сестру и в тот же день приказал убить негодницу Бьянку. Когда Ландульф явился к своей любовнице, он нашел ее окровавленной и мертвой.

Вскоре он узнал, что это дело его дяди, и помчался, желая ему отплатить, но верные друзья, окружавшие Одоардо, подтрунивали над бессильной злостью молодого распутника.

Ландульф, не зная, на ком выместить свою ярость, кинулся к матери, чтобы отомстить ей за свое оскорбление. Бедная женщина как раз села с дочерью за ужин и, видя входящего сына, спросила, придет ли Бьянка к трапезе?

– Если бы она могла прийти, – крикнул Ландульф, – и свести тебя в ад вместе с братом твоим и со всем семейством Дзампи!

Несчастливая мать упала на колени, крича:

– Великий Боже, прости ему его кощунства!

В этот миг двери с грохотом распахнулись, и все увидели входящий страшный призрак, покрытый ранами от кинжала, – призрак, в котором, однако, нельзя было не узнать Бьянки.

Мать и сестра Ландульфа начали горячо молиться, и Бог смилостивился над ними: дал им вынести это ужасное зрелище и не умереть со страху.

Привидение приблизилось медленными шагами и уселось за стол, как если бы желало ужинать вместе со всеми. Ландульф, с отвагой, которую лишь самый ад мог в него вселить, подал тарелку. Призрак раскрыл такую громадную пасть, что голова его, казалось, должна была расколоться надвое, и изверг пламя; затем вытянулась черная от смолы рука, схватила кусок, отправила его в пасть, но тут же все услышали, как кусок этот упал под стол.

Таким же образом привидение проглотило все, что было на тарелке, но все куски падали под стол. Тогда, обратив свои страшные очи на хозяина, оно сказала:

– Ландульф, так как я у тебя поужинала, я проведу ночь также с тобой. Иди со мной в постель.

Тут мой отец, прерывая исповедника, обратился ко мне и сказал:

– Сын мой, Альфонс, ты испугался бы, если бы очутился на месте Ландульфа?

– Милый отец, – ответил я, – клянусь тебе, что вовсе бы не испугался.

Этот ответ обрадовал моего отца; весь вечер он был весел и с радостью на меня поглядывал.

Так проводили мы дни, один за другим, с той разницей, что зимою усаживались у камина, а летом – на скамье у ворот замка. Шесть лет протекло в этом сладостном покое, и, когда теперь я их себе припоминаю, мне кажется, что каждый год длился не более недели.

Когда мне исполнилось семнадцать, отец решил определить меня в полк валлонской гвардии и для этого написал к нескольким старым товарищам, на коих более всего рассчитывал. Эти давние друзья, почтенные и уважаемые воины, соединенными усилиями добились для меня патента на капитанское звание. Отец, получив это известие, столь глубоко был взволнован им, что опасались за его жизнь; однако вскоре он пришел в себя и с тех пор занимался только приготовлениями к моему отъезду. Он хотел, чтобы я отправился морем и, высадившись в Кадисе, прежде всего представился бы дону Энрике де Са, наместнику провинции, больше всего сделавшему для получения мною этого звания.

Когда почтовая карета въехала уже во двор замка, отец ввел меня в свою комнату и, закрыв двери за собой на засов, молвил:

– Любимый мой Альфонс, я жажду доверить тебе тайну, которую получил от отца и которую ты передашь когда-нибудь своему сыну, ежели сочтешь его достойным.

Я был убежден, что тайна касалась какого-нибудь скрытого клада, и посему отвечал, что всегда считал золото всего лишь средством, которое позволяет помогать несчастным.

– Ты ошибаешься, любимый Альфонс, – возразил мне мой отец, – тут речь вовсе не идет ни о золоте, ни о серебре. Я жажду научить тебя неизвестному тебе доселе выпад, с помощью которого, отражая нападение и обезопасив себя от выпада сбоку, ты всегда сумеешь выбить оружие из рук противника.

Говоря это, он взял эскадроны и научил меня этому удару, благословил на дорогу и проводил к карете. Я обнял мою матушку и миг спустя покинул родительский замок.

Я ехал сушей до самого Флиссингена, там сел на корабль и высадился в Кадисе. Дон Энрике де Са обращался со мною как с родным сыном, помог мне достойно экипироваться и дал мне двоих слуг, из которых одного звали Лопес, а другого – Москито. Из Кадиса я прибыл в Севилью, из Севильи – в Кордову и, наконец, в Андухар, откуда решил отправиться через Сьерра-Морену. К несчастью, у источника в Лос-Алькорнокесе слуги покинули меня. Несмотря на это, я в тот же день добрался до Вента-Кемады, а вчера – до твоей хижины.

– Любимый сын мой, – сказал пустынник, – история твоя сильно меня тронула, и я благодарен тебе за то, что ты согласился мне ее рассказать. Я вижу теперь, что по характеру твоего воспитания страх для тебя – чувство совершенно неведомое; но так как ты провел ночь в Вента-Кемаде, опасаясь, не был ли ты там свидетелем назойливых нападений двух висельников, и страшусь, чтобы ты когда-нибудь не разделил горестную судьбу бесноватого Пачеко.

– Преподобный пастырь, – отвечал я, – я долго размышлял этой ночью над злоключениями сеньора Пачеко. Хотя в него и вселился дьявол, однако он дворянин, следовательно, я не сомневаюсь, что все, сказанное им, – истинная правда. С другой стороны, впрочем, Иньиго Велес, исповедник нашего семейства, уверял меня, что если в давно прошедшие времена и встречались, особенно в первые века христианства, бесноватые, то теперь их уже совершенно не бывает, и его свидетельство кажется мне тем более заслуживающим внимания, что отец мой приказал мне в вопросах религии нашей слепо верить достопочтенному Велесу.

– Как же это? – возразил отшельник. – Неужели тебя не испугал страшный образ бесноватого, у которого дьяволы вырвали глаз?

– Ну и что же, отец мой, ведь сеньор Пачеко мог каким-либо иным образом приобрести это увечье. К тому же со всем, что касается подобных вещей, я всегда обращаюсь к людям, которые знают больше, нежели я. С меня достаточно, что я не страшусь никаких призраков или упырей. Однако, ежели ты хочешь ради сохранения спокойствия моей души дать мне какую-нибудь священную реликвию, клянусь носить ее с верой и уважением.

Отшельник, казалось, улыбнулся моему простодушию, после чего сказал:

– Я вижу, сын мой, что в тебе еще есть вера, но сомневаюсь, долго ли ты сможешь пребывать в ней. Те Гомелесы, от которых ты ведешь свой род по женской линии, христиане лишь с недавних пор; некоторые из них даже, кажется, в глубине души исповедуют ислам. В случае, если бы они предложили тебе безмерные богатства при условии перехода в их веру, как бы ты тогда поступил?

– Я не принял бы ничего, – отвечал я, – ибо полагаю, что отречение от веры или спуск флага всегда могут только опозорить.

Тут пустынник вновь как бы усмехнулся и молвил:

– С грустью замечаю, что добродетели твои зиждуются на явно преувеличенном чувстве чести, и предупреждаю тебя, что теперь уже нет стольких дуэлей в Мадриде, сколько их бывало во времена твоего отца. Кроме того, добродетели покоятся теперь на иных, гораздо более прочных принципах. Но не хочу тебя более задерживать, так как перед тобой еще длинная дорога, прежде чем ты окажешься в Вента-дель-Пеньоне, или в Трактире под Скалой. Трактирщик живет там, не страшась воров, ибо он рассчитывает, что его защитит банда цыган, которая кочует в окрестностях. А послезавтра ты прибудешь в Вента-де-Карденас и тогда окажешься уже за Сьерра-Мореной. Кое-какие припасы на дорогу ты найдешь притороченными к седлу.

Сказав это, отшельник нежно обнял меня, но не дал мне никакой реликвии для сохранения спокойствия моей души. Мне не хотелось напоминать ему об этом; я сел на коня и вскоре потерял из виду приют анахорета.

В дороге я размышлял об удивительнейших словах отшельника, ибо никак не мог уразуметь, каким образом добродетель может опираться на более прочные основания, нежели чувство чести, каковое само по себе объемлет все добродетели, какие только существуют.

Я как раз размышлял обо всех этих странностях, как вдруг некий всадник показался из-за скалы, преградил мне путь и сказал:

– Сеньор, не ты ли Альфонс ван Ворден?

Я ответил, что это я.

– В таком случае я арестую тебя именем короля и святейшей инквизиции; благоволи отдать мне шпагу.

Я молча исполнил его требование, после чего всадник свистнул, и его со всех сторон окружили вооруженные люди. Они бросились на меня, связали мне руки за спиной, пустились окольными путями в горы, и после часа езды я увидел перед собой укрепленный замок. Разводной мост был опущен, и мы въехали во двор. Когда мы оказались возле угловой башни замка, меня через боковую дверцу втокнули в узилище, нимало не заботясь хотя бы развязать мои весьма стеснительные путы.

Камера была совершенно темная; руки я вытянуть не мог. Боясь, что я тут же ударюсь головой о стену, я уселся там, где меня поставили, и – как легко можно понять – предался размышлениям о причинах столь жестокого со мной обращения. Я сразу подумал, что инквизиция схватила Эмину и Зибельду и что мавританки рассказали все, что творилось в Вента-Кемаде. В таком случае, несомненно, у меня станут выпытывать все, что мне известно о прекрасных африканках. Итак, передо мной два пути: либо предать моих кузин и нарушить данное им слово чести, либо отречься от знакомства с ними; поддерживая эту вторую версию, я увяз бы в трясине бессовестной лжи. Поразмыслив, я решил хранить глубочайшее молчание и на все вопросы не отвечать ни слова.

Засим, устранив всяческие сомнения, я начал размышлять о событиях двух прошедших дней. Я был твердо убежден, что имел дело с женщинами из плоти и крови, – некое таинственное чувство, более могущественное, нежели какие бы то ни было соображения и предположения о могуществе злых духов, утверждало меня в этом мнении; однако меня оскорбляло гнусное деяние, жертвой которого я стал: пришло же каким-то озорникам в голову перенести меня к подножью виселицы!

Так проходили часы. Голод стал терзать меня; зная, что в тюрьмах никогда нет недостатка в хлебе и кувшинах с водой, я стал шарить ногами – не найдется ли чем подкрепиться. И в самом деле, вскоре я нащупал некий ком, который и впрямь оказался хлебом. Дело было только в том, каким образом поднести его ко рту. Я лег рядом с хлебом, желая ухватить его зубами, но с каждым разом он откатывался от меня из-за отсутствия опоры; наконец я прижал его к стене и, найдя, что хлеб надрезан, сумел надкусить его. Засим я нащупал кувшин, но опять-таки никаким способом не мог наклонить его ко рту; в самом деле, как только я чуть смачивал губы, вся вода тут же проливалась наземь. Продолжая поиски, я нашел в углу охапку соломы и улегся на ней. Руки мне связали столь искусно, что я не испытывал ни малейшей боли и вскоре заснул.

День четвертый

Мне казалось, что я проспал уже несколько часов, когда вдруг меня разбудили. Я увидел входящего доминиканца, а за ним нескольких человек чрезвычайно отталкивающей наружности. Одни из них несли факелы, другие – неизвестные мне орудия, предназначенные, наверное, для пыток.

Я вспомнил о моем решении и вознамерился ни на волос от него не отступить. Потом я освежил в памяти родительские советы; правда, отца моего никогда не подвергали пыткам, но я знал, что во время бесчисленных и сугубо болезненных хирургических операций, которые ему пришлось перенести, он никогда даже не крикнул.

«Я буду ему подражать, – сказал я себе, – не вымолвлю ни слова и даже стога не издам!»

Инквизитор приказал принести себе кресло, уселся рядом со мной и с необычайной кропотливостью и елейностью во взоре обратился ко мне с такими словами:

– Дорогой, любимый сын, возблагодари Небо, что оно привело тебя в эту темницу. Но какой ты подал для этого повод? Какой грех совершил? Исповедуйся в слезах и покорно ищи утешения на моей груди. Все молчишь? Увы, сын мой, дурно, очень дурно ты поступаешь. Мы, согласно нашей системе, оставляем виновному свободу обвинять самого себя. Такое признание, пусть и несколько вынужденное, имеет, впрочем, свою хорошую сторону, в особенности когда виновный склонен назвать соучастников. Ты все еще упорствуешь в заперательстве? Тем хуже для тебя; вижу, что вынужден буду сам наставить тебя на путь истинный. Знаешь ли ты двух африканских принцесс или, скорее, двух гнусных волшебниц, отвратительных ведьм, воплощенных дьяволиц? Не говоришь ни слова? Ну так пусть введут этих двух инфант Люциферова двора.

Тут ввели обеих моих кузин, у которых, как и у меня, руки были связаны за спиной, после чего инквизитор продолжал свою речь следующим образом:

– Ну что же, любимый сын мой, признаешься? Все молчишь? Дорогой сын, пусть тебя отнюдь не устроит то, что я тебе скажу. Тебе причинят небольшую боль; видишь эти две доски? Ноги твои поместят между этими досками и веревками скрутят их, потом забьют тебе молотом меж колен вот эти клинья. Сначала ноги у тебя распухнут, потом кровь потечет у тебя из больших пальцев, а с других сойдут ногти; стопы у тебя растрескаются и вытечет жир, смешанный с растерзанным мясом. Это причинит тебе уже большую боль. Все еще ничего не отвечаешь? Ты прав, это все пока только подготовительные муки. Несмотря на это, ты, однако, лишишься чувств, но вскоре с помощью этих вот солей и спиртов тебя приведут в чувство. Тогда вынут эти клинья и забьют вот эти, другие, побольше. После первого удара тебе размозжат колени и кости, после второго – ноги у тебя лопнут вдоль, выступит сало и вместе с кровью окропит эту солому. Ты упорствуешь? Ну хорошо, пускай ему стиснут пальцы!

После этих слов палачи схватили меня за ноги и положили между двумя досками.

– Не хочешь говорить? Вгоните клинья!.. Молчишь? Занесите молоты!

В этот миг послышались беспорядочные ружейные выстрелы. Эмина крикнула:

– О пророк! Мы спасены! Зото пришел нам на помощь.

Зото вошел со своей свитой, выкинул за двери палачей и приковал инквизитора к железному кольцу, вбитому в стену темницы. Затем он освободил от уз меня и двух мавританок. Как только девушки почувствовали, что руки их свободны, они тут же бросились мне на шею. Нас разлучили. Зото приказал мне сесть на коня и ехать вперед, уверяя, что скоро с женщинами поспешит вслед за мной.

Передовой отряд, с которым я пустился в путь, состоял из четырех всадников. На рассвете в пустынной местности мы сменили лошадей; потом мы долго карабкались по вершинам и склонам крутых гор.

Около четверти часа пополудни мы добрались до скалистого грота, где намеревались провести ночь. Я радовался, что солнце еще не зашло, потому что вид был великолепный и поразительный, в особенности для меня, ибо я доселе видел лишь Арденны да Зеландию. У ног моих простиралась очаровательная Вега-де-Гранада, которую жители этого края горделиво именуют *la Nuestra Vegilla*⁴⁸. Я видел ее всю, все ее шесть городов и сорок селений, извилистое русло Хениля; потоки, с грохотом ниспадающие с вершин Альпухары; тенистые рощи, беседки, дома, сады и бесчисленное множество хуторов и усадеб. Захваченный этим чарующим зрелищем, этой прелестной картиной изобилия и многообразия, я все свои чувства сосредоточил в зрении. Во мне пробудился любитель природы, я совсем забыл о моих кузинах, которые вскоре прибыли в лектиках, влекомых лошадьми. Когда сестры уселись на подушках, разложенных в пещере, и немного отдохнули, я сказал им:

– Сударыни, я нисколько не жалею о ночи, проведенной мною в Вента-Кемаде, но откровенно признаюсь, что событие, которым она завершилась, пришлось мне абсолютно не по вкусу.

– Обвиняй нас, Альфонс, – молвила Эмина, – лишь в приятной стороне твоих сновидений. Впрочем, на что ты сетуешь? Разве тебе не выпал случай выказать нечеловеческую отвагу?

– Как? – прервал я. – Неужели кто-нибудь может усомниться в моей отваге? Если бы я встретил такого, я дрался бы с ним сквозь плащ или с завязанными глазами.

– Сквозь плащ, с завязанными глазами? Не знаю, что ты под этим понимаешь, – ответила Эмина. – Есть вещи, о которых я тебе еще не вправе поведать. Есть даже такие, о которых и сама до сих пор ничего не знаю. Я лишь выполняю приказы главы нашего семейства, преемника шейха Масуда, который владеет тайной Кассар-Гомелеса. Могу тебе только сказать, что ты наш близкий родич. Оидор Гранады, отец твоей матери, имел сына, который стал достойным открытия ему тайны, принял веру пророка и женился на четырех дочерях дея, правившего тогда в Тунисе. Только младшая из них имела детей – это именно и была наша мать. Вскоре после рождения Зибельды мой отец и три его жены умерли в дни морового поветрия, которое в ту пору опустошало берега Берберии... Но оставим пока эти предметы, о которых позднее ты сам узнаешь подробнее. Поговорим о тебе, о признательности, которой мы тебе обязаны, или, скорее, о нашем восхищении твоей отвагой. С каким равнодушием ты взирал на приготовления к пыткам! Какую нерушимую верность сохранял своему слову! Да, Альфонс, ты превзошел всех героев нашего рода, и с этих пор мы принадлежим тебе.

Зибельда, которая не мешала сестре, когда беседа шла о вещах серьезных, вступала в свои права в мгновения чувства. Я был награжден нежнейшими ласками и лестными словами и был доволен собой и другими.

Вскоре вошли негритьянки, и был накрыт ужин, во время которого прислуживал сам Зото, оказывая нам знаки глубочайшего почтения.

После ужина негритьянки постлали в пещере удобное ложе для моих кузин, а я отыскал себе другую пещеру и вскоре предался сну, сильнейшую потребность в котором мы испытывали.

⁴⁸ Наш Цветник (исп.).

День пятый

На рассвете караван был готов к походу. Мы сошли с гор и спустились в глубокие долины или, скорее, в пропасти, которые, казалось, достигали недр земли. Они прорывали горную цепь в самых разнообразных направлениях, так что невозможно было понять, где мы находимся, или определить место, куда мы направляемся.

Так мы двигались в течение шести часов и наконец добрались до развалин покинутого города. Там Зото велел нам спешиться и, подведя меня к колодезю, сказал:

– Сеньор Альфонс, будь добр, взгляни в этот колодец и скажи мне, что ты о нем думаешь.

Я ответил ему, что вижу воду, и ничего более, и полагаю, что это самый обыкновенный колодец.

– Ошибаешься, – сказал Зото, – это вход в мой дворец.

Говоря это, он склонил голову над отверстием колодца и издал странный крик.

После этого возгласа я увидел, как с боков колодезного сруба выдвинулись доски и поднялись на несколько футов над водой, затем некто, вооруженный до зубов, вышел из этого самого отверстия, а за ним другой. Когда эти люди выбрались из колодезного сруба, Зото сказал мне:

– Сеньор Альфонс, я имею честь представить тебе двух моих братьев – Чичо и Момо. Без сомнения, ты видел их болтающимися на некоей, хорошо знакомой тебе виселице, но это нисколько не мешает тому, что оба они пребывают в добром здравии и будут всегда служить, повинувшись твоим приказам, ибо они, так же как и я, находятся на службе и на жалованье у великого шейха Гомелесов.

Я ответил ему, что чрезвычайно рад видеть братьев человека, который оказал мне столь важную услугу.

Поневоле нам пришлось спуститься в колодец. Нам принесли веревочную лестницу, которой сестры-мавританки воспользовались гораздо ловчее и проворнее, чем я мог предположить. Я последовал за ними. Став на доски, мы обнаружили маленькую боковую дверь, в которую нужно было войти, согнувшись в три погибели. Вскоре, однако, мы увидели широкую лестницу, выдолбленную в скале и озаренную лампами. Мы долго сходили вглубь (я насчитал более двухсот ступеней) – и в конце концов очутились в подземелье, разделенном на множество больших и малых покоев. Все жилье для охраны от влаги было выложено изнутри пробкой. Я видел впоследствии в Чинтре, неподалеку от Лисабона, монастырь, выдолбленный в скале, кельи которого были также выложены изнутри пробкой и который по этой причине назывался Пробковым монастырем⁴⁹. Кроме того, подземелье Зото отапливалось; в нем постоянно поддерживалось приятное тепло. Лошади, служащие ему для его поездок, размещены были в окрестностях – на поверхности земли, но в случае необходимости их можно было укрыть в подземелье, для этого служило широкое отверстие, выходящее в соседнюю долину. Был сооружен даже особый ворот, чтобы облегчить их подъем и спуск, хотя его и редко когда применяли.

– Все эти чудеса, – молвила Эмина, – дело рук Гомелесов. Они выдолбили пещеры в этих скалах, когда были еще владыками края, или, вернее, завершили работы, начатые язычниками, обитавшими в Альпухаре, когда Гомелесы прибыли туда. Ученые считают, что в этом самом месте некогда находились копи чистого бетийского золота⁵⁰, а древние предания гласят, что всей этой округой когда-нибудь вновь завладеют Гомелесы. Что ты об этом думаешь, Альфонс? Это было бы прекрасное наследство.

⁴⁹ Так называемый *Пробковый монастырь* святого Креста (от *порт.* convento da cortiça) был основан в 1560 г.

⁵⁰ *Бетийское золото*. – В период существования Римской империи Андалузия называлась Бетийской Испанией. Горы Андалузии и поныне называются Бетийскими.

Мне не понравились слова Эмины, и я недвусмысленно дал ей это понять и затем, переводя разговор, спросил, каковы ее намерения на будущее.

Эмина ответила, что после всего того, что произошло, они не могут дольше оставаться в Испании, но хотят немного отдохнуть, пока не будет приготовлен для них корабль.

Был сервирован обед, изобилующий в особенности дичью и цукатами. Три брата прислуживали нам с необычайным рвением. Я заметил моим кузинам, что едва ли можно отыскать более приветливых и предупредительных висельников. Эмина признала мою правоту и, обращаясь к Зото, сказала:

– Ты и твои братья, несомненно, должны были испытать в жизни множество необыкновенных приключений, о которых мы послушали бы с величайшим удовольствием.

Все тоже стали настаивать, и вскоре Зото уселся рядом с нами и начал свой рассказ такими словами:

История Зото

– Родился я в городе Беневенто, столице одноименного герцогства. Отец мой, которого звали Зото, так же как и меня, был оружейником, чрезвычайно искусным. Так как, однако, оружейников в городе было трое и тем двоим больше повезло, то заработков от ремесла его еле хватало, чтобы кормить жену и троих детей, то есть меня и двух моих братьев.

Спустя три года после свадьбы моих родителей младшая сестра моей матери вышла замуж за торговца оливковым маслом по фамилии Лунардо, который подарил ей к свадьбе пару золотых сережек и такую же цепочку на шею. Мать, возвратившись со свадьбы, была, казалось, погружена в глубокую печаль. Муж хотел узнать у нее о причине, она долго отнекивалась, не желая говорить, в чем дело, но в конце концов призналась, что ее терзает грусть, что у нее нет таких, как у сестры, сережек и цепочки. Отец ничего на это не сказал. У него было чудесно отделанное охотничье ружье с такими же пистолетами и охотничьим ножом. Ружье, над которым мой отец корпел четыре года, давало четыре выстрела после одного заряда. Отец оценил его в триста золотых неаполитанских унций⁵¹, но, однако, вышел в город и все это оружие продал за восемьдесят унций, а затем купил сережки и цепочку и принес их жене. Мать в тот же самый день пошла похвалиться перед женой Лунардо и неслыханно утешилась тем, что ее сережки были признаны куда более красивыми и богатыми.

Спустя неделю жена Лунардо пришла навестить мою мать. На этот раз волосы у нее были заплетены в одну толстую косу, заколотую большой золотой булавкой, на конце которой была рубиновая роза. Эта роза пустила в сердце моей матери весьма ощутимые шипы. Матушка моя снова начала донимать отца и не отстала, пока отец не посулил ей купить такую самую булавку. Однако подобная булавка стоила сорок пять унций, и отец, так как у него не было таких денег, равно как и способа их приобрести, вскоре впал в грусть, в какой несколько дней назад пребывала моя мать.

Между тем однажды отца навестил тамошний браво, по имени Грилло Мональди, и принес ему пистолеты в чистку. Заметив, что отец мой мрачен, Мональди осведомился о причине, и тот ему все рассказал. Недолго поразмыслив, Мональди обратился к нему с такими словами:

– Синьор Зото, я должен тебе гораздо больше, чем ты предполагаешь. Несколько дней назад по чистой случайности обнаружили мой кинжал в теле человека, убитого на неаполитанской дороге; суд посылал этот кинжал ко всем оружейникам, и ты великодушно свидетельствовал, что в первый раз его видишь, а ведь кинжал – твоей работы, ты сам мне его продал. Признав правду, ты мог ввести меня в ненужные хлопоты. Возьми сорок пять унций, которые тебе так нужны; кроме того, запомни, что с этих пор кошелек мой к твоим услугам.

⁵¹ Неаполитанская унция – золотая монета весом 25,5 г. В Сицилии унция была монетной единицей до 1865 г.

Отец мой с благодарностью принял деньги и тут же пошел купить золотую булавку, украсившись которой мать моя в тот же день навестила свою надменную сестру.

Возвратившись домой, мать не сомневалась, что синьора Лунардо вскоре покажется украшенная какой-либо новой драгоценностью. Но у той возникло совершенно иное желание. Она захотела пойти в церковь в сопровождении наемного ливрейного лакея и поделилась этим замыслом со своим мужем. Лунардо, от природы неслыханно скупой, легко соглашался на покупку кусочка золота, которое казалось ему на голове жены в такой же безопасности, как и в его собственной шкатулке, но зато начинал упрямиться, когда у него просили об унции золота для бездельника, который неизвестно для чего битых полчаса должен будет торчать за скамьей, на коей расположится его, Лунардо, законная супруга. Однако синьора Лунардо так мучила и терзала его, что он решил наконец, бережливости ради, сам облачиться в ливрею и последовать за женой в церковь. Синьора Лунардо сочла, что ее супруг точно так же пригоден для этого ремесла, как любой другой, и с ближайшего воскресенья решила показываться в церкви с лакеем этого нового рода. Правда, соседи посмеивались над этим маскарадом, но тетка моя приписывала это чувству неудержимой зависти.

Когда она приближалась к церкви, нищие начали галдеть во все горло на свойственном им жаргоне:

– Mira Lunardu, che fa lu criadu de sua mugiera!⁵²

А так как только бедняки до известной степени простирают свою смелость, то синьора Лунардо спокойно вошла в храм, где перед ней расступались с должным уважением. Ей подали святую воду, усадили на скамью, в то время как моя мать стояла среди женщин простого звания.

Моя мать, вернувшись домой, тотчас же начала обшивать голубой кафтан отца старым желтым галуном, отпоротым от патронташа какого-то мушкета. Отец, удивленный, спросил, зачем это, на что она рассказала ему о поступке сестры, муж которой был столь любезен и учтив, что, облачившись в ливрею, пошел вслед за ней в церковь.

Отец заверил ее, что у него никогда не хватит на это учтивости, однако в следующее воскресенье нанял за унцию золота лакея в галунах, который пошел за матерью в церковь, и синьора Лунардо снова вынуждена была уступить сестре.

В тот же самый день, сразу же после обедни, Мональди пришел к моему отцу и обратился к нему с такими словами:

– Милый мой Зото, я узнал о соперничестве в чудачествах между твоей женой и ее сестрицей. Если ты сразу этому не положишь конец, то будешь несчастным до конца дней своих. Итак, перед тобой два пути: либо хорошенько проучи свою жену, либо займись ремеслом, которое удовлетворяло бы ее склонность к мотовству. Если ты выберешь первую дорогу, я жертвую тебе мою ореховую трость, которую часто применял на моей покойнице-жене. Это, правда, вовсе не один из тех ореховых прутиков, который, когда возьмешь его за оба конца, переворачивается в руках и служит для открывания родников, а порою даже и кладов, но если ты возьмешь его за один конец, а другим коснешься спины твоей супруги, то ручаюсь, что вскоре без труда излечишь ее от всех капризов. С другой стороны, если ты жаждешь удовлетворить все ее желания, я предлагаю тебе дружбу отважнейших людей во всей Италии. Сейчас они как раз добровольно пребывают в Беневенто, ибо это город пограничный⁵³. Я полагаю, что ты меня понял, поразмысли на досуге и дай мне ответ.

С этими словами Мональди положил ореховый прутик на отцовский верстак и вышел.

⁵² Взгляните на Лунардо, который сделался слугой собственной жены! (*ит. диалект*)

⁵³ ...ибо это город пограничный. – Беневенто принадлежал испанскому престолу, но был окружен землею Неаполитанского королевства.

Тем временем матушка моя после обедни пошла на корсо⁵⁴ и к нескольким подругам, чтобы похвалиться своим лакеем. Наконец, вся сияя от счастья, она возвратилась домой, но отец принял ее совсем иначе, чем она ожидала. Он схватил ее левой рукой за плечо, правой же, взяв ореховый прутик, начал выполнять советы своего друга. Он до того ретиво принялся поучать ее, что она упала без чувств, и, видя это, мой испуганный родитель отбросил трость и стал просить у жены прощения, получил это прощение, и в семье снова воцарился мир.

Спустя несколько дней отец пошел к Мональди и, сказав ему, что ореховая тросточка не оказала воздействия, попросил о дружбе отважных сотоварищей, о которых тот ему говорил.

Мональди ответил ему так:

– Меня удивляет, что ты, у которого не хватает духу наказать собственную жену, думаешь, что у тебя достанет отваги, чтобы нападать из засады на путников у опушки леса. Впрочем, это вполне возможно, ибо сердце человеческое таит в себе множество противоречий. Я охотно представлю тебя моим друзьям, но прежде всего ты должен совершить по крайней мере одно убийство. Каждый вечер, окончив работу, бери длинную шпагу, заткни за пояс кинжал и, приняв бесшабашный вид, прохаживайся перед воротами храма Пресвятой Богоматери. Быть может, кому-нибудь понадобится твоя помощь. А пока будь здоров; пусть Небо благоприятствует твоим начинаниям.

Отец послушался совета Мональди и вскоре заметил, что подобные ему вояки и даже сбiry⁵⁵ приветствуют его и понимающе на него поглядывают. После двух недель таких прогулок какой-то незнакомец в богатом платье подошел к нему и молвил:

– Вот сто унций золотом, которые я даю тебе. Через полчаса ты увидишь проходящих здесь двух молодых людей с белыми перьями на шляпах. Подойди к ним, как будто хочешь поведать им некую тайну, и скажи вполголоса: «Который из вас, синьоры, маркиз Фельтри?» Один из них ответит: «Это я». Тогда ты ударишь его кинжалом в сердце. Второй молодой человек – никчемный трус, он сразу пустится наутек. Тогда ты добьешь Фельтри. Когда все уже будет кончено, возвращайся домой как ни в чем не бывало, но ни в коем случае не старайся укрыться в церкви. Я буду уже там, у тебя.

Отец мой точно выполнил данное ему поручение и, когда вернулся домой, уже застал незнакомца, ненависти которого столь блистательно услужил.

– Синьор Зото, – сказал тот, – я очень тебе признателен за оказанную услугу. Вот еще один кошелек с сотней унций, который ты примешь, и еще один с такой же суммой, ты сунешь его в руку тому из служителей правосудия, который первым явится к тебе домой.

С этими словами незнакомец завернулся в плащ и ушел.

Вскоре начальник сбиров навестил моего отца, однако, отобрав у него сто унций, предназначенных для юстиции, пригласил его к себе на дружеский ужин. Они отправились на квартиру, примыкающую к общественной тюрьме, и нашли там уже за столом надзирателя тюрьмы и исповедника заключенных. Мой отец был несколько взволнован, как это обычно бывает после первого убийства. Духовник, заметив его смущение, сказал:

– Синьор Зото, забудь свои печали. За мессу в кафедральном соборе платят по двенадцать таро⁵⁶ за штуку. Ходят слухи, что убит маркиз Фельтри. Закажи два десятка месс за упокой его души и получишь полное отпущение грехов.

После этих слов о происшедшем уже больше не вспоминали, и ужин прошел весело.

Наутро Мональди пришел к моему родителю поздравить его со славным деянием. Отец хотел вернуть ему сорок пять унций, которые прежде у него занял, но Мональди сказал:

⁵⁴ *Корсо* (ит. «прогулка») – большая центральная улица города; в переносном смысле прогулка по городу.

⁵⁵ *Сбiry* – полицейские в Ватиканском государстве до 1809 г. В дальнейшем это слово применялось в переносном смысле для обозначения человека, осуществляющего физическую расправу.

⁵⁶ *Таро* – серебряная монета весом 1/70 золотой унции.

– Зото, ты оскорбляешь меня; если ты еще раз напомнишь мне об этих деньгах, я сочту, что ты укоряешь меня за то, что я оказался тогда слишком прижимистым. Кошелек мой к твоим услугам, и ты можешь быть уверен в моей дружбе. Не стану скрывать от тебя, что я атаман и предводитель сотоварищей, о которых тебе говорил; это все люди чести и испытанной порядочности. Если хочешь к ним примкнуть, скажи, что едешь в Брешию покупать стволы для мушкетов, и соединишься с нами в Капуе. Заедешь прямо в трактир «Под золотым крестом», а о прочем не тревожься.

Спустя три дня отец мой выехал и совершил экспедицию столь же славную, сколь и выгодную. Так как климат Беневенто весьма благотворен, отец, который пока еще не привык к новому ремеслу, не хотел во время сезона дождей пускаться в новые похождения. Итак, он оставался до поры до времени в кругу семьи, на зимних квартирах, если так можно выразиться.

С тех пор каждое воскресенье лакей в галунах сопровождал мою мать в церковь, и, кроме того, соседки дивились ее золотым аграфам, ее черному бархатному корсажу, а также золотому кольцу для ключей.

С наступлением весны какой-то незнакомый слуга подошел к моему отцу на улице и стал просить, чтобы тот пошел с ним к городским воротам. Там он встретил дворянина преклонных лет и четырех всадников. Незнакомый дворянин сказал ему:

– Синьор Зото, вот кошелек с пятьюдесятью цехинами⁵⁷; поспеши за мной к ближнему замку, но позволь пока завязать тебе глаза.

Отец согласился на все и после долгой езды прибыл наконец с незнакомцем к замку. Его провели внутрь, и с глаз у него сняли повязку. Тогда он увидел женщину, в маске и с кляпом во рту, привязанную к креслу.

– Синьор Зото, вот тебе еще сто цехинов; теперь будь столь любезен заколоть мою жену. Но мой отец ответил:

– Сударь, вы заблуждаетесь, думая обо мне так. Я и в самом деле нападаю на людей из-за угла или подстерегаю их в темном лесу, как подобает человеку чести, но никогда не исполняю обязанностей палача.

Сказав это, мой отец швырнул оба кошелька к ногам мстительного супруга, который не настаивал более, приказал снова завязать ему глаза и велел слугам, чтобы они проводили его к городским воротам. Этот великолепный и благородный поступок принес отцу много чести, а вскоре другое деяние подобного же рода снискало ему еще большие похвалы.

В Беневенто было два богатых и родовитых человека; одного из них звали граф Монтальто, другого – маркиз Серра. Монтальто приказал позвать моего отца и предложил ему пятьсот цехинов за убийство маркиза. Отец согласился сделать это, но просил только об отсрочке, ибо знал, что Серра всегда начеку.

Два дня спустя маркиз Серра приказал привести моего отца в уединенное место и сказал ему:

– Этот кошелек с пятьюстами цехинами будет твоим, любезный Зото, ежели ты дашь мне честное слово, что убьешь графа Монтальто.

Мой отец взял кошелек и сказал:

– Господин маркиз, даю тебе слово чести, что убью графа Монтальто, но должен признаться, что уже обещал ему убить тебя.

– Надеюсь, что ты этого не сделаешь, – сказал маркиз, смеясь.

– Прости меня, господин маркиз, – прервал мой отец, – я обязался и сдержу обещание.

Маркиз отскочил на несколько шагов и обнажил шпагу. В тот же миг отец выхватил пистолеты из-за пояса и разmozжил маркизу голову, после чего отправился к Монтальто и

⁵⁷ *Цехин* (дукат) – старинная золотая монета, чеканка которой началась в Венеции в 1284 г. Быстро распространилась в Европе.

заявил ему, что его недруг погиб. Граф обнял его и отсчитал ему пятьсот цехинов. Тогда мой отец, несколько смущенный, признался ему, что маркиз перед смертью дал ему за убийство графа пятьсот цехинов. Монтальто высказал свою радость, что успел опередить врага.

– Это не имеет никакого значения, господин граф, – прервал его мой отец, – ибо я честным словом поклялся ему убить тебя.

Говоря это, он пронзил его кинжалом. Падая, граф издал ужасный крик, на который сбежались его слуги. Отец кинжалом проложил себе дорогу и бежал в горы, где нашел банду Мональди.

Все храбрецы, составляющие ее, не могли найти достойных слов, чтобы выразить свой восторг столь щепетильным отношением к своему слову и столь скрупулезной верностью оному. Клянусь вам, что поступок этот до сих пор на устах у всех жителей Беневенто.

Когда Зото окончил рассказ об этом приключении своего отца, один из его братьев пришел сообщить ему, что моряки ожидают его приказа относительно приготовления корабля. Зото покинул нас, попросив разрешения отложить на завтра продолжение своей истории. Что касается меня, то все, что я до сих пор услышал, сильно меня поразило. Меня удивляло, что он постоянно восхвалял честь, приверженность слову и непогрешимую порядочность людей, которые должны были бы считать величайшей милостью, если бы их просто повесили. Злоупотребление теми выражениями, которыми он пользовался с такой самоуверенностью, привело меня в замешательство.

Заметив мою задумчивость, Эмина осведомилась о ее причине. Я отвечал ей, что история отца Зото напоминает мне то, что я два дня тому назад слышал от некоего отшельника, который придерживался мнения, что общественные добродетели основываются в наши дни на принципах гораздо более надежных, чем чувство чести.

– Дорогой Альфонс, – сказала Эмина, – уважай этого отшельника и верь всему тому, что он тебе сказал. Ты еще не раз встретишь его.

Затем обе сестры встали и вместе с негротянками отправились к себе, то есть в ту часть подземелья, которая предназначалась для них. Они возвратились к ужину, после которого все удалились на покой.

Когда в пещере все стихло, я увидел входящую Эмину. Одной рукой она, как Психея, держала лампу, а другой вела свою младшую сестру. Моя постель была постлана таким образом, чтобы они обе могли на нее усесться. Эмина обратилась ко мне:

– Милый Альфонс, я уже говорила, что мы принадлежим тебе. Великий шейх простит нам, что мы несколько опережаем его позволение.

– Прекрасная Эмина, – ответил я, – прости меня. Если это еще одно испытание, которому вы подвергаете мою добродетель, боюсь, что я на сей раз не смогу выйти из него без ущерба для оной.

– Не страшись, – прервала прекрасная мавританка и, взяв мою руку, положила ее себе на бедро.

Я ощутил под пальцами пояса, который не имел ничего общего с поясом Венеры, хотя и заставлял вспоминать о ремесле супруга этой богини. У кузин моих не было ключика от замка, во всяком случае, они утверждали, что его у них нет.

Прикрывая самое средоточие, они не отказывали мне в счастье доступа к иным пределам. Зибельда вспомнила роль любовницы, которую некогда репетировала со своей сестрой. Эмина узрела во мне предмет своих тогдашних любовных восторгов и со всем пылом отдалась сладостному воображению; ее младшая сестра, проворная, живая, полная огня, наградила меня своими ласками. Мгновения наши заполняло, кроме того, нечто совершенно неопишное – замыслы, о коих мы только слегка намекали, и весь тот сладостный лепет, который в юные

годы служит как бы интермеццо, отделяющим свежие воспоминания от упований на близкое счастье.

Наконец сон стал смежать веки прекрасных мавританок, и они удалились к себе. Оставшись один, я подумал, что мне было бы крайне неприятно, если бы наутро я вновь проснулся под виселицей. Я рассмеялся, подумав об этом, но мысль эта все время вертелась у меня в голове, пока я не заснул.

День шестой

Зото разбудил меня, объявив, что я порядочно проспал и что обед уже приготовлен. Я наспех оделся и пошел к моим кухням, которые ожидали меня в трапезной. Их глаза еще ласкали меня; девушки, казалось, больше были заняты воспоминаниями прошедшей ночи, чем пиром, который для них приготовили. Когда обед был закончен, Зото уселся рядом с нами и так продолжал рассказ о своих приключениях:

Продолжение истории Зото

Мне шел седьмой год, когда отец мой примкнул к банде Мональди, и я отлично помню, как мою мать, меня и двоих моих братьев отправили в тюрьму. Однако все это было только для видимости, ибо отец мой не забывал делиться своими заработками со служителями Фемиды, которые легко дали себя убедить, что мы с отцом никак не были связаны. Начальник сбиров во время нашего заключения ревностно занимался нами и даже сократил нам срок пребывания в неволе.

Мать моя, выйдя на свободу, была с великим почтением встречена не только всеми своими соседками, но и всеми обитателями квартала, ибо на юге Италии разбойники – такие же народные герои, как контрабандисты в Испании. Частица всеобщего уважения пала также и на нас: в особенности меня считали принцем сорванцов на нашей улице.

Между тем Мональди погиб во время одной из вылазок, и мой отец, возглавив банду, пожелал блеснуть каким-нибудь великолепным подвигом. Он устроил засаду по дороге в Салерно, намереваясь заманить в нее конвой, охранявший транспорт денег, высланных вице-королем Сицилии⁵⁸. Предприятие увенчалось успехом, но отец мой был ранен мушкетной пулей в крестец и не мог уже больше заниматься своим ремеслом. Минута, когда он прощался с товарищами, была несказанно трогательной. Смею вас уверить, что несколько разбойников громко рыдали, чему я с трудом бы поверил, если бы раз в жизни сам не плакал горько, заколов кинжалом мою любовницу, о чем я вам позднее расскажу.

Банда не могла долго просуществовать без вожака: несколько бандитов сбежало в Тоскану, где их повесили; остальные же соединились с Теста-Лунгой, который тогда начинал приобретать некоторую известность в Сицилии. Мой отец пересек пролив и отправился в Мессину, где попросил убежища у августинцев в монастыре Дель Монте. Он отдал монахам награбленные деньги, публично покаялся и поселился близ паперти монастырского храма, а прогулки ему позволено было совершать по этой смиренной обители. Монахи давали ему супу, за остальными же блюдами он посылал в соседний трактир; кроме того, орденский цирюльник ухаживал за его ранами.

Полагаю, что отец должен был часто присылать нам деньги, ибо в нашем доме царило изобилие. Мать моя участвовала во всех забавах карнавала, а в Великий пост устраивала нам «презепио», или «ясли», – ящик с куклами, сахарными дворцами, игрушками и тому подобными безделками, в роскоши которых жители Неаполитанского королевства вечно стараются превзойти друг друга. У тетки Лунардо тоже был такой ящик с куклами, но далеко не столь роскошный.

Матушка моя, насколько я помню, была удивительно добра, и мы частенько видели, как она плачет, думая, должно быть, об опасностях, на которые обрекает себя ее супруг; но вскоре, однако, ее слезы высыхали, когда она, назло сестре или соседкам, появлялась в каком-нибудь

⁵⁸ Вице-король Сицилии – титул наместника Сицилии в период вхождения ее в Испанское королевство, т. е. до 1713 г.

новом наряде или с новой драгоценностью. Впрочем, радость от роскошных «яслей», которые она нам подарила, была последней радостью, испытанной ею. Не знаю отчего, она простудилась, занемогла, и воспаление легких в несколько дней свело ее в могилу.

После ее кончины мы не знали бы, как нам быть, если бы смотритель тюрьмы не взял нас к себе. Мы пробыли у него несколько дней, после чего нас отдали в опеку некоему погонщику мулов. Он провез нас через Калабрию и на четырнадцатый день привез в Мессину. Отец мой знал уже о смерти жены, он принял нас растроганно, велел постлать нам циновки рядом со своими и представил монахам, которые приняли нас в число малолетних служек.

Итак, мы прислуживали во время обедни, обрезали фитили у свеч, зажигали лампы, а весь остаток дня бездельничали на улице, точно так же как и в Беневенто. Похлебав супу, присланного нам монахами, и получив от отца по одному таро на каштаны и бублики, мы шли проводить время в гавани и возвращались лишь поздно ночью. Словом, на свете не было уличных мальчишек счастливее нас, но, увы, случай, о котором я и сейчас еще не могу говорить без ярости, решил всю мою судьбу.

Однажды в воскресенье, как раз перед самой вечерней, я прибежал к церкви с целой кучей каштанов, которые купил себе и братьям, и начал оделять их любимым лакомством. В это время к церкви подкатил роскошный экипаж, запряженный шестеркой лошадей, перед которым бежала пара незапряженных лошадей той же масти, – роскошество, которое мне доводилось видеть только в Сицилии. Дверцу отворили, и вперед вышел дворянин, так называемый браччьеро, подавая руку красивой даме; за ними вышел священник и, наконец, прехорошенький мальчуган моих лет, облаченный в венгерку, – это был наряд, который тогда обыкновенно носили дети богачей.

Венгерка голубого бархата, расшитая золотом и отороченная соболями, ниспадала ему ниже колен и прикрывала голенища его желтых сафьяновых сапожек. На голове у него был колпачок, также голубого бархата, опушенный соболями и украшенный султаном из жемчужин, который свисал ему на плечо. На нем был пояс из золотых шнурков и желудей, а у пояса висел маленький палаш, украшенный драгоценными камнями. Наконец, в руках у него был молитвенник в золотом переплете.

Увидя столь прекрасное платье на мальчишке моих лет, я пришел в такой восторг, что, сам не зная, что творю, приблизился к мальчугану и подарил ему два каштана, которые держал в руке; однако негодник, вместо того чтобы поблагодарить меня за любезность, изо всех сил стукнул меня молитвенником по носу. Он чуть не выбил мне заодно и левый глаз, царапина едва не разодрала мне ноздрю, и в единый миг я залился кровью. Мне кажется, что я слышал, как маленький барчук начал пронзительно визжать, но я не помню этого ясно, ибо упал в обморок. Придя в себя, я увидел, что нахожусь в монастырском саду, у колодца, окруженный отцом и братьями, которые обмывали мне лицо и старались остановить кровотечение.

Когда я, окровавленный, еще лежал так, мы увидели маленького барчука с тем дворянином, который первый вышел из кареты, – они явились вместе со священником и двумя лакеями, из коих один нес пук розог. Дворянин кратко сообщил, что принцесса де Рокка Фиорита приказала, чтобы меня выдрали до крови за то, что я решился напугать ее и ее маленького Принчипино. Лакеи тут же взялись приводить приговор в исполнение.

Отец мой, боясь, чтобы монастырь не отказал ему в убежище, поначалу помалкивал, но, видя, что меня безжалостно терзают, не мог уже долее выдержать и, обращаясь к дворянину, сказал с глубоким негодованием:

– Прикажи, синьор, прекратить это мучительство или запомни, кстати, что я уже отправил на тот свет не одного из господ, что стоили десятка таких, как ты.

Дворянин почувствовал, вероятно, что слова эти весьма многозначительны, и приказал прекратить экзекуцию, но, когда я лежал еще на земле, Принчипино подбежал и ткнул мне ногой в лицо, говоря:

– Managia la tua faccia de banditu.⁵⁹

Это последнее оскорбление переполнило чашу моей ярости. Могу сказать, что с этого мгновения я перестал быть ребенком или, вернее, с тех пор уже не вкушал ни одной из радостей этого возраста и долго потом не мог хладнокровно глядеть на человека в богатом платье.

Без сомнения, мстительность именно и является первородным грехом нашего отечества, ибо, хотя мне было тогда всего лишь восемь лет, я денно и ночью думал только о том, как наказать Принчипино. Не раз я пробуждался ото сна, мечтая, что держу его за волосы и осыпаю ударами, а наяву все время обдумывал, как можно отомстить ему издалека (ибо предвидел, что мне не позволят приблизиться к нему) и, утолив свою ярость, тут же пуститься наутек. Наконец я решил, что запущу ему в лицо камень, ведь я был очень ловок; тем временем, однако, чтобы получше набить руку, целые дни швырял камни в цель.

Однажды отец спросил меня о причине, по которой я с такой страстью предаюсь этому новому развлечению. Я отвечал, что собираюсь разбить в кровь личико Принчипино, а потом убежать и стать разбойником. Отец сделал вид, что мне несколько не верит, однако по его улыбке я заметил, что он одобряет мое намерение. Наконец пришло воскресенье – вожде ленный день моей мести. Когда карета подъехала и я увидел выходящих из нее, я смутился, но вскоре вновь набрался храбрости. Мой маленький недруг заметил меня в толпе и показал мне язык. Я держал камень в руке, швырнул его – и Принчипино упал навзничь.

Я тут же бросился бежать и остановился лишь на другом конце города. Потом я встретил знакомого трубочиста, который спросил меня, куда я иду. Я рассказал ему все мое приключение, и он проводил меня к своему хозяину. Тому как раз нужны были мальчишки; он не знал, где их искать для такого противного ремесла, и поэтому охотно меня взял. Он ручался, что никто меня не узнает, так как сажа зачернит лицо, и что лазанье по крышам и трубам есть умение порою чрезвычайно полезное. Он был прав: впоследствии я не раз бывал обязан жизнью ловкости, приобретенной в те времена.

Поначалу дым и запах сажи сильно мне докучали, но, к счастью, я был в возрасте, в котором можно привыкнуть ко всему. Уже в течение шести месяцев я занимался новым ремеслом, когда со мной приключилась следующая история.

Я был на крыше и прислушивался, из какого дымохода донесется до меня зов моего мастера, когда мне показалось, что я слышу голос в соседней трубе. Я спустился как можно быстрее, но под крышей обнаружил, что дымоход разветвляется в две противоположные стороны. Мне следовало позвать еще раз, но я не сделал этого и легкомысленно начал пролезать через первое попавшееся отверстие. Соскользнув по дымоходу, я очутился в богатой комнате, и первое, что я увидел, был мой Принчипино, в сорочке, играющий в мяч.

Хотя маленький глупец, наверно, уже часто видел в своей жизни трубочистов, на этот раз, однако, он принял меня за дьявола. Пал на колени, молитвенно сложил руки и начал умолять, чтобы я не уносил его с собой, клянясь мне, что будет хорошим. Быть может, я дал бы себя смягчить этими обещаниями, но у меня в руке была метелка для чистки труб – соблазн применить ее был слишком силен, тем более что хотя я уже отомстил за удар молитвенником и в известной мере за розги, но тут мне вспомнилась минута, когда Принчипино ткнул меня ногой в лицо, говоря: «Managia la tua faccia de banditu». А ведь когда дело касается мести, всякий неаполитанец склонен скорее передать, чем недодать.

Итак, я вырвал пук розог из метлы, разорвал сорочку Принчипино и, заголив ему спину, начал здорово его хлестать; однако удивительное дело: мальчишка от страха даже не пискнул.

Когда я решил, что с него хватит, то отер лицо и сказал:

– Ciucio maledetto, io no zuno lu diavolu, io zuno lu piciolu banditu delli Augustini.⁶⁰

⁵⁹ Будь проклята твоя бандитская рожа (*ит. диалект*).

⁶⁰ Проклятый осел, я не дьявол, я маленький разбойник из обители августинцев (*ит. диалект*).

Тут к Принчипино мгновенно вернулся голос, и он начал вопить, зовя на помощь. Разумеется, я не стал дожидаться, пока кто-нибудь войдет, и ускользнул той же дорогой, какой и пришел.

Я оказался на крыше, услышал еще раз голос мастера, но не счел нужным отвечать. Пустился с одной крыши на другую, добежал до крыши какой-то конюшни, перед которой стоял воз с сеном, спрыгнул на воз, с воза на землю и что было духу понесся в монастырь августинцев. Там я все рассказал отцу, который слушал меня с величайшим интересом, после чего сказал:

– Zoto, Zoto! Gia vegio che tu sarai banditu!⁶¹

А потом, обращаясь к какому-то незнакомцу, который стоял рядом с ним, молвил:

– Padron Lettereo, prendete lo chiutosto vui.⁶²

Леттерео – это христианское имя, употребительное в Мессине. Происходит оно от некоего письма, которое Пречистая Дева якобы написала обитателям этого города, поставив на нем следующую дату: «Год 1452 от рождения Моего Сына». Жители Мессины чтят это письмо не меньше, чем неаполитанцы – кровь святого Януария. Я объясняю вам эту подробность, ибо полтора года спустя я возносил к Мадонне делла Леттера молитву, которая, как я полагал, будет последней в моей жизни.

Падрон Леттерео был капитаном вооруженной пинки – плоскодонного парусного суденышка, предназначенного якобы для ловли кораллов, на самом же деле этот достойный мореход занимался контрабандой и даже разбоем, когда обстоятельства благоприятствовали этому. Правда, это не часто с ним случалось, ибо, не имея пушек, он вынужден был ограничиваться тем, что грабил корабли, севшие на мель у безлюдных побережий.

Обо всем этом отлично знали в Мессине, но Леттерео возил контрабанду для богатейших купцов города, таможенники тоже наживались на этом; с другой стороны, не было тайной, что падрон большой молодец по части поножовщины, и это его качество предостерегало тех, кто, быть может, жаждал вмешаться в его дела.

Папаша Леттерео отличался незабываемой внешностью, самый его рост и широкие плечи достаточно выделяли его в толпе, тем более что вся его фигура настолько точно соответствовала роду его занятий, что люди пугливые не могли смотреть на него без некоторого внутреннего содрогания. Его сильно загорелое лицо еще подчеркнул заряд пушечного пороха; кроме того, он покрыл свою опаленную кожу разными удивительными рисунками.

У матросов на Средиземном море есть обычай накалывать себе на плечах и на груди цифры, кресты, кораблики и прочие тому подобные украшения. Леттерео в этом смысле превосходил всех. На одной щеке он наколол себе Мадонну, на другой – распятое, однако можно было видеть лишь верхушки этих картинок, ибо прочее закрывала густая борода, которой никогда не касалась бритва и которую только ножницы удерживали в известных границах. Прибавьте к этому огромные золотые серьги в ушах, красный колпак, пояс того же цвета, кафтан без рукавов, короткие матросские штаны, руки, голые до локтей, и ноги, обнаженные до колен, и полные карманы золота!

Ходили слухи, что смолоду он имел большой успех у женщин самого высшего круга, но теперь он был только возлюбленным женщин своего сословия и кошмаром их мужей.

Наконец, чтобы завершить портрет Леттерео, я скажу вам, что много лет назад он был в тесной дружбе с одним истинно достойным человеком, который позже приобрел широкую славу под именем капитана Пепо. Они вместе служили у мальтийских корсаров, позднее Пепо вступил в королевскую службу, Леттерео же, которому честь была менее дорога, чем деньги, решил разбогатеть любыми средствами и тут же стал заклятым врагом бывшего своего приятеля.

⁶¹ Зото, Зото! Я уже вижу, что ты станешь разбойником! (*ит. диалект*)

⁶² Падрон Леттерео, благоволите взять его к себе (*ит. диалект*).

Мой отец, все занятие которого в монастыре заключалось в перевязывании ран, от которых он никогда уже не надеялся исцелиться, охотно вступал в разговоры с подобными ему рыцарями. Он завел дружбу с падроном Леттерео и надеялся, поручая меня его заботам, что старый корсар не откажет ему. На этот раз он не ошибся. Леттерео, растрогавшись от этих знаков доверия, поклялся моему отцу, что искус мой будет менее неприятен, чем у других юнг, и уверил, что тот, кому знакомо ремесло трубочиста, за два дня с легкостью научится лазать по мачтам.

Эта перемена в моей судьбе несказанно меня осчастливила, ибо новое мое занятие казалось мне куда благороднее, чем выскребывание труб. Я обнял отца и братьев и весело отправился с падроном на его корабль. Прибыв на борт, Леттерео собрал своих двадцать матросов, фигуры которых отлично гармонировали с его собственной, представил меня этим господам и затем обратился к ним с такими словами:

– *Anime managie, quistra criadura e lu filiu de Zotu, se uno de vui a outri li mette la mano sopra, io li mangio l'anima.*⁶³

Это предостережение дало ожидаемые результаты, хотели даже, чтобы я ел вместе со всеми, но, видя, что двое других юнг прислуживали матросам и съедали остатки, я предпочел присоединиться к юнгам. Этот поступок снискал мне всеобщее благоволение. Когда же вскоре увидели, как проворно я лазаю по длинным рейкам, отовсюду раздались возгласы изумления. На кораблях с латинскими парусами рейки выполняют функции рей, но удержаться на длинной рейке гораздо труднее, чем на рее, ибо реи всегда находятся в горизонтальном положении.

Мы распустили паруса и на третий день вошли в пролив Святого Бонифация, который отделяет Сардинию от Корсики. Мы нашли там около шестидесяти барок, занятых ловом кораллов. Мы начали также ловить или, вернее, делать вид, что ловим кораллы. Что касается меня, то я отлично использовал это время, ибо спустя четыре дня плавал и нырял не хуже, чем самый проворный из моих товарищей.

Спустя восемь дней грегалада – название это на Средиземном море дают порывистому северо-восточному ветру – разогнала наш маленький флот. Каждый спасался, как мог. Мы бросили якорь у побережья Сардинии, на рейде Святого Петра, в месте пустынном и безлюдном. Мы застали там венецианскую полякру, которая казалась сильно потрепанной бурей. Папаша Леттерео тут же начал что-то замышлять относительно этого корабля – нашу пинку он поставил бок о бок с венецианской посудинной. Затем половину своих матросов он поместил в трюм пинки, чтобы экипаж выглядел не столь многочисленным. Эта последняя предосторожность была, впрочем, почти совершенно излишней и даже бесполезной, ибо на трехмачтовиках с латинскими парусами (как на нашей пинке) команда всегда несколько больше, чем на других судах подобного же размера.

Леттерео, постоянно наблюдая за венецианским кораблем, заметил, что экипаж его состоит из капитана, боцмана, шести матросов и одного юнги. Кроме того, он увидел, что марсель, второй снизу парус, растерзан в клочья и что его спустили для починки, ибо на купеческих кораблях обычно не бывает запасных парусов на смену. Закончив все эти наблюдения, он погрузил в шлюпку восемь ружей и столько же сабель, укрыл все это просмоленным полотном и решил дожидаться благоприятного момента.

Когда распогодилось, матросы влезли на марс-рею, чтобы прикрепить парус, но так неловко принялись за дело, что боцману, а затем и капитану пришлось взобраться вслед за ними. Тогда Леттерео приказал спустить шлюпку на море, сел в нее потихоньку с семью матросами и с тыла зацепился за полякру.

Видя это, капитан, стоящий на рее, закричал:

⁶³ Проклятые негодяи, этот малыш – сын Зото; если кто-нибудь из вас его тронет, то я ему душу вытрясу (*ит. диалект*).

– A larga ladron! A larga!⁶⁴

Однако Леттерео взял его на мушку, грозя пристрелить каждого, кто захочет спуститься на палубу. Капитан, человек, по-видимому, не робкого десятка, пренебрегая угрозой, бросился между снастями. Леттерео убил его на лету; капитан упал в море, и больше его не видели. Матросы сдались на милость победителя. Леттерео оставил четырех своих людей, чтобы держали венецианцев на мушке, а с тремя остальными спустился в жилую часть корабля. В каюте капитана он обнаружил бочонок, такой, в котором обычно хранят оливки, но, так как бочонок был тяжелее и тщательно обит обручами, падрон рассудил, что, быть может, в нем находятся какие-нибудь более интересные предметы. Он разбил бочонок и, к своему удовольствию, увидел вместо оливок несколько мешочков с золотом. Он ограничился этой добычей и протрубил отбой. Отряд вернулся на борт своей пинки, развернул паруса, и, проходя мимо венецианского корабля, мы крикнули ограбленным с величайшим презрением:

– Viva san Marco!⁶⁵

Спустя пять дней мы прибыли в Ливорно. Леттерео с двумя матросами тотчас же явился к неаполитанскому консулу и доложил обо всем: как произошла драка между его людьми и командой венецианской полякры и как капитан этой последней, которого случайно толкнул один из матросов, упал в море. Известная доля оливок из приснопамятного бочонка придала этому свидетельству характер непререкаемой истины.

Леттерео, который страдал непреодолимым влечением к разбою на море, без сомнения, и дальше продолжал бы заниматься своим ремеслом, если бы ему не представились в Ливорно другие возможности, которым он и отдал предпочтение. Некий еврей, которого звали Натан Леви, приметив, что папа и король Неаполитанский извлекают огромную выгоду, чеканя медную монету, также захотел извлечь из этого дела некую прибыль. В этих целях он приказал сфабриковать значительное количество таких денег в одном английском городе, который называется Бирмингам. Когда заказанный товар был готов, еврей поселил своего фактора в Фларииоле, рыбацкой деревушке, расположенной на границе обоих государств, Леттерео же обязался перевозить и выгружать этот сомнительный товар.

Торговля эта приносила нам большие доходы, и в течение всего года наш корабль, груженный римской и неаполитанской монетой, постоянно совершал одни и те же рейсы. Быть может, мы куда дольше занимались бы этим прибыльным делом, но Леттерео, у которого был явный талант к торговым предприятиям, уговорил еврея, чтобы он применил тот же способ к золотой и серебряной монете. Еврей послушался его советов и в самом Ливорно основал небольшую фабричку цехинов и скудо⁶⁶. Наши доходы вызвали зависть у властей предержавших. Однажды, когда Леттерео находился в Ливорно и только еще должен был уйти в море, ему донесли, что капитан Пепо получил от короля Неаполитанского приказ схватить его, Леттерео, но что этот честный капитан лишь в конце месяца сможет пуститься в море.

Это коварное донесение выдумал не кто иной, как сам Пепо, который уже целых четыре дня крейсировал близ берегов. Леттерео дал себя провести, к тому же ветер благоприятствовал ему, наш падрон решил, что сможет совершить еще один рейс, и распустил паруса. Назавтра на рассвете мы оказались посреди эскадры Пепо, состоящей из двух галиотов⁶⁷ и стольких же скампавий. Пепо намеревался захватить нашу пинку. Мы были окружены отовсюду без малейшей надежды на бегство. Падрон не испугался смерти, он поднял все паруса и приказал держать курс прямо на главный галиот. Пепо, стоя на мостике, отдавал приказания, намереваясь

⁶⁴ Прочь, разбойник! Прочь! (*ит. диалект*)

⁶⁵ Да здравствует святой Марк! (*ит.*)

⁶⁶ Скудо – итальянская серебряная монета весом около 24 г.

⁶⁷ Галиот – парусный корабль среднего тоннажа, вооруженный легкой артиллерией.

захватить наш корабль. Леттерео схватил ружье, взял неприятеля своего на мушку и пробил ему плечо. Все это совершилось в несколько секунд.

Вскоре все четыре неприятельских корабля повернули на нас, и мы слышали со всех сторон:

– Maina ladro! Maina can senza fede!⁶⁸

Леттерео направил наш кораблик в наветренную сторону так, что правый борт нашей пинки скользил по поверхности моря, затем, обратившись к экипажу, завопил:

– Anime managie, io in galera non ci vado! Pregate per me la santissima Madonna della Lettera!⁶⁹

При этих словах все мы пали на колени. Леттерео вложил в карманы два пушечных ядра; мы думали, что он хочет броситься в море, но намерение злорадного разбойника было иным. На противоположной – подветренной стороне корабля была укреплена большая бочка, наполненная медью. Леттерео схватил топор и перебил удерживающие ее канаты. Бочка тотчас же покатила на противоположный борт. И поскольку корабль уже сильно накренился, он не мог выдержать этого сотрясения и перевернулся. Мы все, стоявшие на коленях, повалились на паруса, которые, когда корабль шел ко дну, пружиня, отбросили нас на пятнадцать-двадцать локтей.

Пепо вытащил всех нас из воды, кроме капитана, одного матроса и одного юнги. Как только кого-нибудь вытаскивали из воды, его тут же вязали и швыряли в трюм. Спустя четыре дня мы высадились в Мессине. Пепо предупредил чиновников, что намерен передать в их руки нескольких удалцов, заслуживающих пристального внимания. Выход наш на берег происходил не без известной помпы. Было это как раз в часы корсо, когда весь большой свет совершает прогулку по набережной. Мы шли медленным шагом; спереди и сзади нас стерегли сбиры.

В числе зрителей оказался и Принчипино. Как только он меня увидел, он тут же узнал и закричал:

– Ecco lu picciolu banditu delli Augustini!⁷⁰

В тот же миг он прыгнул на меня, схватил за волосы и стал царапать лицо. Руки мои были связаны, поэтому мне трудно было защищаться. Однако я вспомнил прием, употребляемый английскими моряками в Ливорно, наклонил голову и изо всей силы ударил Принчипино в живот. Негодник упал навзничь. Вскоре, однако, он с яростью поднялся на ноги и выхватил из кармана маленький нож, которым хотел меня ранить. Чтобы избежать удара, я подставил ему ногу; он с силой грохнулся наземь и, падая, поранил себя собственным ножом. В эту самую минуту явилась принцесса и приказала лакеям, чтобы они повторили памятную монастырскую сцену, но сбиры воспротивились этому и проводили нас в тюрьму.

Суд над нашим экипажем длился недолго: всех приговорили к плетям и пожизненному заключению на галерах. Что касается юнги, который спасся, и меня, то нас по малолетству выпустили на свободу.

Как только я выбрался из тюрьмы, я побежал в августинский монастырь, но не нашел уже в нем моего отца; брат-привратник сказал мне, что он умер и что братья мои служат юнгами на каком-то испанском корабле. Я попросил разрешения поговорить с отцом настоятелем; меня ввели к нему. Я рассказал ему о всех своих похождениях, не упуская ни подножки, ни удара головою в живот Принчипино. Его преосвященство выслушал меня с превеликой добротой, после чего изрек:

– Дитя мое, отец твой, умирая, оставил монастырю значительную сумму денег. Это было имущество, добытое дурными средствами, имущество, на которое вы не имели никакого права.

⁶⁸ Сдавайся, разбойник! Сдавайся, безбожный пес! (*ит. диалект*)

⁶⁹ Проклятые мерзавцы, я не пойду на галеры! Молитесь за меня Пресвятой Богородице делла Леттера! (*ит. диалект*)

⁷⁰ Это тот маленький разбойник из обители августинцев! (*ит. диалект*)

Теперь оно в руках Всевышнего и должно быть употреблено на прокормление слуг Его. Однако я осмелился взять из него несколько скудо для испанского капитана, который решил обеспечить судьбу твоих братьев. Что же касается тебя, мы не можем предоставить тебе убежища в нашей обители, ибо нам следует считаться с принцессой де Рокка Фиоритой, нашей знатной благодетельницей. Пойдешь, дитя мое, в селение, которое принадлежит нам у подножья Этны, и там с приятностью проведешь свои детские годы.

После этих слов приор позвал послушника и дал ему соответствующие указания относительно дальнейшей моей судьбы.

Наутро мы с послушником пустились в путь. Мы прибыли в упомянутое селение, там мне дали кров, и с тех пор единственной моей обязанностью было хождение в город – я стал чем-то вроде мальчика на побегушках. В этих маленьких путешествиях я старался по возможности избегать встречи с Принчипино. Однако в один прекрасный день он увидел меня на улице, когда я покупал каштаны; конечно, узнал и приказал своим лакеям немилосердно избить меня. Спустя некоторое время я вновь проскользнул, переодетый, в его комнату и, без сомнения, легко мог бы его убить, – до сих пор даже жалею, что не сделал этого; но тогда я еще не вполне освоился с поступками подобного рода и ограничился тем, что порядочно вздул его.

Несчастливая моя звезда, как видите, была причиной, что в первые годы моей юности не проходило и шести месяцев, чтобы у меня не было какой-нибудь стычки с этим проклятым Принчипино, на чьей стороне всегда была сила. Когда мне исполнилось пятнадцать, хотя по возрасту и разуму я был еще ребенком, однако, что касается силы и храбрости, я был уже взрослым мужчиной; это никак не должно вас удивлять, ежели вы вспомните и рассудите, что свежий морской и горный воздух отлично содействовал моему развитию.

Мне было пятнадцать лет, когда я впервые узрел прославленного образом мыслей и отвагой Теста-Лунгу, честнейшего и благороднейшего из разбойников, когда-либо обитавших на Сицилии. Завтра, ежели вы склонны будете разрешить мне, я расскажу вам об этом человеке, память о котором вечно будет жить в моем сердце. А теперь я должен вас покинуть, распоряжения по управлению подземельем требуют с моей стороны внимания и старания, которыми мне не следует пренебрегать.

Зото ушел, и каждый из нас, соответственно своему характеру, задумался над тем, что услышал. Признаюсь, что я не мог отказать в своего рода уважении людям столь отважным, какими были те, которых Зото живописал в своем рассказе. Эмина считала, что отвага только тогда заслуживает нашего уважения, когда употребляется на поддержание принципов добродетели. Зибельда добавила, что можно было бы влюбиться в нашего шестнадцатилетнего разбойника. После ужина каждый ушел к себе, однако вскоре сестры снова пришли ко мне поболтать. Они уселись, и Эмина сказала:

– Милый Альфонс, не мог бы ты пойти для нас на одну жертву? Дело тут идет больше о тебе, чем о нас.

– Все эти иносказания не нужны, прекрасная кузина, – ответил я, – скажи мне попросту, чего ты хочешь от меня.

– Дорогой Альфонс, – прервала Эмина, – этот талисман, который ты носишь на шее и называешь частицей истинного креста, уязвляет нас и пробуждает в наших душах невольное отвращение.

– О! Что касается этого талисмана, – быстро ответил я, – не требуйте его от меня. Я поклялся моей матушке, что никогда не сниму его, и думаю, что ты не должна сомневаться в том, как я умею придерживаться своих клятв.

При этих моих словах кузины мои немножечко надулись и замолчали; вскоре, однако, они примирились с этим, и ночь пробежала у нас так же, как и предыдущая. Впрочем, я должен заметить, что пояса моих кузин не были развязаны.

День седьмой

На следующее утро я проснулся очень рано и пошел проведать моих кузин. Эмина читала Коран, а Зибельда примеряла жемчуга и шали. Я прервал эти важные занятия сладостными ласками, в которых проявлялись как любовь, так и чувство живейшей привязанности. Потом мы пообедали, а после обеда Зото такими словами начал рассказ о своих дальнейших приключениях:

Продолжение истории Зото

Я обещал говорить о Теста-Лунге и сдержу свое слово. Друг мой был мирным жителем Валь-Кастеры, маленького городка, расположенного у подножья Этны. У него была жена поразительной красоты. Молодой принц де Валь Кастера, навестив как-то раз свои владения, увидел эту женщину, когда она пришла приветствовать его вместе с другими женами нотаблей⁷¹. Надменный юноша, вместо того чтобы благодарно принять хвалу, которую воздавали ему подданные устами красавицы, увлекся прелестями сеньоры Теста-Лунги. Без каких-либо недомолвок он высказал ей впечатление, которое она произвела на него, обнял ее и запустил ей руку за корсаж. В то же мгновение муж, который стоял за спиной жены, выхватил из кармана нож и вонзил его в сердце юного принца. Мне кажется, что всякий порядочный человек на его месте поступил бы точно так же.

Теста-Лунга, совершив это деяние, укрылся в церкви и оставался там до самой ночи. Решив, однако, что ему следует принять более надежные меры для своего спасения, он решил соединиться с несколькими разбойниками, которые вот уже в течение некоторого времени укрывались на вершине Этны. Он пошел к ним, и они провозгласили его своим атаманом.

Этна в то время извергала неслыханные массы лавы; среди пламенных потоков ее Теста-Лунга расположился со своей бандой, воспользовавшись гротами, которые были известны только ему одному. Когда он уже обеспечил себя так полно и всесторонне, храбрый этот главарь обратился к вице-королю, испрашивая помилования для себя и своих товарищей. Правительство отказало – как я полагаю, страшась подорвать свой авторитет. Тогда Теста-Лунга вошел в соглашение с самыми богатыми арендаторами в округе.

– Договоримся, – сказал он им, – когда я прибуду к вам, вы дадите мне то, что сами пожелаете, а за то вы, пред лицом ваших господ, будете сваливать на меня все совершенные вами кражи.

Правда, это тоже был грабеж, но Теста-Лунга справедливо делил все между товарищами, сохраняя для себя лишь столько, сколько ему было необходимо для пропитания. Мало того, всякий раз, когда он со своими удалыцами проходил через какое-нибудь селение, он приказывал за все платить вдвойне, так что вскоре сделался кумиром народа обеих Сицилий.

Я говорил вам уже, что некоторые разбойники из банды моего отца соединились с Теста-Лунгой, который в течение нескольких лет находился на южном склоне Этны, совершая непрерывные набеги на Валь-ди-Ното и Валь-ди-Мазару. Но в ту пору, о которой я вам рассказываю, то есть когда мне исполнилось пятнадцать, банда вернулась в Валь-Демони, и в один прекрасный день мы увидели ее вступающей в селение, принадлежавшее августинцам.

Все, что я только мог бы вообразить себе прекрасного и пышного, даст вам лишь слабое представление о сподвижниках Теста-Лунги. Они были в мундирах, а их кони покрыты

⁷¹ *Нотабль* – член совета нотаблей, существовавшего при короле Франции с XIV в. до 1787 г., в состав которого входили представители духовенства, дворянства и горожан.

были шелковыми сетками; пояса, ошетилившиеся пистолетами и кинжалами, длинные шпаги и ружья такого же размера – вот предметы, составлявшие вооружение и снаряжение банды.

Три дня подряд разбойники пожирали наших кур и потягивали наше вино, на четвертый день им донесли, что приближается отряд драгун из Сиракуз, намереваясь окружить их. Услыхав эту весть, разбойники расхохотались от всей души. Они устроили засаду на перекрестке дорог, ударили по драгунам и разбили их наголову. Правда, они бились один против десяти, но зато у каждого разбойника было десять или пятнадцать пуль, и ни одна из них не пролетела мимо цели.

Одержав победу, банда возвратилась в селение, а я (мне выпало счастье видеть всю битву издалека!) пришел в такой восторг, что упал к ногам атамана и умолял его, чтобы он согласился принять меня в банду. Теста-Лунга спросил, кто я такой.

– Сын разбойника Зото, – отвечал я.

Услыхав это почтенное имя, все те, которые служили прежде под началом моего отца, издали радостный клич. Затем один из них сжал меня в своих объятиях, поставил на стол и сказал:

– Друзья мои, в последней битве у нас убили лейтенанта, и теперь мы озабочены тем, кем его заменить. Мы часто видим, что начало над полками доверяют сыновьям принцев или графов, так почему бы нам не сделать этого для сына отважного Зото? Ручаюсь, что он окажется достойным такой чести.

Эти слова были покрыты шумными рукоплесканиями, и меня единогласно избрали лейтенантом.

Звание мое поначалу казалось им забавным, и каждый разбойник чуть не лопался от смеха, именуя меня *signor tenente*⁷², вскоре, однако, они вынуждены были изменить свое предвзятое мнение. Я не только всегда был первым в атаке и последним в отступлении, но ни один из них не умел лучше меня выследить неприятельские маневры или обеспечить банде безопасное укрытие. Я то вскарабкивался на вершины скал, чтобы шире охватить взором окрестность и подать условные сигналы, то вновь целые дни проводил среди врагов, прыгая с одного дерева на другое. Часто мне случалось даже целые ночи не слезать с самых высоких каштанов Этны, и, когда я уже не в силах был бороться с усталостью, я засыпал, привязав себя сперва ремнем к ветви. Все это было не слишком трудно для того, кто отлично знал ремесло трубочиста и юнги.

Так, постепенно продвигаясь, я снискал всеобщее доверие, и мне поручено было обеспечивать безопасность всей банды. Теста-Лунга любил меня, как родного сына, более того, смею признаться, что прошло немного времени и я приобрел славу, которая превосходила известность атамана, и вскоре во всей Сицилии ни о чем другом не говорили, кроме как о подвигах маленького Зото. Эта громкая слава не сделала меня нечувствительным к развлечениям, свойственным моему возрасту. Я уже сказал вам, что разбойники у нас – народные герои, так судите сами, колебались ли прекраснейшие из пастушек на склонах Этны, отдать ли мне сердце; однако я был предназначен для того, чтобы поддаться более утонченным чарам, и любовь уготовила мне более лестную добычу.

Уже в течение двух лет я был лейтенантом, и мне исполнилось семнадцать, когда новое извержение вулкана уничтожило все укрытия, какие были у нас до сей поры, и вынудило банду искать убежище поближе к южной оконечности острова. После четырехдневного марша мы прибыли к замку, называемому Рокка-Фиорита, резиденции и главному поместью моего недруга Принчипино.

Я давно уже забыл о несправедливостях, которые испытал по его вине, но название замка вновь пробудило во мне жажду мести. Это отнюдь не должно удивлять вас: в нашем климате

⁷² Господин поручик (*ит.*).

сердца неумолимы. Если бы Принчипино находился тогда в своем замке, полагаю, что я огнем и мечом опустошил бы проклятое гнездо.

На сей раз я, однако, ограничился причинением как можно большего ущерба, в чем сподвижники мои, для которых не были тайной мои поводы к мести, отважно мне помогли. Слуги замка, которые сперва пытались оказать нам сопротивление, вскоре упились господским вином, которое мы извлекли из подвала, а затем перешли на нашу сторону. Одним словом, мы превратили замок Рокка-Фиорита в истинный остров изобилия.

Гульба длилась целых пять дней. На шестой день лазутчики предупредили меня, что против нас направлен целый полк из Сиракуз и что Принчипино вместе с матерью, которую сопровождает многочисленная женская свита, вскоре должен прибыть из Мессины. Я отослал банду, а сам пожелал остаться и расположился на верхушке развесистого дуба в конце сада. Чтобы облегчить бегство в случае необходимости, я пробил отверстие в каменной садовой ограде.

Наконец я увидел приближающийся полк, который остановился перед воротами замка и расставил вокруг пикеты. Сразу же за полком тянулась череда крытых носилок, в которых восседали дамы, а в последней лектике на груди подушек развалился сам Принчипино. Он с трудом сошел с носилок, поддерживаемый двумя конюшими, выслал вперед отряд войска и только тогда, когда его заверили, что ни одного из нас уже нет в его владениях, вошел в замок с женщинами и несколькими дворянами, принадлежавшими к его окружению.

Под моим дубом струился прозрачный родник, тут же стоял мраморный стол, а вокруг него – скамьи. Это была красивейшая часть сада; я не сомневался, что все общество прибудет сюда, и решил не слезать, чтобы поближе присмотреться к нему. И в самом деле, спустя полчаса я увидел приближающуюся юную особу почти моих лет. Ангелы не могут быть прекрасней; увидев ее, я испытал столь внезапное и сильное потрясение, что, наверно, свалился бы с верхушки дуба, если бы, благодаря привычной осторожности, не привязал себя поясом накрепко к его ветвям.

Юная девушка шла потупившись, лицо ее выражало глубокую печаль. Она присела на скамью, оперлась о мраморный стол и горько зарыдала. Не зная сам, что делаю, я слез с дерева и стал так, что мог ее видеть, не будучи сам замечен ею. И тут я увидел Принчипино, приближающегося с цветами в руках. За те три года, с тех пор как я потерял его из виду, он сильно вырос, лицо у него было красивое, но совершенно невыразительное.

Увидев его, юная девушка метнула взор, исполненный презрения, за который я был ей весьма признателен. Несмотря на это, Принчипино, довольный собой, весело подошел к ней и сказал:

– Возлюбленная невеста моя, вот цветы, предназначенные для тебя, если ты поклянешься мне не вспоминать об этом подлом негодяе.

– Милостивый принц, – ответила девушка, – мне кажется, что ты несправедливо ставишь мне условия своей благосклонности. Ведь если бы я никогда и не произнесла перед тобой имени Зото, весь дом вечно будет напоминать о нем тебе. Даже твоя кормилица поклялась в твоём присутствии, что никогда в жизни не видала более красивого юноши.

– Синьора Сильвия! – прервал ее Принчипино, задетый за живое. – Не забывай, что ты моя невеста.

Сильвия ничего не ответила, только залилась слезами. Тогда Принчипино в величайшей ярости завопил:

– Негодная, ты влюбилась в разбойника! Вот тебе, вот тебе то, чего ты заслуживаешь!

Говоря это, он ударил ее по лицу.

– Зото!.. Зото!.. – крикнула бедная девушка. – Почему ты не явишься, чтобы наказать этого мерзавца!

Она еще не успела договорить этих слов, как я внезапно вышел из моего укрытия и обратился к принцу:

– Узнаешь меня? Я разбойник и мог бы убить тебя, но я слишком уважаю синьорину, которая изволила позвать меня на помощь, и предлагаю тебе поединок, который приличествует вам, дворянам.

При мне была пара кинжалов и четыре пистолета; я разделил оружие поровну, положил одну часть на расстоянии в десять шагов от другой и предоставил ему выбор. Но несчастный Принчипино, лишившись чувств, повалился на скамью.

Сильвия тотчас же обратилась ко мне с такими словами:

– Я благородного происхождения, но бедна, завтра я должна выйти замуж за принца или уйти до конца дней моих в монастырь. Вместо того или другого, я хочу быть твоей навеки!

С этими словами она упала в мои объятия.

Можете представить, что я не заставлял себя долго упрашивать. Однако нужно было сделать все, чтобы принц не помешал нашему бегству. Я взял кинжал и камнем прибил его руку к скамье, на которой он лежал. Он закричал от боли и вновь лишился чувств. Мы выбрались через отверстие в садовой ограде и бежали в горы.

У всех моих товарищей были любовницы, и, естественно, они с радостью приветствовали мою, женщины поклялись, что будут безоговорочно повиноваться Сильвии.

Уже истекал четвертый месяц нашей совместной жизни с Сильвией, когда я был вынужден покинуть ее, чтобы осмотреть, что произошло после извержения вулкана на северном склоне. Во время поездки я открыл в природе новые прелести, на которые дотоле не обращал ни малейшего внимания. Мне встречались роскошные лужайки, гроты, рощицы в местах, которые прежде казались мне пригодными только для обороны или для нападения из засады. Сильвия смягчила мое разбойничье сердце, которому, однако, вскоре суждено было обрести свою прежнюю суровость.

Я возвратился из поездки на северные склоны горы. Выражаюсь таким образом потому, что сицилийцы, упоминая об Этне, всегда называют ее *il monte*, или попросту «гора». Я направился сперва к тому сооружению, которое называют Башней Философа, но не смог туда добраться. Из пропасти, которая разверзлась на склоне вулкана, вырвался поток лавы; разделившийся несколько повыше башни, он опоясывал ее как бы двумя огненными рукавами и потом, соединившись милей ниже, окружил ее непроходимыми расщелинами, создав нечто вроде совершенно неприступного острова.

Я сразу оценил всю важность этого расположения. Дело в том, что в самой башне мы хранили запасы каштанов, которые я считал необходимым припрятать. Я внимательно обыскал всю эту местность, мне удалось заново обнаружить подземный ход, которым в былые времена мне уже часто приходилось проходить. Подземный ход этот привел меня прямо на самую башню. Я тотчас же решил поместить на этом острове всех женщин из нашей банды. Приказал устроить шалаши из листьев и один из них украсил особенно старательно. Затем я возвратился на юг и привел оттуда всю нашу женскую колонию, радуясь, что у нас появилось это новое убежище.

Теперь, когда память переносит меня в те счастливые мгновения, которые я провел на этом острове, я вижу, сколь сильно они отличаются от ужасных потрясений, которые повелевали всей моей жизнью. Огненные потоки отделяли нас от всех прочих людей, огонь любви охватил наши чувства. Все слушались моих приказов, и все повиновались малейшим капризам возлюбленной моей Сильвии. Наконец, в довершение моего счастья, ко мне прибыли мои братья. Оба испытали необычайные приключения, и смею вас уверить, что, если вы когда-нибудь захотите послушать их рассказы, они развлекут вас несравненно больше, чем я.

Мало на свете людей, которые не пережили бы хотя бы несколько счастливых дней, но не знаю, есть ли кто, который мог бы измерять свое счастье годами. В моем, по крайней мере,

случае оно не продлилось и года. Мои сподвижники относились друг к другу весьма учтиво, ни один из них не осмелился бы заглядеться на чужую любовницу, а тем более на любовницу атамана. Ибо ревность была нам незнакома или, вернее, на некий срок изгнана с нашего острова, так как безумная эта страсть всегда слишком легко находит доступ в места, в которых пребывает любовь.

Молодой разбойник по имени Антонино столь страстно влюбился в Сильвию, что не был даже в состоянии утаить свою страсть. Я и сам заметил это, но, видя его печальным и удрученным, полагал, что любовница моя не отвечает ему взаимностью, и сохранял спокойствие. Я был бы только рад исцелить Антонино, ибо любил его за отвагу. Был также в банде и разбойник по имени Моро, которого, напротив, за никчемность его характера я ненавидел от всей души, и, если бы Теста-Лунга захотел мне поверить, я давно уже выгнал бы этого Моро.

Моро сумел вкрасться в доверие к Антонино и поклялся помочь ему в любви; он снискал также доверие Сильвии и убедил ее, что у меня есть любовница в соседней деревушке. Сильвия боялась высказать мне зародившиеся у нее подозрения, но поведение ее становилось все более принужденным, и я понял, что прежний любовный пыл поостыл в ее душе. Со своей стороны, Антонино, осведомленный обо всем от Моро, удвоил свои ухаживания за Сильвией и принял удовлетворенный вид, давая понять, что он, Антонино, счастлив.

Я не был достаточно изощренным в разоблачении такого рода интриг. Я убил Сильвию и Антонино. Этот последний за миг до смерти открыл мне измену Моро. С окровавленным кинжалом я побежал к изменнику; Моро испугался, упал на колени и простонал, что принц де Рокка Фиорита заплатил ему, чтобы он меня и Сильвию сжил со свету, и что единственно ради осуществления этого намерения он примкнул к нашей банде. Я вонзил свой кинжал в его грудь. Затем я отправился в Мессину, проник там, переодетый, во дворец принца и отправил его вслед за его доверенным и двумя жертвами его мести.

Таков был конец моего счастья и в то же время моей славы. Моя отвага обернулась полнейшим равнодушием к жизни, а так как я проявлял такое же равнодушие к безопасности моих товарищей, то всецело утратил их доверие. Оканчивая рассказ, могу вас уверить, что с тех пор я стал одним из зауряднейших разбойников.

Вскоре после этого Теста-Лунга умер от гнилой горячки и банда его рассеялась. Мои братья, хорошо зная Испанию, уговорили меня отправиться туда. Возглавив шайку из дюжины удалцов, я прибыл в Таорминский залив и укрывался там в течение трех дней. На четвертый день мы угнали двухмачтовое суденышко и благополучно добрались на нем до берегов Андалузии.

Хотя в Испании нет недостатка в горах, которые обеспечивали бы нам безопасное убежище, я, однако, отдал предпочтение Сьерра-Морене и не имел повода жалеть о своем выборе. Я захватил два транспорта пиастров⁷³ и совершил позднее несколько не менее прибыльных налетов.

Слух о наших успехах докатился до самого Мадрида. Губернатор Кадиса получил приказ доставить нас живыми или мертвыми и направил против нас несколько полков. С другой стороны, великий шейх Гомелесов предложил мне службу у себя и надежное убежище вот в этой пещере. Не рассуждая, я принял его предложение. Трибунал в Гранаде, не желая показать своего бессилия, но не сумев нас найти, приказал схватить двух пастухов из долины и повесить их под именем братьев Зото. Я знал этих молодчиков и знаю, что они совершили несколько убийств. Говорят, однако, что у них вызывает гнев то, что их повесили вместо нас и что по ночам они отвязываются от виселиц и проделывают тысячи нелепостей. Я не убеждался в этом собственными глазами и, следовательно, не могу вам ничего об этом сказать. Впрочем, не раз,

⁷³ Пиастр – испанская серебряная монета, в прошлом равноценная итальянскому скудо.

проходя мимо виселицы, особенно в лунную ночь, я ясно видел, что ни одного висельника на ней нет, а под утро они снова возвращались на виселицу.

Вот история моей жизни, которую вы жаждали услышать. Полагаю, что мои братья, жизнь которых протекала более спокойно, могли бы вам поведать более занимательные вещи, но у них не будет для этого времени, ибо корабль уже приготовлен и я получил ясные приказания отправить его завтра в море.

Когда Зото ушел, прекрасная Эмина молвила с выражением глубокой печали:

– Этот человек прав: мгновения счастья в жизни людской слишком мимолетны. Мы провели здесь три дня, какие уже, может быть, никогда в нашей жизни не повторятся.

Ужин вовсе не был веселым, и я поспешил пожелать моим кузинам доброй ночи. Я надеялся, что увижу их в моей комнате и тогда легче смогу развеять их печаль.

И в самом деле, они пришли раньше, чем обычно, и в довершение своего счастья я заметил, что на них нет поясов, – они держали их в руках. Символическое значение этого жеста легко было понять, однако Эмина, не доверяя моей сообразительности, сказала:

– Любимый Альфонс, твое самопожертвование ради нас не знало границ, и мы хотим, чтобы такой же самой оказалась и наша признательность. Может быть, нам уже никогда не суждено увидеться. Для других женщин это было бы поводом к воздержанности, но мы хотим вечно помнить о тебе, и если дамы, которых ты встретишь в Мадриде, превосходят нас образованностью и обхождением, ни одна тем не менее не будет более нежной и более страстной, чем мы. Однако же, дорогой Альфонс, ты должен снова присягнуть, что сохранишь нашу тайну и не будешь верить тем, которые стали бы тебе говорить о нас дурно.

Я слегка улыбнулся, услышав это последнее условие, но согласился на все и был вознагражден нежнейшими ласками. Миг спустя Эмина сказала:

– Любимый Альфонс, наши чувства уязвляет та реликвия, которую ты носишь на шее. Не можешь ли ты ее на минутку снять?

Я дал отрицательный ответ, но Зибельда обняла меня за шею и ножничками, которые держала в руке, перерезала ленточку. Эмина тут же схватила реликвию и бросила ее в расщелину скалы.

– Завтра ты вновь наденешь ее, – сказала она, – а пока повесь на шею эту вот плетенку из наших волос вместе с привязанным к ней талисманом, который уберет тебя, быть может, от неверности и непостоянства, если хоть что-нибудь на свете способно уберечь от этого возлюбленных.

Затем Эмина вынула из своих волос золотую булавку и старательно заколола ею занавеси моего ложа.

Я пойду по ее следам и опущу занавес над продолжением этой сцены. Достаточно знать, что мои приятельницы сделались моими женами. Существуют, несомненно, ситуации, когда насилие, вызывая пролитие невинной крови, является преступлением; но бывают также и такие случаи, в которых жестокость служит самой невинности, позволяя ей явить себя во всем блеске. Именно так случилось с нами, из чего я сделал вывод, что мои кузины не были истинными участницами моих сновидений в Вента-Кемаде.

Чувства наши улеглись, мы были уже совсем спокойны, когда вдруг печально застонала колокольная медь. Часы били полночь. При этом звуке я не мог удержаться от волнения и сказал моим кузинам, что опасаясь, не угрожает ли нам какая-нибудь горестная случайность.

– И я тоже боюсь, – ответила Эмина. – Опасность близка, но послушай то, что я тебе говорю: не верь ничему худому, что бы тебе о нас ни говорили, не верь даже собственным глазам.

В этот самый миг кто-то внезапно разорвал занавеси моего ложа, и я увидел человека благородной наружности, одетого по-мавритански. В одной руке он держал алкоран, в другой же – обнаженную саблю; кузины мои бросились к его ногам, говоря:

– Могушественный шейх Гомелесов, прости нас!

На что шейх ответил страшным голосом:

– Adonde estan las fajas?⁷⁴

Затем, обращаясь ко мне, сказал:

– Несчастный назарянин, ты опозорил кровь Гомелесов. Ты должен перейти в веру пророка либо умереть.

В этот миг я услышал ужасный вой и увидел бесноватого Пачеко, который подавал мне знаки из глубины комнаты. Мои кузины также его заметили, ужасно разгневались, вскочили и, схватив за плечи, мгновенно вытолкнули его из комнаты.

– Несчастный назарянин, – снова повторил шейх Гомелесов, – осуши единым духом эту чашу, или ты погибнешь позорной смертью, а труп твой, повешенный между останками братьев Зото, станет пастбищем коршунов и игралищем духов тьмы, которые будут пользоваться им для своих адских метаморфоз.

Я решил, что в подобных обстоятельствах честь велит мне покончить с собой. И я горестно воскликнул:

– Ах, отец мой, на моем месте ты поступил бы точно так же!

После этих слов я взял чашу и осушил ее всю до дна. Я ощутил ужасающую слабость и лишился чувств.

⁷⁴ Где пояса? (исп.)

День восьмой

Поскольку я имею честь рассказывать вам о своих приключениях, вы, конечно, без труда сообразите, что я не умер от выпитой мною – как я полагал – отравы. Я только лишился чувств и не ведаю, как долго оставался в этом состоянии. Помню, однако, что снова проснулся под виселицей Лос-Эрманоса, но на сей раз я испытывал своеобразное удовлетворение, ибо, по крайней мере, был уверен, что еще не умер. Кроме того, я не находился уже между двумя висельниками: я лежал слева от них, а справа был какой-то человек, который не подавал признаков жизни, причем на шее у него темнела веревка. Вскоре, однако, я обнаружил, что он только спит, и разбудил его. Незнакомец, оглядев место своего ночлега, засмеялся и сказал:

– Следует признать, что в каббалистической практике случаются порой пренеприятные недоразумения. Злые духи умеют принимать столько образов и форм, что нельзя знать, с кем имеешь дело. Однако же, – прибавил он, – откуда взялась эта петля вместо плетенки из волос, которая еще вчера была у меня на шее?

Позднее, заметив меня, он сказал:

– И сеньор тут?.. Сеньор, ты еще слишком молод для каббалиста, хотя у тебя тоже веревка на шее.

И в самом деле, я убедился, что он прав. Я вспомнил, что Эмина вчера повесила мне на шею плетенку из волос своих и Зибельды, и тоже не знал, как объяснить эти метаморфозы.

Каббалист окинул меня быстрым взором и сказал:

– Нет, ты не принадлежишь к нам. Тебя зовут Альфонс, твоя матушка родом из Гомелесов, ты капитан валлонской гвардии, ты весьма отважен, но весьма неопытен. Впрочем, хватит об этом, нужно сперва отсюда выбраться, а потом увидим, как нам быть.

Ворота ограды были распахнуты, мы вышли и снова увидели перед собой проклятую долину Лос-Эрманос. Каббалист спросил меня, куда я думаю направиться. Я ответил, что решил непременно добраться до Мадрида.

– Согласен, – сказал он, – я также иду в ту сторону, но давай сперва немного подкрепим свои силы.

Говоря это, он вытащил из кармана позолоченную чарку, баночку, наполненную неким родом опиата, и хрустальный флакон, в котором находилась какая-то желтоватая жидкость. Он бросил в чарку ложечку опиата, влил несколько капель жидкости и приказал мне выпить все сразу. Мне не нужно было это повторять, ибо у меня сосало под ложечкой. Действительно, это был волшебный напиток. Я почувствовал себя настолько окрепшим, что смело мог предпринять дальнейшее путешествие, что до тех пор было бы совершенно невозможно.

Солнце стояло уже высоко, когда мы увидели злосчастный трактир Вента-Кемада. Каббалист остановился и сказал:

– Вот место, в котором этой ночью со мной забавлялись самым подлым образом. Нам нужно, однако, войти в этот проклятый трактир, ибо я оставил тут кое-какие припасы, которыми мы сможем подкрепиться.

Мы вошли в проклятую венту и обнаружили в столовой паштет из куропаток и две бутылки вина. Каббалист, казалось, обладал прекрасным аппетитом; пример его придал мне храбрости, ибо сомневаюсь, отважился ли бы я иначе поднести что-либо ко рту. Все то, что я видел в течение нескольких дней, настолько смутило мое воображение, что я сам не знал, что делаю, и если бы кто-нибудь принялся за это, он мог бы заставить меня усомниться в моем собственном существовании.

Отобедав, мы прошли по комнатам и вошли в ту, где я спал в первый день после выезда из Андухара. Я узнал мою несчастную постель и, усевшись на ней, стал размышлять над всем тем, что со мной стряслось, в особенности же над историями, которые произошли в пещере.

Мне вспомнилось, что Эмина предупредила меня, чтобы я не верил, если бы мне стали говорить о них что-либо дурное. Я был все еще погружен в эти раздумья, когда каббалист обратил мое внимание на что-то, поблескивающее между щелями пола. Я присмотрелся и убедился, что это была реликвия, отнятая у меня двумя сестрами в пещере.

Я видел, как ее швырнули в расщелину скалы, а теперь она находилась в щели пола. И в самом деле, я начал сомневаться, выходил ли я когда-нибудь из этого проклятого трактира и не были ли отшельник, инквизитор, братья Зото – видениями, порожденными безумием, навеянными колдовскими чарами. Тем временем я с помощью шпаги извлек реликвию и повесил ее на шею.

Каббалист засмеялся и сказал:

– Это твоя собственность, сеньор кавалер. Если ты проведешь тут ночь, не удивляйся, проснувшись под виселицей. Но довольно об этом; пора выйти отсюда, мы должны еще нынче вечером остановиться на привал в хижине отшельника.

Мы покинули трактир и не прошли еще и половины пути, когда встретили отшельника, который, с трудом волоча ноги, брел, опираясь на клюку. Едва лишь завидев нас, он воскликнул:

– Ах, мой юный друг, я как раз искал тебя! Возвращайся в мою хижину, вырви свою душу из когтей Сатаны, а пока – подай мне руку. Ища тебя, я выбился из сил.

Минутку отдохнув, мы пустились в дальнейший путь; старец передвигался, опираясь на плечо то одного, то другого из нас. Наконец мы добрались до хижины отшельника.

Едва войдя, я увидел Пачеко, растянувшегося на полу посреди комнаты. Казалось, что он умирает, – во всяком случае, из груди его вырывался тот жуткий хрип, который сопровождает агонию.

Я хотел обратиться к нему, но он не узнал меня; тогда отшельник, зачерпнув святой воды, окропил ею бесноватого и произнес:

– Пачеко! Пачеко! Именем Искупителя твоего приказываю тебе рассказать то, что с тобой случилось в эту ночь.

Пачеко задрожал, издал отвратительное рычанье и начал так:

Рассказ Пачеко

Отец мой, ты как раз находился в часовне и пел литанию, когда я услышал стук в дверь и блеяние, такое, какое издает наша белая коза. Я подумал, что забыл ее подоить и благонравное животное пришло напомнить мне о моей обязанности. Я тем паче продолжал пребывать в этом убеждении, что несколько дней тому назад со мной произошел подобный случай. Выйдя из хижины, я и в самом деле увидел нашу белую козу, которая повернулась ко мне задом, показывая раздутое вымя. Я хотел ее схватить, чтобы оказать ей требуемую услугу, но она вырвалась у меня из рук и, ни на миг не останавливаясь и вновь убегая дальше, привела меня на край пропасти, которая как раз неподалеку от твоей хижины.

Доскакав туда, белая коза внезапно превратилась в черного козла. Я испугался при виде этой метаморфозы и хотел бежать к нашему жилью, но черный козел преградил мне дорогу и, встав на дыбы, взглянул на меня огненными глазами. Ужас оледенил кровь в моих жилах.

Тогда черный козел стал бодаться и толкать меня к пропасти. Когда он уже загнал меня на самый край, он задержался на миг, как бы желая насладиться зрелищем моих мук. Наконец он столкнул меня в пропасть. Я думал, что расшибусь вдребезги, но козел встал передо мной на дне пропасти и принял меня к себе на спину, – словом, я не причинил себе никакого вреда.

Тут новый страх охватил меня, ибо, как только проклятый козел ощутил меня на своем хребте, он тут же удивительным образом понесся галопом. Одним прыжком он перескакивал с горы на гору и преодолевал глубочайшие пропасти, словно бы это были мелкие рвы, наконец

отряхнулся, и, сам не знаю как, я очутился в пещере, где увидел молодого путешественника, который несколько дней назад ночевал под нашим кровом.

Юноша сидел на ложе, а рядом с ним я увидел двух прехорошеньких молодых девушек, одетых по-мавритански. Девушки, осыпая его ласками, сняли у него с шеи реликвию и в тот же миг утратили в моих глазах всю свою красоту, ибо я узнал в них двоих висельников из долины Лос-Эрманос. Однако молодой путешественник, по-прежнему принимая их за прекрасных женщин, обращался к ним с нежнейшими словами. Тогда один из висельников снял петлю со своей шеи и затянул ее на шее юноши, который ласками являл свою благодарность. Потом они задернули занавеси, и я не знаю, что делали, но думаю, что совершали какой-то смертный грех.

Я хотел кричать, но лишился голоса. Это продолжалось некоторое время, а потом пробило полночь, и я узрел входящего Сатану, с огненными рогами и пламенным хвостом, который несли за ним несколько бесенят.

Сатана держал в одной руке книгу, в другой – вилы. Он угрожал юноше смертью, если тот не перейдет в веру Магомета. Тогда, видя христианскую душу в опасности, я собрался с силами, крикнул, и мне кажется, что юноша услышал. Но в тот же миг висельники подскочили и вытолкнули меня из пещеры во двор, где я нашел того же самого козла. Один висельник сел верхом на козла, другой – на меня, и так они вновь вынудили нас обоих скакать галопом, неся через горы и пропасти. Висельник, который сидел на моих плечах, стиснул мне бока пятками, но, считая вероятно, что я бегу недостаточно быстро, поднял с дороги двух скорпионов, прицепил их к ногам вместо шпор и начал раздирать мне бока с неслыханной жестокостью. Наконец мы оказались у дверей твоей хижины, где страшилища покинули меня. В то утро, отче, ты нашел меня без чувств. Узрев себя в твоих объятьях, я полагал, что спасен, но яд скорпионов отравил мою кровь. Яд этот жжет мои внутренности, и я чувствую, что не переживу этих мук.

Сказав это, бесноватый ужасно зарычал и смолк. Тогда отшельник возвысил голос и сказал мне:

– Сын мой, может ли быть, чтобы ты имел плотское соитие с двумя дьяволами? Пойди исповедайся, признай твои прегрешения. Милосердие Божие беспредельно. Ты не отвечаешь? Неужели ты уже настолько закоsnел в грехах?

Задумавшись на миг, я ответил:

– Отец мой, этот бесноватый дворянин видел вещи совсем в ином свете. Один из нас, несомненно, был введен в заблуждение, а может быть, мы и оба худо видели. Но вот перед тобой благородный каббалист, который также провел ночь в Вента-Кемаде. Быть может, он захочет нам рассказать свои приключения, которые прольют новый свет на происшествия, которые занимают нас вот уже несколько дней.

– Сеньор Альфонс, – прервал меня каббалист, – люди, которые, подобно мне, предаются тайным наукам, не вправе высказывать все. Постараюсь, однако, по мере возможности удовлетворить твое любопытство, но, если позволишь, не сегодня. Давайте поужинаем и отправимся спать; утром наши головы будут свежее и восприимчивей.

Отшельник подал нам скромный ужин, после которого каждый ушел к себе. Каббалист считал, что должен провести ночь рядом с бесноватым, я же удалился в часовню. Улегся на той самой походной койке, на которой провел уже одну ночь; отшельник пожелал мне приятного сна и предупредил, что для пушей надежности, уходя, запрет за собой дверь.

Оставшись один, я начал размышлять над рассказом Пачеко. Не могло быть сомнений, что он находился вместе со мной в пещере, я видел также, как мои кузины подскочили к нему и вытолкнули его из комнаты, но Эмина предупредила меня, чтобы я не верил, если мне будут говорить что-либо худое о ней и о ее сестре. Впрочем, бесы, которые вселились в Пачеко, могли помутить его рассудок и ввести в заблуждение иллюзиями всяческого рода.

Так я искал разные средства оправдать моих кузин и сохранить любовь к ним, когда вдруг услышал, что пробило полночь. Вскоре после этого раздался стук в дверь и как бы бляение козы. Я взял шпагу, подошел к двери и закричал во все горло:

– Ежели ты Сатана, попробайся сам отворить эту дверь, которую запер отшельник!

Коза умолкла. А я лег спать и проспал до самого утра.

День девятый

Отшельник пришел меня будить, присел на моем ложе и молвил:

– Дитя мое, злые духи этой ночью вновь осаждали хижину. Пустынники Фиваиды⁷⁵ не более подвергались сатанинским искушениям, притом я не ведаю, как я должен судить о человеке, который прибыл с тобой и называет себя каббалистом. Он взялся исцелить Пачеко и в самом деле много ему помог, хотя совершенно не заклинал бесов, согласно ритуалу, предписанному нашей святой Церковью. Пойди в мою хижину, нас ждет завтрак, после которого мы, верно, услышим приключения этого странного незнакомца.

Я встал и пошел за пустынником. И в самом деле, я нашел Пачеко в гораздо лучшем состоянии, а лицо его показалось мне менее отталкивающим. Он по-прежнему был слеп на один глаз, но уже не высовывал языка так отвратительно, как прежде. Из рта у него перестала идти пена, и взгляд уцелевшего глаза стал менее блуждающим. Я поздравил каббалиста, который возразил мне, что это лишь слабое доказательство его могущества. Затем отшельник принес завтрак, состоящий из горячего молока и каштанов.

Совершая эту скромную трапезу, мы увидели входящего в хижину человека, худого и бледного, во всем облике которого было нечто отталкивающее, хотя и трудно было сказать, что именно вызывает такое впечатление. Незнакомец пал передо мной на колени и снял шляпу. Тогда я увидел повязку на его лбу. Он протянул ко мне шляпу, как будто прося подаяния. Я швырнул ему золотой. Станный нищий поблагодарил меня и прибавил:

– Сеньор Альфонс, твой добрый поступок не останется втуне. Предупреждаю, что тебя ожидает важное письмо в Пуэрто-Лапиче. Прочти его прежде, чем въедешь в Кастилию.

Сделав мне это предостережение, незнакомец пал на колени перед отшельником, который наполнил его шляпу каштанами, а затем совершил то же самое перед каббалистом, но сразу же поднялся, говоря:

– От тебя я ничего не хочу. Если ты скажешь, кто я такой, то когда-нибудь горько пожалеешь об этом.

Сказав это, он вышел из хижины пустынника. Когда мы остались одни, каббалист рассмеялся и заметил:

– Чтобы доказать вам, сколь мало я боюсь угроз этого человека, сразу же вам скажу, что это Вечный жид⁷⁶, о котором вы, конечно, должны были слышать. Вот уже семнадцать веков, как он ни разу не присел, не улегся, не отдохнул, не заснул. Идя все вперед и вперед, он съест ваши каштаны и завтра утром будет уже примерно в шестидесяти милях отсюда. Обычно он скитается по беспредельным пустыням Африки. Питается дикими плодами, а хищные звери проходят мимо него, не причиняя ему вреда, ибо на челе его запечатлено священное тавро Тау. Поэтому он, как вы заметили, носит на голове повязку. Он никогда не бывает в наших краях, разве что по заклинанию какого-нибудь каббалиста. Впрочем, ручаюсь вам, что я его вовсе сюда не призывал, ибо терпеть его не могу. Однако же должен признать, что он нередко знает о многом, советую тебе поэтому, сеньор Альфонс, не пренебрегать его предостережениями.

– Сеньор каббалист, – ответил я, – Вечный жид сообщил мне, что в Пуэрто-Лапиче меня ожидает письмо. Я надеюсь прибыть туда послезавтра и не забуду осведомиться о письме у трактирщика.

⁷⁵ Пустынники Фиваиды, жившие в Верхнем Египте, известны как первые христианские отшельники.

⁷⁶ Вечный жид – персонаж одной из поздних христианских легенд, повествующих о человеке по имени Агасфер, который в то мгновение, когда Христос, неся свой крест, остановился, чтобы отдохнуть, якобы крикнул: «Иди, иди!» В ответ на это Христос, как гласит легенда, ответил: «И ты иди». Эти слова превратились в заклятие, заставившее того человека бесконечно скитаться по всей земле, тщетно мечтая о смерти. Некоторые люди Средневековья и даже Позднего Возрождения уверяли, что встречали Агасфера.

– Не стоит так долго ждать, – возразил каббалист. – Я очень мало значил бы в мире духов, если бы не мог доставить тебе это письмо раньше.

Говоря это, он склонил голову на правое плечо и произнес несколько фраз повелительным тоном. Спустя пять минут на стол упал большой пакет, адресованный мне. Я распечатал его и прочитал нижеследующее:

Сеньор Альфонс!

По приказу Его Королевского Величества, нашего всемилостивейшего государя дона Филиппа V, предупреждаю Вас, чтобы Вы повременили с приездом в Кастилию. Суровую эту меру Вы должны приписать единственно только несчастью, из-за коего на Вас разгневался священный трибунал, которому доверено блюсти чистоту веры в Испании. Пусть, однако, этот случай нисколько не уменьшит Вашего ревностного желания служить королю. Вместе с настоящим посланием предоставляю Вам трехмесячный отпуск. Проведите это время на границе Кастилии и Андалузии; однако не путешествуйте слишком много ни по одной из этих провинций. Мы уже подумали о спокойствии Вашего почтенного отца и представили ему все это дело в свете, отнюдь его не уязвляющем.

Благосклонный к Вам

Дон Санчо де Тор де Пеньяс

Военный министр

К этому письму было приложено свидетельство о трехмесячном отпуске, снабженное всеми надлежащими подписями и печатями.

Мы подивились проворству гонцов каббалиста и затем попросили его, чтобы он сдержал данное нам обещание и рассказал о том, что случилось с ним минувшей ночью в Вента-Кемаде. Он возразил, так же как и накануне, что мы не пойдем многого в его рассказе, но, помолчав мгновение, начал такими словами:

История каббалиста

В Испании меня называют дон Педро де Узедо, и я владею прекрасным замком того же имени в миле отсюда. Но настоящее мое имя – рабби Садок бен Мамун, ибо я еврей. Признаваться в этом здесь, в Испании, небезопасно, но, помимо того что я доверяю вашей порядочности, предупреждаю вас, что мне не так легко было бы повредить. Влияние звезд на мою судьбу начало проявляться с первых же мгновений моей жизни. Отец мой, начертав мой гороскоп, был охвачен радостью, когда узрел, что я явился на свет именно тогда, когда Солнце вступало в знак Девы. Воистину он употребил все свое умение на достижение этой цели, но не надеялся, что все так точно сойдется.

Мне не нужно вам говорить, что отец мой Мамун был первым звездочетом своего времени. Однако астрология была одной из незначительнейших среди известных ему наук; особенно далеко ушел он в знании каббалистики⁷⁷, в ней он достиг степени, какой дотоле не достигал ни один раввин.

Спустя четыре года после моего рождения у отца моего явилась на свет дочь под знаком Близначев. Несмотря на эту разницу в возрасте, нас воспитывали одинаково. Мне не было еще двенадцати лет, а сестре моей, стало быть, восьми, когда мы умели уже говорить по-древнеев-

⁷⁷ *Каббалистика* (от др. – евр. каббала) – средневековое религиозное учение, основанное в значительной степени на числовой мистике и получившее распространение среди приверженцев иудаизма, а также среди некоторых сторонников христианства и ислама. Время возникновения и первых толкований Каббалы (книги «Зогар», «Сейфер Йецира») в точности неизвестно.

рейски, по-халдейски, по-сирохалдейски, знали языки самаритян, коптов, абиссинцев и разные иные мертвые либо умирающие языки. Кроме того, не пользуясь карандашом, мы могли разложить буквы каждой фразы согласно всем принципам, предписанным правилами каббалистики.

Мне как раз исполнилось двенадцать, когда нас с необычайной старательностью начали завивать, а затем, чтобы не оскорбить стыдливости, свойственной знакам, под которыми мы родились, нам давали есть мясо чистых животных, выбирая для меня самцов, а для сестры моей – самок.

Когда мне пошел шестнадцатый год, отец решил допустить нас к тайнам каббалы «Сефирот». Сначала он дал нам в руки «Сефер Сохар», или так называемую «Светлую книгу», из которой ничего нельзя понять, настолько этот светоч ослепляет очи взирающих на него. Затем мы углубились в бездны «Сифра Дизениуты», или «Таинственной книги», в которой самую понятную часть можно попросту счесть загадкой. В конце концов мы приступили к «Идра Рабби» и «Идра Сути», то есть к «Большому и Малому Синедриону». Это разговоры, в которых рабби Шимон, сын Иехая, автор двух предыдущих творений, снижая стиль до будничной беседы, делает вид, что обучает своих друзей простейшим вещам, а между тем, однако, поверяет им наиболее поразительные тайны, а скорее всего, откровения, исходящие непосредственно от пророка Илии, который тайком покинул небесные страны и присутствовал среди собеседников под произвольно взятым именем раввина Аввы.

Быть может, вы все воображаете, что приобрели истинное понятие об этих божественных книгах из латинского перевода, изданного вместе с халдейским оригиналом в 1684 году в маленьком немецком городишке, называемом Франкфуртом; но мы смеемся над высокомерием тех, которые полагают, что достаточно обычного людского зрения, чтобы читать эти книги. Этого, конечно, достаточно в некоторых нынешних современных языках, но в древне-еврейском каждая буква есть число, каждое слово – премудрая комбинация, каждая фраза – ужасающая формула, которая, если кто сумел произнести ее с требуемыми придыханиями и ударениями, без труда способна сдвигать горы и осушать реки.

Вы хорошо знаете, что Адонай⁷⁸ словом сотворил мир и затем сам превратился в слово. Слово приводит в движение воздух и разум, действует на чувства и души одновременно. Хотя вы не посвящены в тайну, вы, однако, можете отсюда сделать вывод, что слово является необходимым посредником между материей и любым разумом, каким бы он ни был.

Единственно могу вам сказать, что с каждым днем мы приобретали не только новые сведения, но также и новое могущество. Если даже не смели его еще применять, то, во всяком случае, утешались, гордые, что, согласно внутреннему нашему убеждению, сила эта таится в нас. Скорее, однако, печальнейший случай прервал наши каббалистические утехы.

Каждый день мы с моей сестрой замечали, что отец наш Мамун все более теряет силы. Он казался уже всего лишь духом, который для того только принял образ человеческий, чтобы обитатели подлунной легче могли его видеть. Наконец однажды он приказал позвать нас в свою рабочую комнату. Облик его был столь божественным и почтенным, что мы невольно упали перед ним на колени. Он оставил нас в этом положении и, указав на песочные часы, сказал:

– Прежде чем пересыплется этот песок, меня уже не будет на сем свете. Запомните все мои слова, что я скажу вам. Сын мой, к тебе первому я обращаюсь. Я предназначил тебе в супруги небожительниц – дочерей царя Соломона и царицы Савской. Перед появлением их на свет никто не думал, что они станут бессмертными, но Соломон научил царицу произносить имя Того, который есть. Царица произнесла это имя в миг разрешения от бремени. Прилетели гении великого Востока и приняли двух близнецов, прежде чем те прикоснулись к нечистому обиталищу, которое зовется землей, а затем унесли их в сферы дочерей Элоима⁷⁹, где им было

⁷⁸ *Адонай* (евр. господин, господь мой) – одно из семи имен Бога в Библии.

⁷⁹ *Элоим* – одно из семи имен Бога.

даровано бессмертие вместе с правом разделить его с тем, которого когда-нибудь сестры-близнецы выберут своим общим супругом. Об этих двух неизреченных супругах отец их вспоминает в своем «Шир гаш-шириме», или Песни песней⁸⁰. Поразмысли над этой божественной эпиграммой, задерживаясь после каждого девяти стихов.

Для тебя, дочь моя, я предназначил еще более великолепное супружество. Два Тоамима, те самые, которых греки знали под именем Диоскуров⁸¹, а финикийцы – Кабиры⁸², одним словом, Близнецы зодиака будут твоими мужьями. Что я говорю?.. Сердце твое слишком нежно... боюсь, как бы какой-нибудь смертный... но уже пересыпался песок... умираю...

После этих слов отец исчез, и в единый миг там, где он прежде покоился, мы нашли только горсть легкого и светящегося пепла. Я собрал эти бесценные останки, сложил их в урну и поместил в скинии Завета, под крыльями херувимов.

Вы поймете, что надежда приобрести бессмертие и двух небесных жен удвоила мое рвение к каббалистическим наукам. Однако в течение долгих лет я не посягал на достижение беспредельных высей и довольствовался тем, что посредством моего заклания приобрел власть над несколькими гениями восемнадцатой степени. Впрочем, с каждым годом я набирался все большей смелости. Прошлым летом я начал трудиться над первыми строками «Шир гаш-ширима». Едва я разложил первый стих, как сразу же мой слух поразил всезаглушающий грохот, как если бы весь замок рухнул с устоев. Но я вовсе не испугался, напротив, я был убежден, что труд отлично мне удастся. Я перешел ко второму стиху, и, когда я его окончил, лампа с моего стола слетела на пол, подскочила несколько раз и остановилась, встав неподвижно перед большим зеркалом, висящим в глубине комнаты. Я взглянул в зеркало и увидел кончики пары прелестных женских ножек. Вскоре за ними показались кончики еще одной пары маленьких ножек. Я льстил себя надеждой, предположив, что эти соблазнительные ножки принадлежат, наверно, небесным дочерям Соломона, но не смел производить дальше моих исследований.

На следующую ночь я вновь принялся за дело и увидел две пары ножек до щиколоток; двадцать четыре часа спустя я уже начал замечать колени, но тут Солнце вышло из-под знака Девы, и я вынужден был прервать свои труды.

Когда Солнце вступило в знак Близнецов, сестра моя совершила подобные же деяния и узрела не менее поразительное явление; но я не намерен вам рассказывать того, что никак не связано с моей собственной историей.

В этом году я хотел вновь приняться за прерванный труд, когда узнал, что как раз через Кордову должен проезжать славный адепт. Я повздорил по этому поводу с моей сестрой, и это она склонила меня навестить его. Я несколько опоздал с выездом из дому и к вечеру был только в Вента-Кемаде. Я нашел трактир покинутым из-за духов, которые его осаждали, но, так как я их вовсе не боюсь, я расположился в столовой и приказал маленькому Немраэлю принести мне ужин. Немраэль – это маленький гений чрезвычайно низкой степени, которого я посылаю с такого рода поручениями, и именно он принес твое письмо из Пуэрто-Лапиче. Немраэль отправился в Андухар, где ночевал какой-то приор бенедиктинцев, бесцеремонно похитил у него ужин и принес мне его в трактир. Вот это и был тот самый паштет из куропаток, который ты видел еще на следующее утро. Однако я был настолько утомлен, что почти не прикоснулся к нему; итак, я отослал Немраэля к моей сестре, а сам лег спать.

Среди ночи меня разбудил звон часов, бьющих полночь. После этого сигнала я ожидал появления какого-нибудь духа и приготовился отогнать его, ибо, как правило, это пренеприятные и непрошеные гости. Занятый этими приготовлениями, я увидел вдруг яркий свет на

⁸⁰ «Песнь песней» – собрание древних любовных песен и стихов, включенное в Библию, создание которого приписывалось царю Израиля и Иудеи Соломону, сыну Давида.

⁸¹ Диоскуры – Кастор и Полидевк – в греческой мифологии сыновья Зевса и Леды, герои-близнецы.

⁸² Кабиры – древнегреческие божества, очевидно фригийского происхождения. Первоначально считались божествами плодородия; их культ тесно связан с культом Деметры.

столе, стоящем в комнате, а потом невесть откуда выскочил маленький небесно-голубой раввинчик, который начал отбивать поклоны перед налоем, как это привыкли делать раввины во время молитвы. Он был всего в фут высотой, и не только его одежды были небесно-голубого цвета, но даже лицо, борода, налой и книга. Я тотчас же узнал, что это не дух, но гений двадцать седьмой степени. Я не знал, как его зовут, и вообще видел его впервые в жизни. Однако я применил формулу, которой всегда подчиняются все духи. Тотчас же маленький голубой раввин обратился ко мне и молвил:

– Ты начал всю свою работу не в том порядке, в котором следовало, и в этом причина, почему ты увидел сперва ноги дочерей Соломоновых. Начни с последней строки и старайся прежде всего отгадать имена небесных красавиц.

Произнеся это, маленький раввин исчез, не оставив ни малейшего следа. То, что он мне сказал, противоречило всем принципам каббалистики, однако я был настолько неосмотрителен, что послушался его совета. Начал составлять последний стих «Шир гаш-ширима» и, ища имена двух бессмертных, нашел следующие: Эмина и Зибельда. Я был чрезвычайно удивлен, однако сотворил заклятье. Тогда земля ужасно задрожала под моими ногами, мне показалось, что небо разверзается у меня над головой, и я упал без чувств.

Придя в себя, я увидел, что нахожусь в месте, где все лучилось необыкновенным сиянием. Несколько юношей, которые были прекрасней ангелов, держали меня в объятьях, а один из них сказал мне:

– О сын Адама! Приди в чувство. Ты в обители тех, которые не умирают. Нами правит патриарх Енох⁸³, который шествовал перед Элоимом и был похищен с земли. Пророк Илия⁸⁴ – наш первосвященник, и колесница его всегда к твоим услугам, как только ты захочешь совершать прогулки по какой-нибудь из планет. Мы – эгрегоры⁸⁵, или дети, рожденные от связи сынов Элоима, то есть сынов Божеских, с дочерьми человеческими. Ты увидишь между нами также несколько нефилимов⁸⁶, однако в малом числе. Идем, мы представим тебя нашему владыке.

Я пошел с ними и остановился у подножья престола, на котором восседал Енох. Я взглянул на патриарха, но никак не мог вынести сияния его очей и поэтому не мог поднять глаз выше его бороды, которая была подобна тому бледному сиянию, которое окружает луну в сырые ночи. Я страшился, что уши мои не вынесут раскатов его голоса, но голос этот был сладостней, чем гармония божественных органов. Кроме того, он еще смягчил его, обращаясь ко мне:

– Сын Адама, тебе сейчас же приведут твоих жен.

В это самое мгновение я увидел входящего пророка Илию, он держал за руки двух красавиц, прелестней которых смертные никогда не сумели бы постичь. Сквозь прозрачные их тела можно было видеть души и ясно разглядеть, как пламя страсти разливается по их жилам и смешивается с кровью. За ними два нефилима несли треножник из металла, настолько драгоценнее золота, насколько золото драгоценней свинца. Дщери Соломоновы подали мне руки и повесили на шею плетенку, сотканную из своих волос. В тот самый миг живой и чистый пламень вспыхнул над треножником и поглотил все то, что было во мне смертного. Нас ввели в спальню, сверкающую красотой и пламенной любовью, распахнули огромное окно, которое выходило на третье небо, и тогда зазвучали божественные напевы ангелов. Наслаждение овладело всем моим существом.

Но что же я вам могу еще сказать? На следующее утро я проснулся под виселицей Лос-Эрманоса между двумя гнусными трупами, так же точно как и этот юный путешественник.

⁸³ *Енох* – библейский пророк, упоминаемый в Книге Бытия (5: 18–24).

⁸⁴ *Илия* – библейский пророк, упоминаемый в Четвертой Книге Царств.

⁸⁵ *Эгрегоры* – ангелы, ставшие супругами дочерей библейского Сета.

⁸⁶ *Нефилимы* – библейские персонажи – гиганты, дети ангелов и земных дев: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им» (Быт 4: 4).

Из этого я сделал вывод, что имел дело с неслыханно злобными духами, сущности которых я толком не знаю; боюсь даже, как бы это приключение не повредило мне в глазах истинных дочерей Соломона, лишь ножки коих мне довелось увидеть.

– Злополучный слепец, – сказал отшельник, – отчего ты об этом сожалеешь? Все оболыщение – в твоей проклятой науке. Духи тьмы, которые только натешились тобой, причинили куда более страшные мучения несчастному Пачеко. Без сомнения, такая же судьба ожидает того молодого военного, который, побуждаемый пагубным ожесточением, не желает признаться в грехах своих. Альфонс, сын мой, Альфонс! Покайся в грехах, у тебя еще есть на это время.

Мне наскучило упорство отшельника, явно желающего добиться от меня признаний, которых я не хотел ему сделать. Я холодно ответил, что весьма уважаю его священные назидания, но что чувство чести является основой всего моего поведения, после чего мы начали говорить о чем-то другом.

– Сеньор Альфонс, – сказал каббалист, – так как инквизиция тебя преследует, а король приказывает тебе три месяца провести в этой пустыне, я предлагаю к твоим услугам мой замок. Ты познакомишься с моей сестрой Ревеккой, которая столь же прекрасна, как и учена. Пойдем со мной, ты производишь из Гомелесов, а Гомелесы всегда вправе рассчитывать на наше сочувствие.

Я взглянул на отшельника, чтобы угадать по его глазам, что он думает об этом. Казалось, что каббалист догадался о моих сомнениях, ибо, обратившись к отшельнику, он сказал:

– Отец мой, я знаю тебя лучше, чем ты полагаешь. Вера придает тебе великую мощь. Мои средства хотя и не столь священные, однако же не дьявольские. Благоволи также погостить у меня вместе с Пачеко, которого – будь в этом уверен – я вполне исцелю.

Прежде чем дать ответ, отшельник начал молиться; после недолгого размышления он подошел к нам с веселым лицом и сказал, что готов присоединиться к нам. Каббалист склонил голову на правое плечо и приказал привести лошадей. Тут мы увидели у дверей хижины пару прекрасных коней для нас обоих и пару мулов для отшельника и бесноватого. Хотя до замка был целый день пути, как сказал нам Бен Мамун, однако через час мы завершили наше путешествие.

Все это время Бен Мамун рассказывал мне о своей ученой сестре, так что я надеялся узреть некую черноволосую Медею, с волшебной палочкой в руке, бормочущую непонятные каббалистические словеса. Я обманулся в своих ожиданиях. Великолепная Ревекка, которая встретила нас у ворот замка, была роскошнейшая блондинка, какую только можно себе вообразить. Белоснежное платье, поддерживаемое драгоценнейшими аграфами, пышно облекало ее несравненный стан. Поначалу казалось, что она мало заботится о своем наряде; однако, если бы даже было наоборот, она не могла бы привлекательней оттенить красоту своих волшебных прелестей.

Ревекка бросилась брату на шею, говоря:

– Как я беспокоилась о тебе, особенно в первую ночь, когда никак не могла узнать, что с тобой! Что ты делал все это время?

– Позднее я расскажу тебе, – ответил Бен Мамун. – А теперь постарайся получше принять гостей, которых я привел. Это отшельник из долины, а юноша происходит из рода Гомелесов.

Ревекка равнодушно взглянула на отшельника, но, бросивши взгляд на меня, легонько зарумянилась и сказала с грустью:

– Надеюсь, что, к счастью, ты, сеньор, не из нашего круга.

Мы вошли в замок, и тут же за нами развели подъемный мост.

Замок был просторный и поддерживался в величайшем порядке, хотя слуг было всего двое – мулат и мулатка, молодые и красивые. Бен Мамун проводил нас сперва в свою биб-

лиотеку; это была маленькая круглая комната, служащая одновременно столовой. Мулат разостлал скатерть, принес олью-подриду и четыре прибора, ибо Ревекка не села с нами к столу. Отшельник, убогатворенный, ел больше, чем обычно. Пачеко, хотя по-прежнему слепой на один глаз, заметно успокоился, но лицо его было по-прежнему мрачным, и сидел он молча. Бен Мамун ел с аппетитом, но все время пребывал в рассеянности и признался нам, что вчерашнее приключение не выходит у него из головы.

– Дорогие гости, вот книга для вашего развлечения. Мой мулат к вашим услугам; а пока позвольте мне удалиться: у меня кое-какие важные занятия с моей сестрой. Мы увидимся завтра в час обеда.

Бен Мамун ушел и оставил нас, если так можно выразиться, хозяевами всего замка. Отшельник взял из библиотеки легенду о первых Отцах Церкви, живущих уединенно в пустыне, и приказал Пачеко, чтобы тот прочитал ему несколько глав. Я вышел на террасу замка, повисшую над пропастью, в глубине которой громко журчал незримый ручей. Хотя окрестные места выглядели печально, лицезрение их доставляло мне неслыханное наслаждение – я весь отдавался впечатлениям необычайного зрелища. Я не грустил, пожалуй, но все чувства мои оцепенели из-за ужасных волнений, испытанных мною на протяжении этих нескольких дней. Чем больше я раздумывал о престранных моих приключениях, тем меньше я их понимал; наконец я не смел больше думать о них из опасения, чтобы мой разум совсем не помутился. Надежда провести несколько спокойных дней в замке Узеды несколько успокоила мою истерзанную душу. Размышляя таким образом, я вернулся в библиотеку. На склоне дня мулат принес нам ужин, состоящий из холодного мяса и сушеных фруктов; не было, однако, мяса нечистых животных. Затем мы расстались: отшельника и Пачеко проводили в одну комнату, а меня – в другую.

Я лег и заснул, но прекрасная Ревекка разбудила меня, говоря:

– Сеньор Альфонс, прости, что я решаюсь прервать твой сон. Я возвращаюсь от моего брата, с которым мы творили ужаснейшие заклатья, дабы постигнуть сущность духов, которые осаждали его в Вента-Кемаде, но усилия наши остались безуспешными. Мы полагаем, что он стал игрушкой баалимов, над которыми мы не обладаем ни малейшей властью. Впрочем, страна Еноха именно такова, какой он ее видел. Все это для нас необычайно важно, и я умоляю тебя, чтобы ты рассказал нам твои приключения.

Говоря это, Ревекка присела на ложе рядом со мной, но казалась мне занятой единственной только тайной, разъяснения которой она от меня жаждала. Тем не менее я продолжал молчать обо всем и ограничился замечанием, что дал честное слово не рассказывать никому о том, что я видел.

– Как же ты можешь думать, сеньор Альфонс, – продолжала Ревекка, – будто честное слово, данное двум сатанинским исчадиям, к чему-то тебя обязывает? Мы уже узнали, что это два женских духа, из которых один зовется Эмина, а другой – Зибельда, но тем не менее мы до сих пор не можем проникнуть в сущность этих двух дьяволиц, так как и в нашей науке, как и во всех прочих, нельзя знать всего.

Я вновь дал отрицательный ответ и просил прекрасную девушку, чтобы она мне больше об этом не напоминала. Тогда она взглянула на меня с выражением неопишуемой кротости и молвила:

– Какой же ты счастливеец, что можешь придерживаться принципов добродетели, которые руководят всеми твоими поступками. Каким спокойствием совести ты можешь наслаждаться! Насколько же наша судьба отличается от твоей! Мы хотели узреть вещи, неуловимые для смертного взора, и постичь то, чего человеческий разум постичь не в состоянии. Я не создана для этих неземных познаний; что мне в тщетной власти над злыми духами? Я во сто крат больше предпочла бы властвовать над сердцем любимого супруга, но так хотел мой отец, и я должна повиноваться своему жребию.

При этих словах Ревекка достала платочек и утерла слезы, перлами струящиеся по ее прекрасным ланитам, после чего добавила:

– Сеньор Альфонс, позволь мне вернуться завтра в этот самый час и еще раз попытаться преодолеть твое упорство, или, как ты это называешь, стойкую приверженность своему слову. Вскоре Солнце войдет в знак Девы, тогда не будет уже времени, и жребий исполнится.

На прощанье Ревекка дружески пожала мне руку, и мне казалось, что она с отвращением возвращается к своим каббалистическим занятиям.

День десятый

Я пробудился раньше, чем обычно, и вышел на террасу, чтобы подышать свежим воздухом, прежде чем лучи солнца станут особенно жгучими. Вокруг царил покой, даже ручей, казалось, струился с меньшим рокотом, не заглушая гармонического пения птичек. Безмятежность, царившая вокруг, отразилась в моей душе, и я смог спокойно поразмыслить обо всем, что со мной случилось со времени моего выезда из Кадиса. Только теперь мне вспомнились несколько слов, которые случайно вырвались у дона Эммануэля де Са, наместника провинции, и я рассудил, что он также должен был что-нибудь знать о таинственном существовании Гомелесов и даже в какой-то степени быть посвященным в тайну. Ведь он сам навязал мне двоих слуг, Лопеса и Москито, и я допускал, что по его приказанию они покинули меня у входа в злосчастную долину Лос-Эрманос. Мои кузины часто давали мне понять, что меня хотели подвергнуть испытанию. Я подумал, что в Вента-Кемаде мне дали сонное питье и потом, спящего, перенесли под виселицу. Пачеко мог окриветь на один глаз по совершенно иной причине, а его любовные интрижки и ужасное приключение с двумя висельниками могли быть сказкой. Отшельник, который с помощью исповеди хотел вырвать у меня тайну, казалось мне, мог быть попросту орудием Гомелесов, чтобы испытать мою стойкость.

Наконец я начинал уже обретать некую путеводную нить в тумане моих приключений и объяснять их себе, не допуская участия сверхъестественных существ, как вдруг услышал звуки веселой музыки в дальних горах, окружающих замок. Музыка все приближалась, и я увидел подходящую все ближе ораву цыган, которая двигалась в такт под звон бубнов и медных тарелок. Они расположились тут же, под террасой, так что я во всех подробностях мог дивиться своеобразной утонченности их нарядов и всего табора. Я подумал, что это те самые цыгане-воры, у которых нашел спасение трактирщик из Вента-Кемады, как мне об этом рассказывал отшельник; но они показались мне, пожалуй, слишком уж вежливыми и отесанными для мошенников. Покамест я присматривался к ним, они разбивали шатры, ставили котелки на огонь и укладывали детишек в колыбели, прикрепленные прямо к ветвям деревьев. Закончив все эти приготовления, они отделились приятностям кочевого существования, среди которых первое место занимает праздность.

Шатер вожака отличался от других не только большой булавой с серебряным шаром, воткнутой у входа, но и гораздо более нарядным видом и завесами с пышной бахромой, какой обыкновенно не бывают украшены шатры простых цыган. Но каково же было мое изумление, когда я увидел выходящими из отворяющегося шатра обеих моих кузин в том привлекательном наряде, который в Испании называют *a la gitana maja*⁸⁷. Они приблизились к самому подножию террасы, но, казалось, вовсе меня не замечали. Потом они позвали подруг и начали танцевать поло, на известную мелодию:

Quando me Paco me azze,
Las palmas paca vaylar,
Me se puene el corpecito
Como hecho de mazzepan...⁸⁸

Если прекрасная Эмина и милая Зибельда вскружили мне голову одетые по-мавритански, то не меньше они привели меня в восторг в этом новом наряде. Я заметил только, что на этот раз на устах у них играла злорадная и издевательская усмешка, которая хотя и была к лицу

⁸⁷ На цыганский манер (*исп.*).

⁸⁸ Когда мой желанный Пако Пускается в пляску со мною. Все тело мое так и тает, Как марципан от зноя... (*исп. диалект*)

цыганкам-гадалкам, однако предвещала, что девушки хотят подстроить мне новую шалость, появляясь в этом новом и неожиданном образе.

Замок каббалиста был заперт со всех сторон; ключи были у хозяина, следовательно, я не мог сойти к цыганочкам. Однако, проходя подземельем, которое выходило к руслу ручья, я мог ближе их рассмотреть и даже беседовать с ними, отнюдь не будучи замечен обитателями замка. Вот я и пошел этим тайным ходом, и вскоре только ручей отделял меня от танцовщиц. Но это вовсе не были мои кухни. Вид их показался мне даже очень заурядным и вполне соответствующим их сословию.

Устыдившись своей ошибки, я, еле волоча ноги, вернулся на террасу. Затем я снова взглянул на них и снова несомненным образом узнал моих кузин. Мне показалось, что они также меня узнали, ибо громко расхохотались и скрылись в шатрах.

Я был оскорблен. «Помилуй боже! – сказал я сам себе. – Да как это может быть, чтобы два таких милых и сладостных создания были зловещими духами, привыкшими издеваться над смертными, принимать различные образы, или чародейками, или также, что было бы самым ужасным, вампирами, которым Небо позволило оживить гнусные трупы висельников из долины Лос-Эрманос?» Правда, сперва я полагал, что сумею объяснить себе эти вещи естественным образом, но теперь сам уже не знал, чему я должен верить.

Углубленный в такого рода размышления, я вернулся в библиотеку, где нашел на столе большую книгу, писанную готическими буквами, под названием «Курьезные реляции Хаппелиуса»⁸⁹. Книга была раскрыта, и страница как будто нарочно загнута на начале главы, в которой я прочел нижеследующее:

История Тибальда де ла Жакьера

Некогда в одном французском городе, расположенном на берегах Роны и прозванном Лионом, жил богатый купец, которого звали Жак де ла Жакьер. Этот Жак принял сию фамилию, когда бросил торговлю и был избран первым советником, каковое звание жители Лиона присваивают лишь людям состоятельным и высочайших достоинств. Таким и был на самом деле почтенный советник де ла Жакьер: милосердный к бедным и благодетель монахов и иных священнослужителей, каковые и являются истинными бедняками перед Господом.

Но совершенно не похож на отца был единственный сын советника, мессир Тибальд де ла Жакьер, прапорщик королевской гвардии.

Шалопут, забияка, бабник и охальник, игрок в кости, недруг оконных стекол и фонарей, пьяница и сквернослов, который божился и клялся, как дюжина матросов. Часто по ночам ему случалось задерживать на улицах мирных граждан, чтобы обменять у них свой старый плащ или поношенную шляпу на новые. Одним словом, вскоре слухи о проделках мессира Тибальда докатились до Парижа, Блуа, Фонтенбло и других королевских резиденций. Наконец они достигли ушей нашего доброго государя, светлой памяти Франциска Первого⁹⁰. Выведенный из терпения выходками дерзкого вояки, он выслал его в Лион на покаяние в дом отца, почтенного советника де ла Жакьера, который жил тогда близ площади Белькур, на углу улицы Сен-Рамон.

В отцовском доме молодого Тибальда приняли с такой радостью, как будто он возвращался из Рима, одаренный всеми индульгенциями святого отца. Мало того что закололи жирного тельца в честь его прибытия, но советник де ла Жакьер устроил пир, который стоил больше золотых, чем было сотрапезников. Было сделано даже более. Поднимались тосты за

⁸⁹ *Хатпелиус* – латинизированная форма имени Эбергарда Вернера Хаппеля (1647–1690), известного немецкого писателя.

⁹⁰ *Франциск I* (1494–1547) – французский король (с 1515 г.) из династии Валуа. Его политика была направлена на укрепление централизации и принципов абсолютизма.

здоровье единственного сына, и каждый желал ему опаматоваться и стать благоразумным. Но эти пожелания не пришлись ему по вкусу. Распутник, взяв золотую чару и наполнив ее вином, заорал:

– Пускай я пойду к ста тысячам миллионов дьяволов вместе с их предводителем, которому я в этом вине завещаю свою кровь и душу, если я когда-нибудь переменюсь!

При этих ужасных словах на головах пирующих волосы встали дыбом, некоторые распрощались тут же, другие поднялись из-за стола. Но и мессир Тибальд также поднялся и вышел на прогулку на площадь Белькур, где нашел двух своих былых приятелей, подобных себе гуляк. Он обнял их, ввел их к себе в дом и приказал принести для них несколько бутылок вина, вовсе не заботясь ни об отце, ни о других гостях.

Так отметил Тибальд свой первый день по возвращении. Назавтра он повторил то же самое и затем продолжал вести такой же образ жизни.

Несчастный отец, терзаемый печалью, решил посвятить себя своему покровителю, святому Иакову, и поставить на его алтарь восковую свечу за десять ливров⁹¹, украшенную двумя золотыми кольцами, по пять марок каждое. Но когда он захотел положить свечу на алтарь, он уронил серебряную лампаду, которая горела перед святым образом. Советник по иному поводу приказал отлить эту свечу, но, думая прежде всего о том, как обратить сына своего на путь истинный, с радостью совершил эту жертву; однако, как только он увидел свечу на земле и лампаду опрокинутой, он решил, что это предвещает несчастье, и, опечаленный, вернулся домой.

В тот же день Тибальд устроил пир для своих друзей. Опустошив множество бутылок, они, когда уже давно наступила ночь, вышли вместе на площадь Белькур. Там все трое взялись под руки и начали, задрав головы, расхаживать по площади, как это привыкли делать распутники, когда хотят привлечь к себе внимание девушек. На этот раз, однако, они никого не поймали – на площади не было ни одной женщины, а ночь была такая темная, что невозможно было заметить какую-нибудь в окне. Когда им уже отчаянно надоело одиночество, молодой Тибальд, клянясь по привычке, нарочито грубым голосом заорал:

– Пусть я пойду к ста тысячам миллионов дьяволов вместе с их предводителем, которому в этот миг завещаю свою кровь и тело, если он пришлет мне сюда свою младшую дочку! Я бы переспал с ней, так уж меня это винцо разогрело!

Речь эта не понравилась приятелям Тибальда, которые не были еще столь закоренелыми грешниками, и один из них сказал:

– Подумай, приятель, ведь Сатана – извечный враг рода человеческого, всегда готовый причинять ему вред, – и поэтому не нужно его ни приглашать, ни называть по имени.

На что Тибальд ответил:

– Как сказал, так и сделаю!

Между тем трое гуляк увидели выходящую из соседнего переулочка женщину под вуалью, весьма стройную и, как казалось, очень молодую. За ней бежал маленький негритенок, но вдруг он споткнулся, упал лицом вниз и разбил фонарь, который нес в руке. Юная незнакомка испугалась и огляделась вокруг, словно не зная, как быть. В тот же миг мессир Тибальд подошел к ней и как можно любезней предложил ей руку, чтобы проводить ее домой. Бедная девушка, минутку поразмыслив, приняла это предложение. И тут мессир Тибальд, обращаясь к приятелям, сказал им вполголоса:

– Теперь вы видите, что тот, кого я призывал, недолго заставил себя ждать. До свиданья, желаю вам покойной ночи.

Два приятеля поняли эти слова и покинули его, смеясь и желая ему весело позабавиться.

⁹¹ Ливр – денежная единица и серебряная монета во Франции в Средние века.

А Тибальд подал руку незнакомке, причем маленький негритенок, фонарь которого потух, пошел перед ними. Молодая женщина казалась поначалу столь смущенной, что едва держалась на ногах, но вскоре пришла в себя и смелей оперлась на плечо своего спутника. Порой она спотыкалась и тогда сжимала его руку, чтобы не упасть. Тибальд же, стараясь ее удержать, прижимал ее руку к сердцу, однако всегда с превеликой осторожностью, чтобы не спугнуть дичь.

Они так долго шли вместе, что Тибальд наконец подумал, что они заблудились на улицах Лиона. Он, однако, не жалел об этом, ибо полагал, что сраженная усталостью прекрасная незнакомка будет меньше ломаться. Во всяком случае, желая сперва узнать, кто она такая, он попросил ее минутку отдохнуть на каменной скамье, которую они заметили у дверей какого-то дома. Незнакомка согласилась, и они уселись рядом. Тогда Тибальд любезно взял ее за руку и с необычайным остроумием произнес слова:

– Прекрасная блуждающая звезда, поскольку моя звезда захотела, чтобы я тебя встретил этой ночью, сделай мне такую милость и скажи мне, кто ты и где ты живешь.

Молодая женщина сперва колебалась, но вскоре набралась храбрости и начала такими словами:

История прекрасной девушки из замка Сомбр-Рош

Меня зовут Орландина; во всяком случае, так меня называли несколько слуг, которые обитали вместе со мной в замке Сомбр-Рош в Пиренеях. Я не видела там ни одного человеческого создания, кроме моей дуэньи, которая была глухая, служанки, которая так сильно заикалась, что ее можно было считать немой, и старого слепого привратника.

У привратника было немного дел, ибо он лишь раз в год отворял ворота, и то только одному вельможе, который приходил к нам, чтобы трепать меня по подбородку и беседовать с моей дуэньей на бискайском наречии⁹², которого я совсем не понимаю. К счастью, я уже умела говорить, когда меня заперли в замке Сомбр-Рош, иначе я, пожалуй, никогда не научилась бы говорить с этими двумя подругами моего заключения. Что же касается слепого привратника, то я видела его только тогда, когда он подавал нам обед через единственное зарешеченное оконце. Правда, моя глухая дуэнья иногда кричала мне в уши какие-то правила нравственности, но я понимала немного, как если бы была столь же глухой, как она, ибо говорила она мне о супружеских обязанностях, не объясняя мне, что такое супружество. Говорила она порой и о других вещах, но никогда не желала давать никаких объяснений. Нередко заика-служанка пыталась поведать мне также какую-то историю, уверяя, что история эта будет необыкновенно забавной, но она никогда не могла добраться до второй фразы и поэтому прерывала и первую и уходила, заикаясь и оправдываясь, но и эти оправдания она произносила с не меньшим трудом, чем обещанную историю.

Я сказала тебе, что у нас было только одно окно, вернее, что только одно окно выходило на двор замка, другие отворялись на другой двор, засаженный несколькими деревьями, представляющими сад, единственный выход из которого вел в мою комнату. Я разводила там кое-какие цветы, и это было единственной моей радостью. Впрочем, я ошибаюсь, у меня была еще одна, столь же невинная забава. В комнате моей стояло большое зеркало, в котором я разглядывала себя каждое утро, едва только вставала с постели. Моя дуэнья приходила также в легком наряде поглядеться в зеркало и забавлялась, сравнивая свою фигуру с моей. Я также предавалась этому развлечению, перед тем как пойти спать, когда дуэнья моя уже крепко спала. Иногда я воображала себе, что вижу в зеркале подругу моих лет, которая разделяет мои вол-

⁹² Бискайское наречие – один из баскских диалектов.

нения и понимает мои чувства. Чем больше я предавалась иллюзии, тем больше эта забава меня развлекала.

Я уже сказала о некоем господине, который раз в год навещал замок, трепал меня за подбородок и беседовал на бискайском наречии с моей дуэньей. Однажды вельможа этот, вместо того чтобы трепать меня за подбородок, взял меня за руку и проводил в карету, в которой запер меня с моей дуэньей. Смело могу сказать, что он запер нас, ибо свет доходил только сверху.

Мы вышли из кареты лишь на третий день или, вернее, на третью ночь, ибо было уже очень темно, когда мы добрались до цели нашего путешествия. Какой-то незнакомец распахнул дверцы кареты и сказал:

– Вы находитесь на площади Белькур, у входа в улицу Сен-Рамон, а этот дом на углу принадлежит советнику де ла Жакьеру. Куда вы хотите, чтобы вас теперь отвезли?

– Прикажи въехать в первые ворота за домом советника, – ответила моя дуэнья.

Тут Тибальд весь превратился в слух, ибо он и в самом деле был соседом одного дворянина по имени де Сомбр-Рош, которого считали необычайно ревнивым. Несколько раз он хвалился перед Тибальдом, что покажет ему, как можно иметь верную жену; говорил, что воспитывает в замке своем прехорошенькую девушку, на которой женится, дабы подтвердить правоту своих слов. Но молодой Тибальд отнюдь не знал, что девушка эта находится в эту минуту в Лионе, и очень забавлялся при мысли о том, что она попала в его руки. Тем временем Орландина так продолжала свою речь:

– Итак, мы въехали в ворота, оттуда нас ввели в обширные и богатые покои, а затем по винтовой лестнице в башню, с которой, как мне казалось, днем можно видеть весь город. Но я ошибалась, даже днем нельзя было ничего увидеть, ибо окна были затянуты толстым зеленым сукном. Но зато внутренность башни была освещена золоченой хрустальной люстрой. Дуэнья посадила меня на стул и дала мне для развлечения свои четки, а сама вышла и закрыла двери на засов. Оставшись одна, я бросила четки, схватила ножницы, которые висели у меня на поясе, и разрезала тяжелую зеленую ткань, которой было завешено окно. Тогда я увидела рядом другое окно, а сквозь это окно – ярко освещенную комнату, в которой сидели за столом три юные девушки и трое молодых людей, таких красивых, что лучше и представить нельзя. Они пели, пили, смеялись и ухаживали за девушками, а иногда даже трепали их за подбородок, но с совсем иным выражением лица, чем тот вельможа в замке Сомбр-Рош, который, однако, лишь затем и приезжал в наш замок. Потом девушки эти и молодые люди начали постепенно сбрасывать одежды, подобно тому как я привыкла это делать по вечерам перед зеркалом. В самом деле, они делали это так, как я, а не так, как моя старая дуэнья.

При этих словах Тибальд понял, что дело шло об ужине, который он вчера задал своим приятелям, и он обнял стройный стан Орландины и прижал ее к своему сердцу.

– Вот, точно так поступали эти молодые люди, – продолжала Орландина. – Мне в самом деле казалось, что они замечательно любили друг друга. Наконец один из пирующих сказал, что сумеет любить лучше других. Двое остальных заявили то же самое о себе. Мнения девушек разошлись. Тогда молодой человек, который первый похвалился своим умением, высказал престранную мысль.

При этих словах Тибальд, который отлично помнил всю вчерашнюю пирушку, чуть не задохся от смеха.

– Ну а тогда, – сказал он, – прекрасная Орландина, что же за идея пришла в голову этому молодому человеку?

– Ах, не смейся, сударь; я уверяю тебя, что это был чрезвычайно приятный замысел, и любопытство мое все возрастало, когда двери внезапно распахнулись; я быстро схватила свои четки, ибо входила моя дуэнья.

Она взяла меня за руку и провела в карету, которая уже не была так темна, я могла бы отлично увидеть весь Лион, но в темноте заметила только, что мы укатили куда-то далеко. Вскоре мы выехали из городских стен и остановились перед последним домом предместья. С виду это была обыкновенная хижина, даже крытая соломой, но внутреннее убранство ее было совсем иным, как ты сам в этом убедишься, если только негритенок не забыл дорогу, ибо я вижу, что он раздобыл огня и зажег фонарь.

Этими словами Орландина завершила свою историю. Тибальд поцеловал ей руку и сказал:

– Изволь, прекрасная беглянка, поведать мне – одна ли ты обитаешь в этой хижине?

– Совершенно одна, – ответила незнакомка, – только с дуэньей и этим вот негритенком. Но не думаю, чтобы дуэнья успела нынче ночью вернуться домой. Господин, который приезжал трепать меня по подбородку, приказал мне прийти с ней к своей сестре. Так как он не мог прислать кареты, которую отправил за священником, мы пошли пешком. Кто-то задержал нас на улице, чтобы сказать мне, что я прекрасна. Глухая дуэнья рассудила, что он мне нагрубил, и вступила с ним в пререкания. Собралось множество людей и вмешалось в ссору. Я испугалась и пустилась наутек что есть силы. Негритенок побежал за мной, упал и разбил фонарь; я и сама не знала, как быть, когда, к счастью, встретила тебя.

Тибальд, придя в восторг от этого простодушного рассказа, вновь принялся любезничать, но тут негритенок принес зажженный фонарь, свет которого упал на лицо молодого Тибальда де ла Жакьера.

– Что я вижу! – воскликнула Орландина. – Ты тот самый, который вчера похвалялся своею удалью!

– Ваш покорный слуга, – ответил ей Тибальд. – Однако уверяю вас, что то, что я делал вчера, сушие пустяки по сравнению с тем, чего может ожидать от меня женщина учтивая и благородная. Ни одна из вчерашних девиц не заслуживает подобного имени.

– Как так? Ведь казалось же, что ты так любишь всех этих трех девушек! – прервала Орландина.

– О, одним доказательством больше, что я истинной любовью не любил ни одну из них, – сказал Тибальд.

Орландина щебетала, Тибальд прижимался к ней, и так, сами не ведая как, они зашли на самый край предместья и добрались до заброшенной хижины, которую негритенок отпер ключом, висящим у него на поясе. Во внутреннем убранстве хижины не было ничего от сельского убожества. Стены были увешаны фламандскими коврами, затканными чудесными узорами, образующими, казалось, живые фигуры. С потолка свисали люстры, отделанные чистым серебром. Дорогие шкафы из слоновой кости и из черного дерева, покойные кресла, крытые гемуэским бархатом, изукрашенные золотой бахромой, стояли рядом с мягкими диванами, обитыми венецианским муаром. Однако Тибальд на все это не обращал ни малейшего внимания, он видел только Орландину и ожидал развязки удивительного приключения.

Тем временем негритенок пришел накрыть на стол, и Тибальд тогда только впервые заметил, что это не ребенок, как он полагал раньше, но старый черный карла отталкивающей внешности. Впрочем, маленький человечек принес вещи, в которых не было ничего дурного: большое золоченое блюдо, на котором исходили паром четыре куропатки, отлично приготовленные, а под мышкой – бутылку сладкого вина, настоящего на корице. Едва Тибальд утолил голод и напился, как почувствовал, будто огонь разливается по его жилам. Что до Орландины,

то она ела мало, но все время поглядывала на своего сотрапезника, то бросая ему нежные и невинные взоры, то вновь всматриваясь в него с таким злорадством, что молодому человеку делалось не по себе.

В конце концов негритенок пришел убрать со стола. Тогда Орландина взяла Тибальда за руку и сказала:

– Как же, прекрасный кавалер, мы проведем этот вечер?

Тибальд не знал, что на это ответить.

– Мне взбрела в голову одна мысль, – продолжала она. – Видишь это большое зеркало? Пойдем кривляться перед ним, как я это делала когда-то в замке Сомбр-Рош. Меня забавляло тогда сравнение фигуры моей дуэньи с моей собственной; теперь я хотела бы увидеть разницу, какая есть между мной и тобой.

Орландина придвинула стул к зеркалу, после чего развязала брыжи на шее Тибальда и сказала:

– Шея у тебя почти такая же, как моя, плечи тоже – но до чего иная у тебя грудь! Год назад еще не было этой разницы, но теперь я просто не могу узнать свои перси – так они переменялись! Сбрось, прошу тебя, твой пояс и расстегни кафтан. О, что это еще за бахрома?..

Тибальд, уже не владея собой, понес Орландину на диван – в этот миг он считал себя счастливейшим из смертных... Вдруг он почувствовал, будто кто-то запускает ему когти в шею.

– Орландина! – вскричал он. – Орландина, что это значит?

Но Орландины уже больше не было. Тибальд увидел на ее месте нечто отвратительное и незнакомое ему доселе.

– Я не Орландина, – завопило чудовище, – я – Люцифер!

Тибальд хотел призвать на помощь Спасителя, но Сатана, который разгадал его замысел, зубами впился ему в горло и не позволил вымолвить это святое имя.

На следующее утро крестьяне, едущие в Лион с овощами на рынок, услышали доносящиеся из заброшенной придорожной лачуги стоны и жалобы. Они вошли и нашли молодого Тибальда лежащим на гниющей падали. Они взяли его, принесли в город, и несчастный де ла Жакьер узнал своего сына.

Его положили на постель; вскоре Тибальд, казалось, начал приходить в себя и слабым, еле внятным голосом произнес:

– Отворите двери этому святому отшельнику, отворите как можно скорее!

Сперва его не поняли, однако дверь отворили и увидели почтенного монаха, который велел, чтобы его оставили с глазу на глаз с Тибальдом. Его желание удовлетворили и двери за ним заперли.

Долго слышались еще увещания отшельника, на которые Тибальд отвечал мощным голосом:

– Поистине, отец мой, я каюсь в грехах своих и уповаю только на милосердие Божие!

Наконец, когда все стихло, двери решили отворить. Отшельник исчез, Тибальд же лежал мертвый с распятием в руках.

Едва я кончил эту историю, как вошел каббалист, который как будто хотел прочесть по моим глазам впечатление, которое я испытал. Действительно, приключения Тибальда очень удивили меня, но я не хотел этого показывать и ушел к себе. Тут я вновь начал размышлять обо всем том, что со мной случилось, и почти уверовал, что дьяволы, ради того чтобы ввести меня в обман, оживили трупы двоих висельников и что – кто знает? – может быть, я и есть второй Тибальд?

Зазвонили к обеду. Каббалист к столу не вышел. Все были, как мне казалось, в рассеянности, может быть, оттого, что я и сам не мог собраться с мыслями.

После обеда я вернулся на террасу. Цыгане со всем табором отделились уже от замка на значительное расстояние. Странные цыганки вовсе не явились; а тем временем наступила ночь, и я ушел в свою комнату. Долго ждал прихода Ревекки, но на сей раз понапрасну, и наконец уснул.

День одиннадцатый

Ревекка разбудила меня. Открыв глаза, я увидел прекрасную израильтянку, она сидела на моей постели и держала мою руку.

– Отважный Альфонс, – сказала она, – ты хотел вчера тайком пробраться к двум цыганкам, но решетка, закрывающая выход к ручью, была заперта. Приношу тебе ключ от нее. Если они и сегодня покажутся перед замком, я прошу тебя, чтобы ты пошел за ними даже в их табор. Ручаюсь, что ты осчастливишь моего брата, если сумеешь сообщить ему о них что-нибудь новое. Что до меня, – с грустью добавила она, – я вынуждена удалиться. Моя судьба, мой странный рок требуют этого от меня. Ах, Отец мой, почему Ты не создал меня подобной всем прочим смертным? Я чувствую, что более способна любить на самом деле, чем в зеркале.

– Что ты имеешь в виду под этой любовью в зеркале?

– Ничего... ничего, – прервала Ревекка, – ты об этом когда-нибудь узнаешь. Прощай, прощай, до свидания!

Еврейка удалилась в чрезвычайном волнении, я же подумал, что ей очень нелегко сохранять верность двум небесным близнецам, которым она предназначена в жены, как меня в том уверял ее брат.

Я вышел на террасу; цыгане далеко уже отошли от замка. Взял книгу из библиотеки, но не смог долго читать. Я был рассеян, и голова моя была занята чем-то другим. Наконец нас позвали к столу. Беседа, как обычно, шла о духах, привидениях и упырях. Хозяин говорил нам, что древние имели о них смутные понятия и называли их эмпузами⁹³, ларвами⁹⁴ и ламиями⁹⁵, но что древние каббалисты были столь же мудры, как и нынешние, хотя их знали только под именем философов, но ведь философами называли также многих людей, и понятия не имеющих о герметических науках. Отшельник вспомнил о Симоне-маге⁹⁶, но Узедэ считал, что именно Аполлоний Тианский⁹⁷ заслуживает славы наиболее сведущего каббалиста тех времен, так как он достиг неслыханной власти надо всем пандемониумом. Сказав это, он отправился на поиски сочинения Филострата⁹⁸, изданного в 1608 году Морелем, взглянул на греческий текст и без малейшей запинки стал переводить на чистейший испанский то, что я вам перескажу.

История лицеиста Мениппа

Жил некогда в Коринфе лицеист, которого звали Мениппом. Ему было двадцать пять лет, он был остроумен и пригож. В городе рассказывали, что в него влюбилась некая богатая и прекрасная чужеземка, с которой он случайно свел знакомство. Он встретил ее на дороге, ведущей в Кенхрею; незнакомка с приятной улыбкой приблизилась к нему и молвила:

– О Менипп, я люблю тебя уже давно; я финикиянка и живу на краю ближнего предместья Коринфа. Если ты захочешь прийти ко мне, услышишь, как я пою, и напьешься вина, какого

⁹³ *Симон-маг* – волшебник, упоминаемый в «Деяниях апостолов» (8: 9–24), обладавший, в частности, как утверждают некоторые апокрифы, способностью левитации – парения в воздухе. Имя Симона-мага окружено множеством легенд, причем некоторые из них приписывают ему попытки создания гностицизма и объединения христианской религии с тайными учениями Востока.

⁹⁴ *Эмпузы* – так в греческой мифологии назывались призрачные женщины ужасающего вида.

⁹⁵ *Ларвы* – в древнеримской мифологии не нашедшие себе покоя души умерших, блуждающие по земле.

⁹⁶ *Ламии* – в древнегреческой мифологии – эмпузы-вампиры, чаще всего являвшиеся красивым юношам.

⁹⁷ *Аполлоний Тианский* – полубогатый философ (I в.), имя которого связывается с неопифагорейской школой, упоминаемый во многих апокрифах. Ему приписываются различные чудеса, в том числе воскрешения из мертвых.

⁹⁸ *Филострат*, Флавий (170–245) – автор биографии Аполлония Тианского.

еще никогда в жизни не пробовал. Тебе не нужно опасаться никаких соперников; ты найдешь меня всегда столь же верной, сколь порядочным я тебя считаю.

Молодой человек, хотя и сдержанный от природы, не умел сопротивляться этим сладким словам, выходящим из коралловых уст, и всей душой привязался к новой возлюбленной.

Когда Аполлоний впервые узрел Мениппа, он начал смотреть на него как скульптор, жаждущий вылепить его изваяние, а затем сказал ему:

– Прекрасный юноша, ты ласкаешь змия, который коварно оплел тебя.

Мениппа удивила эта странная речь, но Аполлоний миг спустя добавил:

– Тебя любит женщина, которая не может стать твоей женой. Ты полагаешь, что она тебя воистину любит?

– Без сомнения, – возразил молодой человек, – я уверен в ее любви.

– И ты женишься на ней? – спросил Аполлоний.

– Почему бы мне не жениться на женщине, которую я так безумно люблю?

– А когда состоится обручение?

– Быть может, завтра, – ответил Менипп.

Аполлоний запомнил время пира и, когда гости собрались, вошел в комнату, говоря:

– Где же прекрасная хозяйка этого пира?

– Она здесь, недалеко, – ответил Менипп, после чего поднялся, несколько покраснев.

Аполлоний продолжал говорить:

– Это золото, серебро и прочие украшения, кому принадлежат они? Тебе или этой женщине?

– Этой женщине, – сказал Менипп. – У меня, кроме моего плаща философа, ничего нет.

Тогда Аполлоний обратился к пирующим:

– Видели ли вы когда-нибудь сады Тантала, которые существуют и не существуют?

– Мы видели их у Гомера, – ответили пирующие, – ибо сами не спускались в ад.

Тогда Аполлоний сказал им:

– Все, что вы здесь видите, подобно этим садам. Все это только обманчивая внешность, за которой нет никакой действительности. И чтобы убедить вас в истинности моих слов, я скажу вам, что эта женщина – одна из эмпуз, обычно называемых ларвами или ламиями. Эти ведьмы жаждут не столько любовных восторгов, сколько человеческого мяса, и соблазнами наслаждений манят тех, которых хотят пожрать.

– Ты мог бы сказать нам нечто более разумное, – прервала его лжефиникиянка и, покраснев от гнева, начала порочить философов и называть их безумцами.

Тогда Аполлоний произнес несколько слов, и вдруг золотая и серебряная посуда и украшения комнаты исчезли. Исчезли в одно мгновение и все слуги. Тогда эмпуза сделала вид, что плачет, и умоляла Аполлония, чтобы он перестал ее мучить, но тот, не обращая внимания на ее мольбы, все сильнее нападал на нее, так что она в конце концов призналась, что не скупилась на всяческие наслаждения для Мениппа, чтобы потом его сожрать, и что больше всего ей по вкусу молодые люди, кровь которых прибавляет ей здоровья.

– Я полагаю, – произнес отшельник, – что она хотела пожрать скорее душу, чем тело Мениппа, и что эмпуза эта была попросту дьяволом вожделения, однако я не понимаю, что это были за слова, которые придавали Аполлонию такое могущество. Ибо философ этот не был христианином и не мог применять страшного оружия, которое Церковь вложила в наши руки; кроме того, если древние и могли в известном смысле обуздывать злых духов еще до Рождества Христова, то все же крест, приказав замолкнуть всяческим прорицателям, тем паче лишил могущества идолопоклонников. Итак, я полагаю, что Аполлоний не только не был в состоянии изгнать самого малого дьявола, но даже не имел никакой власти над последним из духов, ибо

призраки эти появляются на земле по Господнему соизволению, и притом всегда прося отслужить обедни, которых, как вам известно, совершенно не знали в языческие времена.

Узда был противоположного мнения: он считал, что язычники, точно так же как и христиане, бывали искушаемы злыми духами, хотя причины искушений могли быть совершенно иными, и, чтобы доказать то, о чем говорил, взял том писем Плиния⁹⁹ и начал читать ниже следующее:

История философа Афинодора

Стоял в Афинах дом – обширный и пригодный для жилья, но пользовавшийся дурной славой и заброшенный. Не раз среди ночной тишины слышалось в нем бряцание железа, ударяющегося о железо, а если прислушаться повнимательней, то и звон цепей, который сперва, казалось, доносился издалека, а потом все приближался. Вскоре появлялось видение, похожее на исхудалого и сгорбленного старца, с длинной бородой, вставшими дыбом волосами и оковами на руках и ногах, которыми он жутким образом потрясал. Гадкое это привидение лишало жителей сна, а постоянная бессонница вызывала недуги, завершающиеся весьма печально. Среди дня, когда призрака не было, его ужасный образ по-прежнему стоял перед глазами, и даже самые смелые проникались страхом. Наконец обитатели покинули дом и целиком оставили его призраку. Впрочем, вывешена была надпись, свидетельствующая о том, что владелец хочет избавиться от бесполезного строения, в надежде, что какой-либо чужеземец, не знающий об ужасах, творящихся в доме, легко даст себя обмануть.

В это время философ Афинодор прибыл в Афины. Он увидел надпись и осведомился о цене; его поразила необычайная дешевизна, он стал допытываться о причинах, и, когда ему поведали всю историю, вместо того чтобы отступить, он лишь с большей поспешностью совершил купчую. Он въехал в дом и под вечер приказал внести свое ложе в покои, расположенные по фасаду, принести лампу и таблички для писания, слугам же повелел удалиться в заднее крыло строения. Засим, боясь, чтобы разыгравшееся воображение не занесло его слишком далеко и не представило ему вещи вовсе не существующие, приготовил свой разум, глаза и руки для писания.

В начале ночи как во всем доме, так и в той его части, где расположился философ, царило полное молчание, однако вскоре Афинодор услышал скрежет железа и бряцание оков; тем не менее он не поднял глаз, не бросил пера, успокоился и принудил себя не обращать никакого внимания на внешние события. Между тем шум все усиливался, он уже достиг дверей и наконец стал слышен в самой комнате. Философ поднял глаза и увидел призрак, именно такой, какой ему описывали. Привидение остановилось в дверях и манило его пальцем. Афинодор жестом велел ему обождать и вновь склонился над своими записями, но призрак, явно потеряв терпение, торчал над самой головой философа, потрясая оковами.

Мудрец повернулся и, увидев, что дух не перестает его призывать, встал, взял светильник и пошел за призраком. Видение двигалось медленно, как будто угнетенное бременем оков, оно вышло во двор дома и внезапно на самой середине двора провалилось сквозь землю. Оставшись один, философ отметил это место листьями и камнями и наутро отправился к городским властям, прося, чтобы они распорядились предпринять поиски. Выкопали яму и нашли скелет в оковах. Город приказал почтить эти останки достойным погребением, и на следующий день после оказания мертвецу этой последней услуги в доме навсегда воцарился покой.

Каббалист, прочитав эту историю, добавил:

⁹⁹ *Плиний Младший* (ок. 61 – ок. 113) – древнеримский государственный деятель и писатель, усыновленный племянник Плиния Старшего, ученого и писателя, погибшего в 79 г. при извержении Везувия.

– Духи, как мы здесь убеждаемся, достопочтенный отец, являлись со времен незапамятных. Доказывает это нам и случай с Аэндорской волшебницей¹⁰⁰ – и каббалисты никогда о нем не забывали. При всем том, однако, я признаю, что в мире духов произошли большие перемены. Так, например, вампиры, если смею так выразиться, принадлежат к новейшим открытиям. Я различаю среди них два рода, а именно: упыри венгерские и польские, которые попросту являются трупами, выходящими среди ночи из могил, чтобы сосать кровь людей, и испанские вампиры, или нечистые духи, которые, входя в первое попавшееся тело, придают ему произвольный облик...

Каббалист явно хотел перевести разговор на предметы, касающиеся меня, и посему я поднялся, быть может даже слишком поспешно, и вышел на террасу. Не прошло и получаса, как я увидел моих двух цыганок, которые, казалось, шли по дороге к замку и с этого расстояния как две капли воды были схожи с Эминой и Зибельдой. Я решил тотчас же воспользоваться ключом, сходил в свою комнату за шляпой и шпагой и минуту спустя был уже у решетки. Отворив ее, я понял, что должен еще перебраться на другую сторону ручья. К счастью, вдоль стены я обнаружил как бы нарочно вделанные крючья, воспользовавшись коими и добрался до каменистого русла; прыгая с одного камня на другой, я очутился на другой стороне и сразу же узрел перед собой двух цыганок, которые, впрочем, вовсе не были моими кузинами. Хотя все их жесты были иными, однако манера их обращения весьма отличалась от поведения грубоватых и невоспитанных женщин этого племени. Мне почему-то подумалось, что они лишь на какое-то время и ради тайных целей взяли на себя эти роли. Они сразу же захотели погадать мне; одна из них поднесла к глазам мою руку, в то время как другая, делая вид, что читает по ней все мое будущее, говорила на свойственном ей жаргоне:

– Ah, Caballero, che vejo en vuestra bast! Dirvanos kamela, ma por quen? Por demonios! – что означает: «Ах, благородный господин, что я вижу на твоей ладони! Страстную любовь, но к кому? К дьяволам!»

Легко можно догадаться, что я никогда бы не понял, что *dirvanos kamela* означает на цыганском языке страстную любовь, но девушки перевели мне эти слова. Затем, взяв под руки, они проводили меня в свой табор, где представили бодрому старику, которого они называли отцом. Старик, злорадно взглянув на меня, сказал:

– Знаешь ли ты, сеньор кавалер, что находишься в банде, о которой ходят в окрестностях весьма невыгодные слухи? Не боишься ли ты нашего общества?

При слове «боишься» я оперся на эфес моей шпаги; но старик учтиво подал мне руку и прибавил:

– Прости, сеньор кавалер, я не имел намерения тебя оскорбить; напротив, я хотел просить тебя, чтобы ты провел с нами несколько дней. Если путешествие в горы может тебя развлечь, мы обещаем показать тебе красивейшие и страшнейшие места: долины, чарующие прелестью, бок о бок с пропастями, вселяющими ужас, – ну а если ты любитель поохотиться, то будешь иметь возможность удовлетворить свою страсть.

Я принял его предложение с тем большей поспешностью, что разглагольствования каббалиста начали уже наводить на меня скуку, так же как и уединенность его замка с каждым днем становилась для меня все несносней.

Затем старый цыган провел меня в свой шатер, говоря:

– Сеньор кавалер, шатер этот будет твоим жилищем все то время, которое ты пожелаешь провести под его сенью. Кроме того, я прикажу поставить рядом маленький шатер, в котором будешь спать сам, чтобы тем надежнее оберегать твою безопасность.

¹⁰⁰ Аэндорская волшебница – упоминается в Библии (1 Цар, 28), где говорится о ее пророческом даре и беседе ее с царем Саулом, для которого она вызвала призрак Самуила.

Я отвечал ему на это, что, имея честь быть капитаном валлонской гвардии, я ни у кого не должен искать покровительства, кроме как у собственной шпаги. В ответ на мои слова старик усмехнулся и сказал:

– Сеньор кавалер, мушкеты наших разбойников так же способны убить капитана валлонской гвардии, как и всякого иного человека; однако, если эти господа однажды получают предостережение, ты сможешь даже спокойно отлучаться. А до тех пор неразумно было бы подвергать себя излишней опасности.

Старик был прав, и я устыдился своего ненужного геройства.

Мы провели вечер, обходя табор и беседуя с двумя цыганками, которые показались мне удивительнейшими и в то же время счастливейшими в мире созданиями. Затем был накрыт ужин под раскидистым рожковым деревом, тут же, рядом с шатром вожака. Мы растянулись на оленьих шкурах; перед нами вместо скатерти расстелили буйволону шкуру, выделанную как лучший сафьян. Блюда, в особенности дичь, были превосходны. Дочери вожака наливали нам вино, впрочем, я предпочитал утолять жажду водой, которая в двух шагах от нас вырывалась из скалы прозрачной струей. Вожак учтиво поддерживал разговор; он, по-видимому, знал о прежних моих приключениях и предсказывал мне новые. Наконец пришло время отправляться на покой. Мне постлали в шатре вожака и поставили стражу у входа.

Ровно в полночь меня разбудил какой-то шорох. Я слышал, как с обеих сторон поднимали мое одеяло и прижимались ко мне. «Боже правый, – сказал я себе, – неужели я вновь проснусь между двумя висельниками?» Однако я не задержался на этой мысли; по-видимому, законы цыганского гостеприимства предписывали оказывать мне честь именно таким образом, и я решил, что военному человеку моих лет следует применяться к принятым здесь обычаям. В конце концов я заснул в глубочайшей уверенности, что на сей раз имел дело не с висельниками.

День двенадцатый

И в самом деле, проснулся я не под виселицей Лос-Эрманоса, а в собственной постели, от шума, который производили цыгане, готовясь к новому кочевью.

– Вставай, сеньор кавалер, – сказал мне вожак, – нам предстоит далекий путь. Но ты получишь мула, равного которому не найти во всей Испании, и ручаюсь, что ты не ощутишь усталости.

Я поспешно оделся и оседлал мула. Мы двинулись вперед вместе с четырьмя цыганами, вооруженными до зубов. Остальной табор в отдалении следовал за нами, возглавляемый двумя молодыми девушками, с которыми, насколько я догадывался, я провел минувшую ночь. Следуя по извивам горной тропы, я оказывался то выше, то ниже на несколько сотен футов по сравнению с ним. Тогда я приостанавливался, и мне снова начинало казаться, что я вижу моих кузин. А старого вожака забавляло мое смущение.

После четырех часов ускоренного марша мы прибыли на вершину высокой горы, где нашли множество больших тюков. Вожак сразу же сосчитал их и записал. Потом сказал мне:

– Вот, сеньор кавалер, перед тобой английские и бразильские товары, достаточные для четырех королевств: Андалузии, Гранады, Валенсии и Каталонии. Правда, король терпит известный ущерб от нашей торговлишки, но, с другой стороны, у него есть иные статьи дохода, а известное количество контрабанды забавляет и утешает в горестях бедный испанский народ. Впрочем, в Испании решительно все этим занимаются. Некоторые из этих тюков будут сложены в солдатских казармах, другие – в кельях монахов и даже в могильных склепах. Тюки, помеченные красным, попадут в руки таможенников, которые похвалятся ими перед властями. Этот скромный дар еще больше настроит их в нашу пользу.

Говоря это, вожак цыган велел спрятать тюки в разных нишах в скалах, после чего приказал, чтобы накрыли обед в пещере, вид из которой простирался дальше, чем хватало глаз; казалось, что горизонт сливается с небесной лазурью. Красоты природы с каждым днем производили на меня все более сильное впечатление. Вид этот привел меня в неописуемый восторг, я забылся; из этого состояния вывели меня две дочери вожака, которые принесли обед. Вблизи, как я уже сказал, они несколько не были похожи на моих кузин; взгляды их, бросаемые украдкой, давали мне понять, что они довольны и удовлетворены, но некое тайное чувство подсказывало мне, что не они были участницами ночного приключения. Между тем девушки принесли горячую олюю-подриду, которую люди, высланные вперед, варили с утра. Старый вожак и я вполне воздали ей должное, с той только разницей, что он прерывал еду, частенько прикладываясь к пузатому бурдюку с вином, я же ограничивался свежей водой из соседнего источника.

Когда мы утолили голод, я сказал вожаку, что мне интересно было бы поближе познакомиться с ним; он долго отнекивался, я же все упорнее приставал к нему, так что наконец он согласился рассказать мне свою историю и начал такими словами:

История Пандесовны, вожака цыган

Все испанские цыгане знают меня под именем Пандесовны. На их жаргоне это дословный перевод моей родовой фамилии Авадоро, ибо знай, сеньор, что я рожден отнюдь не среди цыган. Отца моего звали дон Фелипе де Авадоро, и слыл он самым серьезным и самым методичным человеком среди своих современников. Он даже был до такой степени систематичен, что, если бы я рассказал историю одного его дня, ты бы понял весь образ его жизни и, во всяком случае, того периода, который протек между двумя его женитьбами: первой, которой я обязан

своим появлением на свет, и второй, которая вызвала его кончину, ибо нарушила привычное течение его жизни.

Отец мой, живя еще в доме своего деда, влюбился в дальнюю свою родственницу, на которой женился, как только смог распорядиться собой по своему усмотрению.

Бедная женщина умерла, давая мне жизнь; отец же, безутешный после этой утраты, заперся у себя на несколько месяцев, не желая видеть даже никого из родных.

Время, которое излечивает все страдания, смягчило также и его печаль, и наконец увидели, как он распахнул двери своего балкона, выходявшего на улицу Толедо. В течение четверти часа он дышал свежим воздухом, а потом пошел отворить другое окно, которое выходило в переулок. Он заметил в доме напротив несколько своих знакомых и довольно приветливо поздоровался с ними. В последующие дни он регулярно повторял то же самое, пока наконец весть об этой перемене не дошла до ушей фра Херонимо Сантеса, монаха-театинца, дяди моей матери.

Монах этот заглянул к моему отцу, поздравил его с выздоровлением, не слишком много толковал об утешениях, какие нам дает религия, но усиленно уговаривал его, чтобы он больше развлекался. Он даже зашел настолько далеко, что посоветовал отцу сходить в комедию. Отец мой, безгранично доверявший фра Херонимо, в тот же самый вечер отправился в Театр де ла Крус. Там как раз играли новую пьесу, которую поддерживала вся партия Поллакос, в то время как другие, так называемые Сорисес, изо всех сил старались ее освистать. Соперничество этих двух партий настолько увлекло моего отца, что с тех пор он по своей воле не пропустил ни одного спектакля. Вскоре он присоединился к партии Поллакос и только тогда ходил в Театр Принца, когда де ла Крус бывал закрыт.

По окончании спектакля он обычно становился в конце двойной шпалеры, которую образуют мужчины, чтобы вынудить женщин проходить одна за другой. Он делал это, однако, вовсе не для того, чтобы, как иные, разглядывать их, напротив, все они мало его интересовали, и, как только последняя из них проходила, он спешил в трактир «Под Мальтийским крестом», где, перед тем как отправиться на покой, съедал легкий ужин.

Поутру первым занятием моего отца было распахнуть балконную дверь, выходящую на улицу Толедо. Тут в течение четверти часа он дышал свежим воздухом, затем шел отворять другое окно, которое выходило в переулок. Если он замечал кого-нибудь в окне напротив, то учтиво здоровался с ним, говоря «agur», после чего закрывал окно. Слово ¹⁰¹agur нередко бывало единственным, которое он произносил за весь день, ибо хотя он необычайно переживал успех всех комедий, сыгранных в Театре де ла Крус, однако свой интерес он всегда выражал только рукоплесканиями.

Если же в окне напротив никто не показывался, он терпеливо ожидал минуты, когда сможет с кем-нибудь поздороваться. Затем отец посещал мессу у театинцев. Возвратясь домой, он находил комнату, старательно убранную служанкой, и с необыкновенной дотошностью представлял вещи на места, на которых они обычно стояли. Он делал это всегда с превеликим вниманием и мгновенно обнаруживал мельчайшую соломинку или пылинку, ускользнувшую от служанкиной метлы.

Наведя порядок в своей комнате, он брал циркуль и ножницы и нарезал двадцать четыре кусочка бумаги равной величины, набивал их бразильским табаком и скручивал двадцать четыре сигарки, которые были настолько гладко и аккуратно сложены, что их смело можно было счесть самыми совершенными сигарками во всей Испании. Затем он выкуривал полдюжины этих шедевров, считая черепицы дворца герцога Альбы, и еще полдюжины – считая людей, проходящих через Толедские ворота. Совершив это, он начинал смотреть на двери своей комнаты, пока ему не приносили обед.

¹⁰¹ Здравствуйте (*исп.*).

После обеда он выкуривал дюжину оставшихся сигарок, а потом начинал смотреть на часы и смотрел до тех пор, пока не наступало время отправляться в театр. Если же в этот день не было спектакля, он шел к книгопродавцу Морено, где прислушивался к спорам нескольких литераторов, которые имели обыкновение собираться по известным дням, никогда, впрочем, не вмешиваясь в их беседу. Если ему нездоровилось и он не выходил из дому, он посылал к книгопродавцу Морено за пьесой, которую в этот день играли в Театре де ла Крус, и, когда наступал час спектакля, принимался за чтение, не упуская случая аплодировать сценам, которые особенно нравились партии Поллакос.

Этот образ жизни был чрезвычайно невинным, но отец мой, стараясь исполнить все, что предписывает долг и религия, отправился к монахам-театинцам с просьбой, чтобы ему назначили исповедника. Ему прислали фра Херонимо Сантеса, который воспользовался этим случаем, чтобы напомнить ему о том, что я существую и обретаюсь в доме доньи Фелисии Даланосы, сестры моей покойницы-матери. Отец, то ли из опасения, чтобы я ему не напомнил возлюбленной особы, невольной причиной смерти которой был он сам, то ли потому, что не хотел, чтобы мои младенческие визги возмутили неизменное спокойствие его привычек, упрямил фра Херонимо, чтобы он никогда не приводил меня к нему. Однако в то же самое время он позаботился обо мне, назначил мне доход от фермы, которой он владел в окрестностях Мадрида, и отдал меня под опеку эконома театинцев.

Увы! Я полагаю, что отец мой отдалял меня от себя, предчувствуя необычайную разницу наших характеров, разницу природную и изначальную. Ты уже заметил, сеньор, до чего он был систематичен и уравновешен во всех своих мельчайших привычках. И вот я смело могу ручаться тебе, что не было на земле человека более непостоянного, чем я. Я не мог проявить постоянство даже в своем непостоянстве, ибо мысль о мирном счастье и жизни в одиночестве постоянно терзала меня на протяжении всех моих кочевых дней, однако стремление к переменам не позволяло мне даже и подумать о том, чтобы осесть где-нибудь. Беспокойство это терзало меня до такой степени, что однажды, поняв наконец себя, я решил навсегда положить предел своим колебаниям, найдя убежище в этом цыганском таборе. Правда, этот образ жизни тоже довольно однообразен, но зато я все-таки не должен глядеть всегда на одни и те же деревья, одни и те же утесы или, что было бы еще несносней, – на одни и те же улицы, стены и крыши.

Тут я сказал старику:

– Сеньор Авадоро, или Пандесовна, я полагаю, что в этой скитальческой жизни ты должен был испытать множество необычайных приключений?

– В самом деле, – ответил цыган, – с тех пор как я стал жить в этих дебрях, я видел множество необычайных вещей. Что же касается до остальной моей жизни, то в ней было мало занимательных случаев. Изумляет только пыл, с каким я хватался за все новые занятия, и отвращение, с каким я их вскоре бросал.

Ответив мне так, цыган следующим образом продолжал свою речь:

– Я уже сказал тебе, что тетка моя, донья Даланоса, держала меня у себя. Своих детей у нее не было, и она умела сочетать в своих чувствах ко мне потворство тетушки со снисходительностью матери; короче говоря, я был избалованным ребенком в полном смысле этого слова. К тому же с каждым днем я портился все больше; по мере того как я креп душой и телом, я набирался сил для злоупотребления ее неисчерпаемой добротой. С другой стороны, не встречая ни малейшего препятствия в своих желаниях, я не противился воле других, что создало мне репутацию необычайно послушного дитяти. Сверх того, приказания моей тетки сопровождалась всегда столь кроткой и нежной улыбкой, что у меня не хватало духу сопротивляться ей. Наконец достойная донья Даланоса, видя мои успехи, убедила себя, что природа,

не без ее, теткой, помощи, создала во мне один из своих редчайших шедевров. Для ее полного счастья недоставало только, чтобы мой отец мог быть свидетелем моих неслыханных успехов; тогда он мгновенно удостоверился бы, до чего я совершенен. Намерение это, однако, нелегко было осуществить, ибо отец мой по-прежнему упорствовал в своем решении не видеть меня никогда.

Есть ли на свете такое упрямство, какого женщина не смогла бы преодолеть? Донья Даланоса с такой настойчивостью и энергией принялась за своего дядюшку Херонимо, что тот наконец обещал воспользоваться первой же исповедью моего отца и хорошенько отчитать его за жестокое равнодушие, с которым он относится к ребенку, не сделавшему ему в жизни ничего худого. Фра Херонимо сдержал свое обещание, однако мой отец не мог без ужаса подумать о мгновении, когда он впервые впустит меня в свою комнату. Фра Херонимо предложил устроить встречу в саду Буэн-Ретиро, но прогулка эта ни в коей мере не укладывалась в систематический и монотонный образ жизни, от которого мой отец никогда не отступал ни на шаг. Он предпочел, уж если на то пошло, принять меня у себя, и фра Херонимо сообщил эту радостную весть моей тетушке, которая чуть не умерла от счастья.

Я должен тебе признаться, что десять лет меланхолии прибавили к отшельническому образу жизни моего отца множество чудачеств. Среди прочих причуд он приобрел страннейшую страсть к собственноручному изготовлению чернил; первой же причиной этого удивительного пристрастия была следующая: однажды, когда он находился в обществе нескольких литераторов и правоведов у книгопродавца Морено, разговор зашел о том, как трудно достать хорошие чернила; каждый признал, что ему нечем писать и что он тщетно силится сам заняться изготовлением столь необходимого материала. Морено сказал, что у него в лавке есть сборник всевозможных рецептов, среди коих, верно, найдутся и рецепты изготовления чернил. Он пошел за этой книгой, однако не смог отыскать ее сразу, а когда вернулся, разговор перешел уже на какой-то другой предмет; все разбирались в причинах успеха новой пьесы, и никто уже не хотел слушать ни о чернилах, ни о рецептах, по которым они приготавливаются. Однако отец мой поступил совершенно иначе. Он взял книгу, сразу же нашел способ приготовления чернил и чрезвычайно удивился, видя, что с легкостью понял предмет, который знаменитейшие ученые Испании считали неслыханно трудным. И впрямь, секрет заключался только в правильном смешении настойки чернильного орешка с разбавленной серной кислотой и в добавлении соответствующего количества резины. Автор, однако, доказывал, что получить хорошие чернила можно лишь тогда, когда приготавливается сразу большое количество жидкости при условии бдительного перемешивания ее, ибо иначе резина, не имея никакого сродства с металлическими веществами, будет усиленно стремиться отделиться от них, и что к тому же сама резина склонна к гнилостному распаду, которого можно избежать, только добавляя к смеси немного алкоголя.

Отец купил книгу и на следующий день позаботился приобрести необходимые ингредиенты, аптекарские весы и самую большую бутылку, какую только можно было найти в Мадриде, в соответствии с рекомендациями автора. Чернила удалась на славу; отец принес бутылку литераторам, собравшимся у Морено, литераторы признали чернила превосходными и попросили еще.

Ведя существование тихое и уединенное, отец мой не имел никогда случая оказать кому-либо какую-либо услугу и снискать за это надлежащие похвалы. Следовательно, он нашел новую приятность в том, что люди оказывались ему обязаны и он мог принимать благодарности, поэтому он особенно привязался к занятию, доставляющему ему столько приятных минут. Видя, что мадридские литераторы в мгновение ока извели самую большую бутылку, какую он только мог отыскать во всем городе, он приказал доставить из Барселоны громадную бутылицу вроде тех, в которых матросы на Средиземном море держат вино на кораблях. Таким образом

он смог сразу приготовить двадцать бутылок чернил, которые лучшие умы столь же быстро исписали, осыпая моего отца похвалами и благодарностями.

Однако чем больше были стеклянные сосуды, тем больше неудобств и затруднений они вызывали. Нельзя было одновременно греть и перемешивать жидкость; что уж говорить о неудобствах, когда дело доходило до переливания из одной посуды в другую. Тогда мой отец решил выписать из Тобосо большой глиняный котел, употребляющийся для приготовления селитры. Когда вожденный котел прибыл, он приказал поместить его на печи, в которой поддерживал неугасимый огонь. Кран, приделанный снизу, служил для выпуска жидкости, а ступив на край печи, можно было весьма удобно помешивать приготавливаемые чернила маленьким деревянным весельцем. Котлы эти обыкновенно в рост человека, поэтому ты можешь сообразить, какое количество чернил отец мой готовил за один раз. Кроме того, он имел привычку, по мере убывания жидкости, добавлять ингредиенты. Истинным наслаждением было для него, когда к нему заходил слуга или домочадец какого-нибудь прославленного сочинителя с просьбой о бутылке чернил, а когда этот литератор издавал какое-либо творение, производящее шум среди пишущей братии, и о творении этом заходила речь у Морено, отец мой радостно улыбался при мысли, что он также причастен к этим триумфам. Наконец, чтобы тебе уже во всем признаться, скажу, что во всем городе моего отца называли не иначе как *дон Фелипе дель Тинтеро Ларго*, или *дон Филипп из огромной чернильницы*, а настоящую его фамилию Авадоро помнили лишь немногие.

Я знал обо всем этом; мне часто говорили о чудачествах моего отца, об устройстве его дома, об исполинском котле с чернилами, и я жаждал своими глазами увидеть все эти чудеса. Что же касается моей тетушки, то она не сомневалась, что, как только отец мой увидит меня хоть один раз, он сразу откажется от всех своих чудачеств, чтобы только восторгаться мною с утра до вечера. Наконец день нашего свидания был назначен. Мой отец исповедовался у фра Херонимо в последнее воскресенье каждого месяца. Монах должен был утвердить его в решимости увидеть меня, затем известить, что я нахожусь у него, вместе с ним выйти из церкви и дойти домой. Фра Херонимо, сообщая нам об этом своем намерении, предостерег меня, чтобы я ни к чему не прикасался в комнате моего отца. Я согласился на все, тетушка же обещала бдительно стеречь меня.

Наконец наступило долгожданное воскресенье. Тетушка нарядила меня в розовый праздничный кафтан с серебряной бахромой и пуговками из бразильских топазов. Она уверяла меня, что я выгляжу как вылитый амур и что мой отец, увидев меня, сойдет с ума от радости. Полные надежд и радостных предчувствий, мы весело пошли по улице Урсулинок и потом направились на Прадо, где многие женщины останавливали меня, чтобы приласкать. Наконец мы добрались до улицы Толедо и вошли в дом моего отца. Нас впустили в его комнату. Тетушка, побаиваясь моей живости, усадила меня в кресло, сама же уселась напротив и ухватила меня за бахрому моего шарфа, чтобы я не мог вставать и притрагиваться к чему бы то ни было.

Поначалу я вознаграждал себя за это принуждение, обводя глазами все углы комнаты, дивясь ее чистоте и порядку. Угол, предназначенный для приготовления чернил, был столь же чист и обставлен с той же аккуратностью и симметрией, как и вся остальная комната. Громоздкий котел из Тобосо выглядел чрезвычайно изящно, а рядом с ним стоял стеклянный шкаф, где хранились необходимые орудия и ингредиенты.

Вид этого шкафа, узкого и длинного, расположенного совсем рядом с топкой, над коей возвышался котел, поддал мне внезапную и неудержимую мысль – вскочить на него, ибо я полагал, что ничего не будет забавнее, чем если мой отец начнет меня напрасно искать по всей комнате, в то время как я преспокойно буду сидеть над самой его головой. В мгновение ока я вырвал шарф из рук моей тетушки, вскочил на печь, а оттуда – на шкаф.

Сначала тетка восторгалась моей ловкостью, но минуту спустя начала заклинять меня, чтобы я сошел со шкафа. Тут нам сообщили, что отец поднимается по лестнице. Тетка упала передо мной на колени, умоляя, чтобы я соскочил на пол. Я не мог сопротивляться столь жалобным просьбам, но, сходя, почувствовал, что ставлю ногу на край котла. Я хотел задержаться, но заметил, что увлекаю за собой шкаф. Я отпустил руки и упал в самую середину котла с чернилами и непременно утонул бы, если бы тетка, схватив весельце для перемешивания чернил, не разбила бы котел на мелкие кусочки. В этот самый миг вошел отец и увидел чернильную реку, заливающую его комнату, а посреди нее – черную воющую фигуру, которая наполняла дом душераздирающим визгом. В отчаянии он выбежал на лестницу; сбегая вниз, вывихнул ноги и потерял сознание.

Что до меня, то я вскоре перестал верещать, ибо чернила, которых я наглотался, лишили меня чувств. Я пришел в себя только после долгой болезни, и прошло много времени, прежде чем здоровье мое вполне восстановилось. Улучшению моего состояния более всего содействовала новость, сообщенная мне моей тетушкой; новость эта повергла меня в такую радость, что вновь опасались, как бы я не рехнулся. Мы должны были вскоре выехать из Мадрида и переселиться на постоянное жительство в Бургос. Однако несказанная радость, которую я испытывал при мысли об этом путешествии, омрачилась, когда тетка спросила меня, хочу ли я сидеть с ней в ее экипаже или же совершать путешествие отдельно, в собственной лектике.

– Ни то ни другое, – ответил я в величайшем восторге. – Я не старуха и хочу путешествовать не иначе как верхом на гордом коне или хотя бы на муле, с добрым сеговийским ружьем у седла, с парой пистолетов за поясом и с длинной шпагой. Только при этом единственном условии я поеду, и ты, тетя, должна для собственной же пользы раздобыть мне всю эту экипировку, ибо отныне защищать тебя – мой святой долг.

Я наболтал еще кучу подобных нелепостей, которые, впрочем, казались мне мудрейшими в мире, но которые на самом деле забавляли, ибо исходили из уст одиннадцатилетнего мальчугана.

Приготовления к отъезду дали мне случай развить необычайно оживленную деятельность. Я входил, выходил, бегал, приказывал, во все совал свой нос, – словом, у меня было множество дел, ибо тетка моя, навсегда переезжая в Бургос, забирала с собой все свое движимое имущество. Наконец наступил счастливый день отъезда. Мы выслали весь свой багаж по дороге через Аранду, сами же пустились в путь через Вальядолид.

Тетушка, которая сначала хотела путешествовать в экипаже, видя, что я решил непременно ехать на муле, взяла с меня пример. Ей соорудили вместо седла маленькое кресло с удобным сиденьем и затенили его зонтиком. Вооруженный погонщик шел перед ней, для того чтобы развеять самую тень опасности. Остальной наш караван, состоящий из дюжины мулов, выглядел весьма блистательно: я же, считая себя предводителем этого элегантного каравана, порою открывал, порою замыкал кавалькаду, всегда с оружием в руках, в особенности же когда дорога петляла или в иных местах, казавшихся мне опасными.

Нетрудно догадаться, что мне нигде не подвернулась возможность проявить свою отвагу и что мы благополучно прибыли в Алабахос, где встретили два каравана, столь же многочисленные, как и наш. Животные стали у яслей, путешественники же поместились в противоположном углу конюшни – в кухне, которую отделяли от мулов две каменные лестницы. Почти все постоялые дворы в Испании были тогда устроены подобным же образом. Весь дом состоял из одного длинного помещения, лучшую половину которого занимали мулы, а более скромную часть – путники. Несмотря на это, веселье было всеобщим. Погонщик мулов, орудуя скребницей, заодно увивался за трактирщицей, которая отвечала ему с живостью, свойственной ее полу и роду занятий, пока трактирщик мрачным видом своим не спугивал их.

Слуги наполняли дом шелканьем кастаньет и плясали под сиплую песню козопаса. Путники знакомились друг с другом и приглашали друг друга на ужин, потом все придвигались к

очагу, каждый рассказывал, кто он, откуда прибыл, а порой вдобавок – и всю историю своей жизни. Славные это были времена! Теперь постоянные дворы куда удобнее, но шумная и общительная жизнь, которую вели в дороге тогда, обладала прелестью, какую я не в силах тебе описать. Скажу только, что в тот день я был настолько счастлив, что решил всю жизнь свою странствовать и, как видишь, до сих пор самым искренним образом исполняю свое решение.

Тем временем одно обстоятельство еще более утвердило меня в этом намерении. После ужина, когда все путешественники собрались у очага и каждый из них рассказывал что-нибудь о краях, в которых побывал, один из них, который до этого ни разу рта не раскрыл, произнес:

– Все приключения, о которых вы рассказывали, заслуживают внимания, и их стоит запомнить; что до меня, я был бы рад, если бы со мной никогда не приключалось ничего худшего, однако же, побывав в Калабрии, я испытал приключение настолько поразительное, необыкновенное и в то же время ужасное, что оно и доселе не изгладилось из моей памяти. Воспоминание это так терзает меня, отравляет мне все мои удовольствия, что я и в самом деле часто удивляюсь, почему печаль эта не лишила меня разума.

Такое начало очень заинтересовало слушателей. Рассказчика начали просить, чтобы он облегчил свое сердце, описав столь необычайные события. Путешественник долго колебался, не зная, как ему быть, и наконец начал так:

История Джулио Ромати

Зовут меня Джулио Ромати. Отец мой, Пьетро Ромати, – один из прославленных юристов Палермо и даже всей Сицилии. Как вы можете догадаться, он сильно привязан к своей профессии, которая обеспечивает ему приличное существование, но еще сильнее его привязанность к философии, которой он посвящает все время, свободное от изысканий в области права.

Не хвастаясь, могу признаться, что смело шел по его стопам в обеих этих областях, ведь на двадцать втором году жизни я был уже доктором права. Посвятив себя затем математике и астрономии, я вскоре знал достаточно, чтобы комментировать Коперника и Галилея. Говорю вам это не для того, чтобы похвастать своей ученостью, но потому только, что, собираясь рассказать вам одно удивительное приключение, хочу, чтобы меня не сочли человеком легковверным или подверженным предрассудкам. Я настолько далек от подобных заблуждений, что единственная наука, к которой я проявлял полнейшее равнодушие, была теология. Что же касается остальных, то я углубился в них всей душой, отдохновения же искал только в постоянной смене предмета своих занятий. Непосильный постоянный труд пагубно повлиял на мое здоровье, и отец мой, перебрав и обдумав всяческие способы развлечь и отвлечь меня, в конце концов предложил мне странствовать и приказал, чтобы я объехал всю Европу и только спустя четыре года вернулся в Сицилию.

Сперва мне трудно было оторваться от моих книг, кабинета и обсерватории; но отец хотел этого, и я вынужден был повиноваться. Впрочем, едва началось путешествие, я тут же ощутил несказанно приятную перемену. У меня появился аппетит, ко мне вернулись силы, – одним словом, я вполне выздоровел. Сначала я путешествовал в лектике, но на третий день странствия нанял мула и весело пустился в дальнейший путь.

Иным людям знаком весь белый свет, за исключением собственного своего отечества, я не хотел давать пищу подобным упрекам и посему начал путешествие с осмотра чудес, которые природа так щедро разбросала по нашему острову. Вместо того чтобы отправиться прямо берегом из Палермо в Мессину, я выбрал путь через Кастронуово, Кальтанисету и прибыл в селение, названия которого уже не помню, расположенное у подножья Этны. Там я готовился к восхождению на гору и решил посвятить месяц этому предприятию. И в самом деле, я все время занимался преимущественно проверкой некоторых опытов с барометром, доселе выпол-

нявшихся не слишком точно. Ночью я всматривался в небеса и, к несказанному своему восторгу, открыл две звезды, которые нельзя было увидеть из обсерватории в Палермо, так как они находились значительно ниже ее кругозора.

С истинным сожалением я покинул этот город, где мне казалось, что существо мое как бы витает в высшей гармонии небесных тел, относительно орбит которых я столько размышлял. Наконец, невозможно отрицать, что разреженный горный воздух странным образом воздействует на наш организм, пульс ускоряется и значительно учащаются дыхательные движения. В конце концов я сошел с горы и направился в сторону Катании.

В городке этом обитают дворяне столь же родовитые, но более просвещенные, чем господа из Палермо. Правда, точные науки находят мало поклонников в Катании, как и вообще на всем нашем острове, зато обитатели Катании ревностно занимаются искусствами, древностями и древней и новой историей всех племен, какие когда-либо населяли Сицилию. Поэтому раскопки и множество ценных памятников, обнаруженных в недрах земли, были прежде всего предметом всеобщих бесед.

Именно тогда была выкопана чрезвычайно красивая мраморная плита, покрытая совершенно неведомыми письменами. Внимательно осмотрев ее, я узнал, что надпись была сделана на пуническом языке, и с помощью древнееврейского, который я знаю весьма хорошо, мне удалось разрешить загадку таким образом, что мое решение удовлетворило всех знатоков. Этот мой подвиг обеспечил мне ласковый прием, и первые лица в городе стремились меня задержать, уверяя, что я извлеку значительные денежные выгоды. Однако, покинув Палермо ради совершенно иных целей, я отверг все предложения и отправился далее – в Мессину. Неделю я прожил в этом городе, знаменитом своей торговлей, после чего переплыл пролив и высадился в Реджо.

До сих пор путешествие мое было только развлечением; в Реджо, однако, предприятие показалось мне более затруднительным. Разбойник по имени Зото опустошал Калабрию, в то время как триполитанские корсары хозяйничали на море. Я совершенно не знал, каким образом попасть в Неаполь, и, если бы ложный стыд не удерживал меня, я непременно вернулся бы в Палермо.

Прошло восемь дней с тех пор, как эта нерешительность задержала меня в Реджо, когда однажды вечером, гуляя по гавани, я присел на прибрежный камень в самом малолюдном месте. Там ко мне приблизился какой-то человек благородной наружности, завернувшийся в пурпурный плащ. Никак не поздоровавшись со мной, он сел и начал с таких слов:

– Не правда ли, синьор Ромати снова занимается разрешением какой-нибудь алгебраической или астрономической проблемы?

– Ничего подобного, – ответил я ему, – синьор Ромати хотел бы попасть из Реджо в Неаполь и в эту минуту ломает себе голову над следующей проблемой: каким образом избежать встречи с шайкой синьора Зото.

Тогда незнакомец, приняв весьма важную позу, сказал мне:

– Синьор Ромати, дарования твои делают честь твоему отечеству; честь эта, без сомнения, еще возрастет, если ты новыми странствиями расширишь сферу своих познаний. Зото – человек слишком светский, чтобы препятствовать тебе в столь благородном предприятии. Возьми эти алые перышки, заткни одно за ленту шляпы, а остальные раздай своим людям и смело пускайся в дорогу. Что касается меня, то я и есть тот самый Зото, которого ты так страшись, и чтобы ты не усомнился в том, что я тебе говорю, смотри, вот орудия моего ремесла.

Говоря это, он распахнул плащ и показал мне пояс с пистолетами и кинжалами. После чего по-дружески пожал мне руку и исчез.

Тут я прервал вожака цыган и сказал, что много слышал об этом разбойнике и что даже знаком с его сыновьями.

– Я тоже их знаю, – возразил Пандесовна, – тем более что они, так же как и я, служат великому шейху Гомелесов.

– Как это? Ты тоже у него на службе?! – вскричал я в величайшем изумлении.

В этот миг один из цыган шепнул несколько слов на ухо жожаку, который тотчас же поднялся и оставил мне время поразмыслить над тем, что я узнал из последних его слов. «Что же это за могущественное сообщество, – говорил я сам себе, – которое как будто не имеет никакой иной цели, кроме соблюдения какой-то тайны или прельщения моего взора удивительными иллюзиями, часть коих я порой отгадываю, в то время как новые, непредвиденные обстоятельства опять ввергают меня в бездну сомнения. Впрочем, нет сомнений в том, что я сам – одно из звеньев той незримой цепи, которая все теснее связывает меня».

Дочери жожака, которые как раз пришли и попросили, чтобы я отправился с ними на прогулку, прервали мои размышления. Я поднялся и пошел за ними. Беседа шла на чистейшем испанском языке, без всякой примеси херигонзы или цыганского жаргона. Я изумлялся их образованности, благовоспитанности и веселой откровенности. После прогулки был подан ужин, а затем все разошлись на покой; но ночью ни одна из моих кузин не показалась.

День тринадцатый

Цыганский вожак приказал принести мне обильный завтрак и сказал:

– Сеньор кавалер, приближаются наши недруги или, вернее, таможенная стража. Разумнее будет уступить им поле брани. Они найдут здесь тюки, приготовленные для них, ибо остальные уже в безопасном месте. Подкрепись, а потом отправимся в дальнейший путь.

Так как на другой стороне долины можно было уже видеть таможенников, я подкрепился наспех, а тем временем весь табор двинулся вперед. Мы пробирались с горы на гору, углубляясь все дальше в дебри Сьерра-Морены.

Наконец мы задержались в глубоком ущелье, где нас уже ожидали и приготовили для нас обед. Утолив голод, я попросил вожака продолжать историю своей жизни, на что тот охотно согласился и повел такую речь:

Продолжение истории цыганского вожака

Ты оставил меня, когда я внимательно слушал поразительный рассказ Джулио Ромати.

Так вот что поведал нам человек, познакомившийся с нами в дороге, продолжая рассказывать свои приключения.

Продолжение истории Джулио Ромати

Своеобразный характер Зото был причиной тому, что я с полным доверием отнесся к его обещаниям. Необычайно довольный, я вернулся на постоялый двор и тотчас же послал за погонщиками мулов. Вскоре пришло их несколько человек, и они смело предложили мне свои услуги, ибо разбойники как им, так и их животным не причиняли ни малейшего вреда. Я выбрал среди них человека, который везде пользовался доброй славой. Нанял одного мула для себя, другого – для моего слуги и двух других – под выюки. У самого погонщика также был свой мул и два пеших помощника.

На рассвете я пустился в путь и едва отдалился на милю от города, как увидел маленькие отряды Зото, которые, казалось, стерегли меня издалека и сменялись по мере нашего продвижения вперед. Таким образом, как вы понимаете, мне было нечего бояться.

Путешествие протекало отлично, а здоровье мое с каждым днем улучшалось. Я был уже на расстоянии всего лишь двух дней пути до Неаполя, когда мне внезапно взбрела в голову мысль сделать крюк и посетить Салерно. Интерес мой к Салерно было легко оправдать: я много занимался возрождением искусств, а колыбелью Возрождения в Италии была салернитанская школа. Впрочем, я и сам не ведаю, что за роковая сила толкнула меня предпринять это злощастное путешествие.

Я свернул с большой дороги в Монте-Бруджо и, взяв проводника в ближнем селении, углубился в окрестности самые дикие, какие только можно себе вообразить. В полдень мы добрались до полуразрушенного здания, которое мой проводник называл трактиром, но я не ощутил этого, по крайней мере по приему, который мне оказал трактирщик. В самом деле, этот бедняк, вместо того чтобы дать чем-нибудь подкрепиться, умолял, чтобы я уделил ему хоть немного из моих припасов. К счастью, у меня было с собой холодное мясо, и я поделился с этим трактирщиком, а также с моим проводником и слугой, ибо погонщики мулов остались ждать нас в Монте-Бруджо.

Спустя два часа я покинул жалкое убежище и вскоре увидел огромный замок, расположенный на вершине горы. Я спросил моего проводника, как называется это место и живет ли

там кто-нибудь. Он отвечал мне, что в округе его обычно называют *lo monte*¹⁰² или также *lo castello*¹⁰³, что замок совершенно разрушен и необитаем, но что внутри сооружена часовня с несколькими кельями при ней, куда перебрались пять или шесть францисканцев из монастыря в Салерно; при этом он добавил с трогательным простодушием:

– Удивительные истории рассказывают об этом замке, но я ни одной из них не знаю на память, ибо, как только кто начнет об этом говорить, я тут же убегаю из кухни и иду к моей невестке Пепе, где обычно застаю кого-нибудь из отцов-монахов, который дает мне поцеловать свой нарамник.

Потом я спросил его, будем ли мы проезжать мимо замка. Он ответил, что вскоре мы вступим на окольную дорогу, идущую посреди склона горы, на которой высится замок.

В это время небо покрылось тучами, и ближе к вечеру разразилась ужасная гроза. К несчастью, мы находились на склоне горы, где не было ни малейшего укрытия. Проводник объявил нам, что неподалеку есть большая пещера, дорога к которой, однако, прескверная. Я решил воспользоваться его советом, но едва мы оказались между скалами, как тут же прямо над нами ударила молния. Мул мой упал, я же скатился с высоты в несколько сажен; чудесным образом зацепившись за дерево и почувствовав, что спасен, я начал призывать моих спутников, но никто из них не откликнулся.

Молнии сменялись с такой быстротой, что при их свете я сумел разглядеть окружающие меня предметы и стать в безопасном месте. Я продвигался вперед, цепляясь за деревья и кусты, и таким образом добрался до маленькой пещеры, которая не соединялась ни с какой тропинкой и поэтому не могла быть той, о которой мне рассказывал проводник. Ливень, порывы ветра, раскаты грома и молнии усилились вдвойне. Я весь дрожал, промокший до нитки, и, наверно, несколько часов должен был оставаться в этом невыносимом положении. Вдруг мне показалось, что я вижу факелы, мигающие на дне ущелья. Я решил, что это мои люди, стал их звать и вскоре услышал крики в ответ.

Затем я увидел молодого человека приятной наружности в сопровождении нескольких слуг, из которых одни несли факелы, другие – узлы с одеждой. Молодой человек поклонился мне с глубоким почтением и произнес:

– Синьор Ромати, мы – люди принцессы Монте Салерно. Проводник, которого ты нанял в Монте-Бруджо, сообщил нам, что ты заблудился в этих горах; мы пришли к тебе по приказу принцессы. Благоволи надеть это платье и пойти с нами в замок.

– Как же, – ответил я, – ты, сеньор, хочешь ввести меня в этот заброшенный замок на вершине горы?

– Ничего подобного, – возразил юноша, – ты увидишь великолепный дворец, от которого мы находимся всего в двухстах шагах.

Я подумал, что и в самом деле у какой-то неаполитанской принцессы был свой замок в этих краях, переоделся и поспешил за моим юным проводником. Вскоре я оказался перед порталом из черного мрамора, но, так как факелы не освещали остального здания, я не мог разглядеть его. Юноша оставил меня у лестницы внизу, я сам взшел наверх и на первом же повороте лестницы увидел женщину необычайной красоты, которая мне сказала:

– Синьор Ромати, принцесса Монте Салерно поручила мне показать тебе все достопримечательности своей резиденции.

Я отвечал, что если судить о принцессе по ее придворным дамам, то ее прелести должны превосходить всякое воображение.

И в самом деле, проводница моя была столь дивно хороша и столь благородна, что с самого начала я подумал: кто знает, быть может, это и есть сама принцесса. Я обратил внима-

¹⁰² Гора (*ит. диалект*).

¹⁰³ Замок (*ит. диалект*).

ние также и на то, что ее наряд похож на наряды дам с портретов прошлого столетия, однако предположил, что это костюм неаполитанских дам, возродивших старинную моду.

Мы вошли сперва в покои, где все было из массивного серебра. Паркет состоял из серебряных плиток, одних – полированных, других – матовых. Отделка стен, также из литого серебра, имитировала камчатную ткань; фон был полированный, а рисунок – матовый. Потолок напоминал резные плафоны старинных замков. Деревянные панели, бордюры обивки, канделябры, рамы и дверные створки изумляли совершенством подлинно ювелирной работы.

– Синьор Ромати, – произнесла мнимая придворная дама, – ты слишком долго задерживаешься перед этими пустяками. Это только передняя, предназначенная для пеших слуг госпожи принцессы.

Я ничего не ответил на это, и мы вошли в другую комнату, похожую по форме на первую, за исключением того, что все, что там было из серебра, здесь было золотистое, с орнаментами из того оттененного золота, которое было в такой моде с полвека назад.

– Эта комната, – продолжала молодая незнакомка, – предназначена для дворян-придворных, для мажордома и для других должностных лиц нашего двора; в покоях принцессы ты не увидишь ни золота, ни серебра; там царит простота – можешь в этом убедиться уже в столовой.

С этими словами она отворила боковую дверь. Мы вошли в залу, стены которой были отделаны цветным мрамором, а потолок опоясан барельефом, великолепно изваянным из белого мрамора. В глубине, в восхитительных шкафах, сверкали вазы из горного хрусталя и посуда из чудесного индийского фарфора.

Оттуда мы вновь возвратились в комнату придворных и прошли в гостиную.

– Вот зал, – молвила дама, – который, несомненно, возбудит твое удивление.

И в самом деле, я застыл как вкопанный и начал сперва присматриваться к мозаичному полу, который был выложен из ляпис-лазури, чередующейся с твердыми камнями, в манере флорентийской мозаики. Одна плита такой мозаики стоит многих лет труда. Узоры плиты образовывали некое гармоническое целое, но, присмотревшись поближе, можно было вдруг различить бесконечное разнообразие подробностей, которое, однако, нисколько не нарушало иллюзии всеобщей симметрии. В самом деле, хотя контур всюду казался одинаковым, в одном месте он изображал пленительные цветы различной окраски, кое-где раковины, переливающиеся всеми цветами радуги, а в других местах – то мотыльков, то колибри. Так драгоценнейшие камни послужили для имитации того, что в природе есть самого привлекательного.

Посреди этого великолепного узорного пола была изображена шкатулка из разнообразных дорогих камней, опоясанная нитью огромных жемчужин. Вся мозаика казалась выпуклой, как барельеф, и все выглядело объемным, как в искусных флорентийских мозаиках.

– Синьор Ромати, – прервала молчание незнакомка, – если ты будешь так долго у всего останавливаться, мы никогда не завершим осмотра.

Тогда я поднял глаза и увидел картину Рафаэля, которая показалась мне первым наброском его «Афинской школы», однако более красивым по колориту, так как эскиз этот был писан маслом. Потом я увидел Геракла у ног Омфалы – фигура Геракла была кисти Микеланджело, в лице женщины я узнал манеру Гвидо. Одним словом, каждое полотно превосходило по совершенству все, что я доселе видел. Обивка зала была из гладкого зеленого бархата, с которым превосходно контрастировали краски живописи.

По обеим сторонам каждой двери стояли изваяния чуть поменьше натуральной величины. Было их четыре: знаменитый Амур Фидия, которого Фрина пожелала в дар; Фавн того же мастера; подлинная Венера Праксителя, ведь Венера Медицейская – только копия; и четвертая – Антиной – необычайной красоты. Кроме того, в окнах белели мраморные группы.

Вокруг по стенам гостиной стояли комоды с ящиками, украшенными вместо бронзы тончайшими ювелирными оправками, обрамляющими камеи, какие едва ли можно было бы найти и

в королевских кабинетах редкостей. В ящиках находились коллекции древних золотых монет, расположенные по всем правилам нумизматики.

– Вот здесь, – сказала моя проводница, – госпожа этого замка проводит послеобеденные часы, ибо осмотр этих коллекций служит предметом бесед столь же занятных, сколь и поучительных; но нам осталось осмотреть еще множество вещей – пойдем же за мной.

Затем мы вошли в спальню. Это была восьмиугольная комната с четырьмя альковами, в каждом из них находилось просторное, великолепное ложе. Тут не было ни панелей, ни обоев, ни резного потолка. Все покрывал с исключительным вкусом развешанный индийский муслин, расшитый чудеснейшими узорами и такой тонкий, что его можно было счесть туманной дымкой, которую сама Арахна¹⁰⁴ превратила в легкое покрывало.

– Для чего здесь четыре ложа? – спросил я.

– Чтобы можно было переходить с одного на другое, когда зной не дает уснуть, – отвечала незнакомка.

– Но зачем эти ложа так просторны? – спросил я через минуту.

– Порой принцесса, когда ее мучает бессонница, имеет обыкновение призывать своих служанок. Но перейдем в ванную комнату.

Это была ротонда, выложенная перламутром с бордюром из кораллов. Вокруг потолка нить крупных жемчужин поддерживала бахрому из драгоценностей той же самой величины и оттенка. Потолок был весь из стекла, сквозь которое виднелись неторопливо плавающие китайские золотые рыбки. Вместо ванны посреди комнаты была водружена мраморная плита с углублением, окруженная искусственной пеной, среди которой мерцали редкостные индийские раковины.

При виде всего этого великолепия я не мог уже сдержать восторга и воскликнул:

– Ах, госпожа, земной рай – ничто в сравнении с этим волшебным пристанищем!

– Земной рай! – воскликнула молодая женщина, растерянная и почти в отчаянии. – Рай! Разве ты сказал что-то о рае? Прошу тебя, синьор Ромати, не говори ничего подобного, очень тебя об этом прошу; а теперь пойдем за мной.

Затем мы вошли в вольер, наполненный всяческими видами тропических птиц и всеми милыми певуньями нашего климата. Мы увидели там стол, накрытый для меня одного.

– Неужели ты полагаешь, – сказал я прекрасной незнакомке, – что хоть кто-нибудь может подумать о еде в этих божественных покоях? Я вижу, что ты не намерена разделить мою трапезу. Со своей стороны, не решаюсь сесть за стол в одиночестве, разве что при условии, что ты, госпожа, согласишься рассказать мне кое-что о принцессе, обладающей всеми этими чудесами.

Молодая женщина признательно улыбнулась, подала мне блюдо, села и начала такими словами:

История принцессы Монте Салерно

– Я дочь последнего принца Монте Салерно...

– Как это? Ты, госпожа?

– Я хотела сказать, принцесса Монте Салерно, – но не прерывай меня.

Принц Монте Салерно, происходящий от древних герцогов Салерно, был испанским грандом, верховным главнокомандующим, великим адмиралом, великим конюшим, великим мажордомом, великим ловчим – одним словом, соединял в своем лице все высшие должности Неаполитанского королевства. Хотя он сам состоял на королевской службе, однако при его собственном дворе было множество лиц благородного происхождения, среди коих были

¹⁰⁴ *Арахна* – мифологическая лидийская пряха, поспорившая с Афиной, которая превратила ее в паука.

и титулованные. В числе этих последних находился маркиз Спиनावерде, первый придворный принца, пользующийся его неограниченным доверием, наравне со своей супругой, маркизой Спиनावерде, первой дамой в свите принцессы. Мне тогда было десять лет – я хотела сказать, что единственной дочери принца Монте Салерно было десять лет, когда умерла ее мать. Тогда-то супруги Спиनावерде покинули дом принца: муж – чтобы управлять имениями принца, жена же – чтобы заняться моим воспитанием. Они оставили в Неаполе свою старшую дочь, которую звали Лаурой; положение ее при особе принца было несколько двусмысленным. Мать ее и молодая принцесса прибыли в Монте-Салерно. Супруги Спиनावерде не уделяли особого внимания воспитанию молодой Эльфриды, зато старались удовлетворить все ее капризы; они привыкли слушаться малейших моих кивков.

– Твоих кивков, госпожа? – воскликнул я.

– Не прерывай меня, синьор, я уже сколько раз тебя об этом просила, – гневно ответила она, после чего продолжала так:

– Мне захотелось подвергнуть терпение моих служанок всяческому испытанию. Ежеминутно давала я им противоречивые приказания, едва половину которых они были в состоянии выполнить, и тогда я щипала их, царапала или втыкала им булавки в руки и ноги. Вскоре все меня покинули. Маркиза прислала мне других, но и эти не могли долго вытерпеть. Между тем отец мой тяжело занемог, и мы отправились в Неаполь. Я мало видела его, но чета Спиनावерде не покидала его ни на миг. Вскоре он умер и в завещании назначил маркиза единственным опекуном дочери и управляющим всех ее имений.

Похороны задержали нас на несколько недель, после чего мы вернулись в Монте-Салерно, где я снова начала щипать моих служанок. Четыре года прошло в этих невинных занятиях, которые были для меня тем приятнее, что маркиза всегда признавала мою правоту, уверяя, что весь белый свет к моим услугам и что нет достаточно строгой кары для тех, кто не желает мне повиноваться.

Впрочем, настал день, когда все мои служанки одна за другой покинули меня, так что я вечером вынуждена была раздеться сама. Я расплакалась от злости и побежала к маркизе, которая сказала мне:

– Драгоценная, милая принцесса, осуши твои красивые глазки; я сама тебя нынче раздену, а завтра приведу тебе шесть женщин, которыми ты, без сомнения, останешься довольна.

Назавтра, как только я проснулась, маркиза представила мне шесть молодых и очень красивых девушек, увидев которых я испытала некое странное волнение. Они сами также казались взволнованными. Я первая оправилась от смущения, вскочила в одной рубашке с постели, обняла их по очереди и уверила, что никогда не стану их щипать и бранить. И в самом деле, хотя, одевая меня, они порой бывали неловки или осмеливались меня не слушаться, я никогда на них не гневалась.

– Но, госпожа, – сказал я принцессе, – кто знает, не были ли эти девушки переодетыми юношами?

Принцесса свысока взглянула на меня и молвила:

– Синьор Ромати, я просила не прерывать мою речь, – и после этих слов продолжала следующим образом:

– В день моего шестнадцатилетия мне нанесли визит знатнейшие вельможи. Это были государственный секретарь, испанский посол и принц Гвадаррама. Этот последний приезжал просить моей руки, двое других сопровождали его, только чтобы поддержать его просьбу. Молодой принц был необыкновенно обаятелен, и я не могу отрицать, что он произвел на меня

сильное впечатление. Вечером мы вышли вместе на прогулку в сад. Едва мы сделали несколько шагов, как разъяренный бык выскочил из-за деревьев и бросился прямо на нас. Принц преградил ему дорогу с плащом в одной руке и со шпагой в другой. Бык остановился на мгновение, но вскоре ринулся на принца и упал, пронзенный его сталью. Мне казалось, что я обязана жизнью отваге и ловкости юного принца, но назавтра я узнала, что его конюший умышленно привел туда быка и что господин его хотел таким образом засвидетельствовать мне свое почтение согласно обычаям своей страны. Тогда, вместо благодарности, я разгневалась на него за то, что он так меня испугал, и отвергла предложение руки и сердца.

Поступок мой необычайно понравился маркизе. Она воспользовалась этим случаем, чтобы превознести в моих глазах все прелести свободы и показать, на какие утраты я обрекла бы себя, вступив в брак и приобретя господина над собой. Вскоре после этого тот же государственный секретарь приехал к нам в обществе другого посла и владетельного принца Нудель-Гансбергского. Этот претендент был громадный, грузный, тучный, рыжеватый, бело-желтый до синевы и пытался занимать меня, разглагольствуя о майоратах, которые принадлежали ему в странах, подвластных дому Габсбургов, но говорил он по-итальянски с забавным тирольским акцентом.

Я стала передразнивать выговор сиятельного претендента и с таким же акцентом уверять, что его присутствие совершенно необходимо в майоратах, принадлежащих ему по праву наследования в пределах упомянутых Габсбургских владений. Немецкий принц уехал, задетый за живое. Маркиза осыпала меня ласками и, чтобы верней удержать меня в Монте-Салерно, приказала приобрести и изваять все те прекрасные вещи, которым ты здесь удивляешься.

– Поистине, это превосходно ей удалось! – воскликнул я. – Это волшебный дворец справедливо может быть назван земным раем.

В ответ на эти слова принцесса разгневалась, поднялась и сказала:

– Синьор Ромати, я уже просила тебя, чтобы ты больше не употреблял этого выражения, – после чего начала смеяться, но каким-то ужасным, леденящим душу судорожным смехом, повторяя непрестанно: «Да – раем – земным раем – в самом деле – ему есть о чем говорить – о рае».

Сцена эта начинала становиться отвратительной: принцесса в конце концов приняла прежний суровый вид и, грозно взглянув на меня, приказала мне следовать за ней.

Потом она отворила двери, и мы оказались в просторных подземельях, в глубине которых поблескивало словно бы серебряное озеро, которое на самом деле было из ртути. Принцесса хлопнула в ладоши, и я увидел лодку, которой управлял желтый карлик. Мы вошли в лодку, и только тогда я заметил, что у карлика лицо из золота, глаза бриллиантовые и губы из кораллов. Одним словом, это был автомат, который с помощью маленьких весел разрезал ртутные волны с неслыханной ловкостью и гнал лодку вперед. Этот удивительный перевозчик высадился с нами у подножья скалы, которая разверзлась, и мы вновь вошли в подземелье, где тысячи других автоматов представили великолепнейшее зрелище. Павлины раскрывали хвосты, усыпанные драгоценными камнями, попугаи с изумрудными перьями пролетали над нашими головами, негры из черного дерева на золотых блюдах приносили вишни из рубинов и гроздья винограда из сапфиров – бесконечное количество поразительных предметов наполняло это волшебное подземелье, казавшееся поистине бесконечным.

Тогда, сам не знаю почему, у меня вновь явилось желание повторить злосчастное сравнение, опять упомянуть о земном рае, чтобы убедиться, какое впечатление это слово произведет на сей раз на принцессу. Итак, поддавшись неудержимому любопытству, я произнес:

– В самом деле, можно сказать, что ты, госпожа, обладаешь раем на земле...

Принцесса, однако, любезнейшим образом улыбнулась мне, говоря:

– Чтобы ты лучше мог судить о приятностях этой моей резиденции, представляю тебе шестерых моих слуг.

С этими словами она достала из-за пояса золотой ключ и отворила огромный сундук, покрытый черным бархатом с серебряными орнаментами. Когда крышка сундука отскочила, я увидел выходящий оттуда скелет, который приближался ко мне с грозным видом. Я обнажил шпагу, но скелет, вырвав себе левую руку, применил ее вместо оружия и с яростью напал на меня. Я защищался весьма отважно, когда затем второй скелет вылез из сундука, выломал ребро у первого и изо всей силы ударил меня им по голове. Я схватил его за шею, но он обнял меня костяными руками и хотел повалить наземь. Наконец я сумел от него избавиться, но тут третий скелет выполз из сундука и присоединился к двум первым. За ним показались еще трое других. Тогда, не имея надежды выйти победителем из столь неравной схватки, я упал на колени перед принцессой и просил ее смилостивиться надо мной.

Принцесса приказала скелетам возвратиться в сундук, после чего сказала:

– Помни, Ромати, что до самого своего смертного часа ты не вправе забыть того, что ты тут видел.

В этот самый миг она сжала меня за плечо, я почувствовал, что меня прожгло до кости и упал в обморок.

Не знаю, как долго я оставался в этом состоянии; в конце концов я проснулся и услышал около себя молитвенные песнопения. Я понял, что лежу среди обширных развалин; хотел выбраться из них и зашел во внутренний двор, где увидел часовню и монахов, служащих заутреню. Окончив молитву, приор пригласил меня в свою келью. Я пошел за ним и, стараясь привести в порядок свои чувства, рассказал ему все, что видел этой ночью. Когда я окончил, приор сказал:

– Сын мой, ты не смотрел, не оставила ли принцесса каких-нибудь знаков на твоей руке?

Я засучил рукав и в самом деле увидел, что рука обожжена и на ней видны следы пяти пальцев принцессы.

Тогда приор приподнял крышку ларца, стоящего у его постели, и извлек на свет божий старинный пергамент.

– Вот, – сказал он, – булла, возвещающая об основании нашей смиренной обители; она может тебе объяснить то, что с тобой нынче случилось.

Он развернул пергамент и прочитал следующие слова:

«В лето Господне 1503, на девятом году царствования Фредерика¹⁰⁵, короля Неаполя и Сицилии, Эльфрида Монте Салерно, до последней степени увязнув в безбожии, во всеуслышание похвалялась тем, что обладает истинным раем на земле, и явственно отрекалась от того Эдема, который ожидает нас в жизни грядущей. Тем временем, в ночь с четверга на Страстную пятницу, землетрясение поглотило ее дворец, развалины которого стали адским пристанищем, где Сатана, враг рода человеческого, поселил бесчисленные полчища злых духов, которые толпами нападают на тех, кто отваживается приблизиться к Монте-Салерно, и даже на набожных христиан, обитающих в сей округе. Поэтому мы, Пий III¹⁰⁶, слуга слуг Господних и прочая и прочая, повелеваем основать часовню в самом средоточии означенных руин...»

Я не помню уже конца буллы, помню только, что приор заверил меня, что нападения нечистой силы стали гораздо реже, но что, однако, порой они случались, в особенности же в ночь с четверга на Страстную пятницу. Одновременно он посоветовал мне, чтобы я заказал

¹⁰⁵ Фридрих IV (1452–1504) – король Неаполя и Сицилии (1496–1501).

¹⁰⁶ Пий III – папа римский (1503).

несколько десятков месс за упокой души принцессы и сам их выслушал. Я последовал его совету и затем пустился в дальнейшее странствие, но память об этой несчастной ночи оставила грустное впечатление, от которого я никак не могу избавиться. Да и рука моя ноет постоянно.

С этими словами Ромати обнажил руку, на которой мы увидели ожог и следы пальцев принцессы.

Тут я прервал вожака, сказав ему, что просматривал в кабинете у каббалиста некоторые рассказы Хаппелиуса и что в них нашел приключение, весьма похожее на это.

– Очень возможно, – ответил вожак, – что Ромати вычитал свою историю из этой книги, а может быть, и выдумал ее с начала до конца. Тем не менее рассказ его немало сделал для того, чтобы разжечь во мне охоту к странствиям и в особенности надежду самому испытать столь же удивительные приключения, что, впрочем, так и осталось только надеждой. Но такова уж сила впечатлений, полученных в юные годы, что мечты эти долго кружили мне голову и я так никогда и не сумел совершенно освободиться от них.

– Сеньор Пандесовна, – сказал я на это, – разве ты не дал мне понять, что с тех пор, как ты живешь в этих горах, ты видел вещи, которые тоже можно было бы назвать чудесами?

– В самом деле, я видел кое-какие вещи, которые мне напоминали историю Джулио Ромати.

В этот момент один из цыган прервал нашу беседу; а так как оказалось, что у Пандесовны еще много дел, я, захватив ружье, отправился на охоту. Побродив по окрестным холмам и пригоркам и бросив взгляд на долину, простирающуюся у моих ног, я подумал, что узнаю издали злосчастную виселицу двух братьев Зото. Зрелище это разожгло мое любопытство, я ускорил шаги и в самом деле очутился возле виселицы, на которой по-прежнему висели оба трупа. С ужасом отвратил я взор и пошел, удрученный, в наш табор. Вожак спросил меня, куда я ходил; я ответил, что дошел до самой виселицы двух братьев Зото.

– Ты застал их обоих висящими? – спросил цыган.

– Как, – прервал я его, – разве у них есть обыкновение по временам отцепляться?

– Очень часто, – сказал вожак, – и в особенности ночью.

Эти несколько слов погрузили меня в сомнения. Я снова находился по соседству с двумя проклятыми страшилищами; я не знал, упыри ли это или же вымышленные мною самим страхи, однако, как бы то ни было, следовало их опасаться. Печаль терзала меня весь остаток дня; я пошел спать, не поужинав, и всю ночь мне мерещились привидения, упыри, духи, призраки и висельники.

День четырнадцатый

Цыганки принесли мне шоколаду и сели со мной позавтракать. Затем я вновь взял ружье, и не знаю, какая несчастная рассеянность привела меня к виселице двух братьев Зото. Я увидел их снятыми с виселицы. Зайдя под виселицу, я заметил, что оба трупа лежат на земле, а между ними – молодая девушка, в которой я узнал Ревекку.

Я разбудил ее как можно бережнее, однако зрелище, которое невозможно было заслонить, ввергло ее в состояние несказанного горя. У нее начались судороги, она зарыдала и лишилась чувств. Взяв ее на руки, я понес ее к роднику, расположенному неподалеку; там обрызгал ей лицо водой, и она постепенно пришла в себя.

Никогда бы я не решился спросить ее, как она очутилась под виселицей, но она первая заговорила об этом.

– Я хорошо знала, – сказала она, – что молчание твое будет иметь для меня пагубные последствия. Ты не хотел рассказать нам о своем приключении, и вот я, так же как ты, стала жертвой этих проклятых упырей, гнусные проказы которых в мгновение ока уничтожили длительные старания моего отца обеспечить мне бессмертие. До сих пор я не могу еще понять всех ужасов этой ночи. Буду, однако, стараться припомнить их и расскажу тебе о них, но ты не понял бы меня, если бы я не начала с самого начала моей жизни.

Ревекка задумалась на миг и повела такую речь:

История Ревекки

Мой брат, рассказывая тебе свои приключения, познакомил тебя с некоторой частью моих собственных приключений. Отец наш предназначал его в супруги двум дочерям царицы Савской, что же до меня, то он хотел, чтобы я вышла замуж за двух гениев, возглавляющих созвездие Близнецов.

Брат, гордый супружеством, которое было ему завещано, удвоил рвение к каббалистическим наукам. У меня же впечатление было совершенно иным: меня пугала мысль стать женой двух гениев сразу, и я была настолько этим огорчена, что не могла составить двух строк каббалы. Я все время откладывала эти труды на завтра и кончила тем, что совсем позабыла это искусство, столь же трудное, сколь и небезопасное.

Брат мой вскоре заметил мою нерадивость и осыпал меня ужаснейшими упреками. Я обещала ему исправиться, не думая, впрочем, сдержать обещание. Наконец он пригрозил мне, что пожалуется на меня отцу; я заклинала его пощадить меня. Тогда он сказал, что подождет еще до ближайшей субботы, но, так как я к этому времени ничего не сделала, вошел ко мне в полночь, разбудил и сказал, что сейчас же вызовет тень нашего отца – грозного Мамуна.

Я упала к его ногам, умоляла сжалиться, но напрасно. Я слышала, как он произносит формулу, открытую некогда Аэндорской волшебницей. Тотчас же на престоле из слоновой кости показался мой отец. Его гневный взор вселил в меня страх; я думала, что не переживу первого слова, какое сорвется с его уст. Однако я слышала его голос. Боже Авраама! Он произнес ужасающее проклятье; не могу тебе повторить его слов...

Тут юная израильтянка закрыла лицо руками и затрепетала при одном воспоминании об этой жестокой сцене; наконец она пришла в себя и так продолжала свою речь:

– Я не слышала окончания речи моего отца, потому что лишилась чувств раньше, чем он кончил. Придя в себя, я увидела брата, подающего мне книгу «Сефирот». Я думала, что снова

упаду в обморок, но нужно было подчиниться приговору. Мой брат, который хорошо знал, что следует вернуться со мной к первоначалам, имел достаточно терпения и одно за другим напомнил мне все исходные понятия. Я начала с составления слогов, затем перешла к словам и формулам. Постепенно возвышенная эта наука совершенно меня очаровала. Я проводила ночи напролет в кабинете, который служил моему отцу обсерваторией, и выходила только тогда, когда дневной свет прерывал мои занятия; тогда я валилась с ног от усталости. Мулатка моя, Зюлейка, раздевала меня я сама не знаю когда. После нескольких часов отдыха я возвращалась к занятиям, для которых ни в коей мере не была создана, как ты это сам вскоре увидишь.

Ты знаешь Зюлейку и, конечно, обратил внимание на необыкновенную ее красоту. Глаза ее источают сладость, на устах играет пленительная улыбка, тело поражает совершенством форм. Однажды, возвращаясь из обсерватории, где я долго и напрасно пыталась дозваться ее, чтобы она пришла меня раздеть, я вошла в ее комнату, которая прилегает к моей спальне. Я увидела, как она, высунувшись в окно, полунагая, делала знаки кому-то на другой стороне долины и посылала страстные поцелуи, в которые, казалось, вкладывала всю свою душу.

До тех пор у меня не было ни малейшего понятия о любви; проявления этого чувства впервые поразили мой взор. Я была настолько изумлена и захвачена врасплох, что застыла неподвижно, как статуя. Зюлейка повернулась ко мне: живой румянец пробился сквозь ореховую окраску кожи и разлился по всему ее телу. Я тоже зарумянилась и вдруг побледнела. Почувствовала, что падаю в обморок. Зюлейка подбежала, схватила меня в свои объятия, и сердце ее, бьющееся рядом с моим, возбудило во мне такое же смятение, какое овладело ее чувствами.

Мулатка раздела меня наспех и, уложив в постель, удалилась, как мне показалось – с удовольствием, и с еще большим наслаждением заперла за собой дверь. Вскоре я услышала шаги мужчины, входящего в ее комнату. Столь же мгновенно, сколь и произвольно я сорвалась с постели, подбежала к двери и прильнула к замочной скважине. Я увидела молодого мулата Танзаи, вносящего корзину, наполненную полевыми цветами. Зюлейка кинулась навстречу ему, схватила цветы в охапку, прижала их к груди. Танзаи приблизился, чтобы вдохнуть их запах, который смешивался со вздохами его возлюбленной. Я видела ясно, как Зюлейка затрепетала (дрожь пронзила и меня), поглядела на него отуманенным взором и упала в его объятия. Я бросилась на ложе, оросила слезами мою постель, рыдания разрывали мне грудь, и я с величайшей горечью воскликнула:

– Ах, моя сто двенадцатая прабабка, имя которой я ношу, кроткая и нежная супруга Исаака! Если с лона твоего тестя, с лона Авраама, ты видишь, в каком я состоянии, уприси тень Мамуна и скажи ему, что его дочь недостойна той чести, которую он для нее предназначает!

Возгласы эти разбудили моего брата, он вошел ко мне и, думая, что я больна, дал мне успокоительное. Он снова пришел в полдень и, найдя, что кровь так и бурлит в моих жилах, предложил в дальнейшем выполнять за меня мои каббалистические труды. Я с благодарностью приняла это предложение, ибо сама ни на что не была способна. Когда наступил вечер, я заснула, и сны мои были совершенно отличны от тех, какие доселе меня посещали. Утром же я стала мечтать наяву или, скорее, была настолько рассеянна, что сама не знала, что говорю. Взоры брата вызывали на лице моем необъяснимый румянец. Так прошло восемь дней.

Однажды ночью брат вошел в мою комнату. Под мышкой он держал книгу «Сефирот», а в руке – шарф с созвездиями, на котором выписано было семьдесят два имени, какие Зороастр¹⁰⁷ дал созвездию Близнецов.

– Ревекка, – обратился он ко мне, – Ревекка, выйди из состояния, которое тебя унижает. Пора тебе испытать свою власть над созданиями стихий. Этот шарф с созвездиями оградит

¹⁰⁷ *Зороастр* – греческая форма имени мифического персидского пророка Заратуштры, которому приписывается создание маздеизма, дуалистической древнеиранской религии, оказавшей влияние на иудаизм и христианство.

тебя от их преследований. Выбери в окрестных горах место, которое ты признаешь самым подходящим для твоих действий, и уразумей, что вся твоя судьба зависит от них.

Сказав это, брат мой проводил меня за ворота замка и опустил за мной решетку.

Предоставленная сама себе, я собрала всю свою отвагу. Ночь была темная, я стояла в тоненькой сорочке, босиком, с распущенными волосами, – в одной руке у меня была книга, в другой – волшебный шарф. Я направила шаги к горе, которая показалась мне самой близкой. Какой-то пастух хотел меня схватить; я оттолкнула его рукой, в которой держала книгу, и он мертвый упал к моим ногам. Это не удивит тебя, когда ты узнаешь, что переплет моей книги был выструган из древа ковчега, которое обладает способностью уничтожать все, к чему только ни прикоснется.

Солнце начало вставать, когда я добралась до вершин, которые выбрала для осуществления моих действий; однако я вправе была приступить к ним только назавтра в полночь. Я укрылась в пещере, где застала медведицу с несколькими медвежатами; она бросилась на меня, но переплет книги и на сей раз явил свою мощь: разъяренное животное безжизненной тушей пало к моим ногам. Вздутые сосцы косматого чудовища напомнили мне, что я умираю с голоду, а еще ни один гений и даже ни один странствующий дух не повиновались моим велениям. Я решила воспользоваться случаем и, растянувшись на земле, утолила жажду молоком медведицы. Остатки тепла, которое животное еще сохранило в себе, сделали эту пищу менее отталкивающей, но потом явились медвежата, чтобы воспользоваться и своей долей. Вообрази себе, Альфонс, шестнадцатилетнюю девушку, которая никогда доселе не покидала родительского дома, вообрази ее вдруг в таком ужасном положении. Правда, у меня в руке было страшное оружие, но я не привыкла им пользоваться, а ведь малейшая оплошность могла бы обратить это оружие против меня самой.

Тут я заметила, что трава мгновенно сохнет под моими ногами, воздух внезапно пахнул жаром, а птицы падали мертвыми на лету. Я поняла, что дьяволы, предупрежденные о том, что должно произойти, начинают уже собираться. Дерево неподалеку от меня само собой запылало, из него вырвались клубы дыма, которые, вместо того чтобы взлететь вверх, окружили мою пещеру и погрузили меня во тьму. Медведица, лежавшая у моих ног, казалось, ожила, и глаза ее блеснули огнем, который на миг развеял мглу. Тотчас же из медвежьей пасти выпорхнул злой дух в образе крылатой змеи. Это был Немраэль, дух низшей степени, который был предназначен к моим услугам. Вскоре я услышала беседу на языке эгрегоров, прекраснейших падших ангелов, и поняла, что они делают мне честь, составляя мое общество при первом моем вхождении в мир существ-посредников. Это тот самый язык, на каком Енох написал свою книгу, творение, над которым я провела немало дней в глубоких размышлениях.

Наконец Семиаса, князь эгрегоров, пришел возвестить мне, что время уже начать. Я вышла из пещеры, расстелила мой шарф, испещренный созвездиями, раскрыла книгу и громко произнесла страшные заклатья, которые доселе едва отваживалась читать про себя.

Ты отлично понимаешь, сеньор Альфонс, что я не в состоянии рассказать тебе все, что со мной творилось, да ты даже и не смог бы этого понять. Добавлю только, что я приобрела достаточно сильную власть над духами и что меня научили средствам, которые позволили мне познакомиться с небесными близнецами. Почти в то же время брат мой заметил кончики ножек дочерей Соломоновых. Я ожидала, пока солнце вступит в знак Блиźнецов; со следующего дня или, вернее, с той ночи я и принялась за дело. Но я исчерпала все силы, стремясь достигнуть цели, однако, не желая прерывать свои действия, бодрствовала настолько далеко за полночь, что наконец мною овладел сон, которому я не смогла сопротивляться.

На следующее утро, смотрясь в зеркало, я заметила две человеческие фигуры, стоящие за мной. Я обернулась, но ничего не увидела; снова бросила взгляд в зеркало, и снова мне представилась та же картина. Впрочем, явление это вовсе не было страшным. Я увидела двух юношей, чуть повыше обычного человеческого роста. Плечи их были широки и несколько округлы, как

у женщин; грудь также была по-женски закруглена, кроме этого, однако, они ничем не отличались от мужчин. Точеными руками они опирались на бедра, приняв позу, которую мы видим на египетских скульптурах; лазурно-золотые вьющиеся волосы падали им на плечи. Не говорю уже о чертах их лиц; ты можешь вообразить себе красоту полубогов, ибо в самом деле это были небесные близнецы, я узнала это по маленькому пламени, поблескивающему над головой каждого из них.

– Как же были одеты эти полубоги? – спросил я Ревекку.

– Они вовсе не были одеты, – ответила она. – У каждого из них было четыре крыла, из которых два вырастали из плеч, два же складывались вокруг пояса. Хотя крылья эти и были прозрачными, однако пурпурные и золотые искры, которыми они были пронизаны, достаточно заслоняли все то, что могло бы оскорбить мою стыдливость.

«Так вот они, – сказала я сама себе, – те двое небесных юношей, которым я предназначена в супруги». Я внутренне не могла удержаться от сравнения их с молодым мулатом, который так искренне любил Зюлейку, но я покраснела при этой мысли. Я взглянула в зеркало, и мне показалось, что юные полубоги метали мне разгневанные взоры, как если бы они отгадали мои мысли и оскорбились тем, что я произвольно осмелилась унизить их подобным сравнением.

В течение нескольких последующих дней я боялась взглянуть в зеркало. Наконец я отважилась. Божественные близнецы, с руками, сложенными на груди, кроткими и нежными взорами развеяли мою боязнь. Однако я не знала, что им сказать. Чтобы как-то выйти из этого затруднительного положения, я пошла за томом творений Эдриса, который вы называете Атласом. Это прекраснейшая поэзия, какой мы обладаем. Звуки стихов Эдриса подражают гармонии небесных тел. Я недостаточно знаю язык этого автора и, боясь, не прочитала ли я худо, украдкой взглянула в зеркало, чтобы убедиться, какое впечатление я произвожу на слушателей. Я могла быть вполне довольна. Тамимы глядели друг на друга взорами, полными признательности ко мне, и порой бросали в зеркало взгляды, которые сильно волновали меня.

В этот момент в комнату вошел мой брат, и видение исчезло. Он говорил мне о дочерях Соломоновых, лишь кончики ножек которых ему удалось увидеть. Видя его веселым, я разделала его радость, тем более что была проникнута незнакомым мне доселе чувством. Внутреннее волнение, всегда сопровождающее каббалистические действия, уступило место сладостной мечтательности, о наслаждениях которой я до сей поры ничего не ведала.

Брат приказал отворить решетку замка, которая была заперта со времени моего выхода на гору, и мы предались приятностям прогулки. Окрестности показались мне волшебными, поля сверкали прекраснейшими красками. Я заметила также в глазах моего брата некий пыл, отличный от того, какой прежде горел в нем к наукам. Мы вошли в апельсиновую рощу. Погруженный в мечтания, он пошел в свою сторону, я – в свою, и мы возвратились, переполненные волшебными мыслями.

Зюлейка, раздевая меня, принесла зеркало. Заметив, что я не одна, я приказала ей унести его, полагая, подобно страусу, что если я сама никого не вижу, то и я никому не буду видна. Я легла и заснула, но вскоре престранные сновидения овладели моей душой. Мне казалось, что в небесной бездне я вижу две прекрасные звезды, которые царственно движутся по зодиакальному кругу. Вдруг они свернули с дороги и миг спустя показали вновь, а за ними небольшая туманность из созвездия Возничего.

Три этих небесных тела вместе промчались воздушным путем, после чего приостановились и приняли образ пламенного метеора. Наконец он разделился на три огненных кольца, и они долго вращались порознь – а затем вновь слились в единый пламень. После этого они превратились в некое сияние, или ореол, окружающий престол из сапфиров. На престоле восседали близнецы, они простирали ко мне руки и показывали место, которое я должна занять

между ними. Я хотела домчаться до них, но в этот миг мне показалось, что мулат Танзай хватает меня за талию и хочет удержать. Я и в самом деле почувствовала, что что-то сильно сжимает меня, и вдруг очнулась.

Тьма наполняла мою комнату, но сквозь щели в двери я увидела свет в комнате Зюлейки. Я услышала ее вздохи и решила, что она занемогла. Мне нужно было бы позвать ее, но я не сделала этого. Не знаю, какое несчастное легкомыслие было причиной тому, что я снова прильнула к замочной скважине. Я увидела мулата Танзай и Зюлейку, предающихся своевольным утехам, зрелище которых поразило меня; взор мой помутился, и я лишилась чувств.

Когда я открыла глаза, Зюлейка и брат мой стояли у моего ложа. Я бросила на мулатку испепеляющий взор и запретила ей показываться мне на глаза. Брат мой осведомился о причине этой суровости; пылая от стыда, я рассказала ему все, что со мной произошло этой ночью. Он мне ответил на это, что вчера сам их поженил, но, однако, очень опечален тем, что не предвидел случившегося. Правда, только взору моему был нанесен урон, но чрезвычайная раздражительность Тамимов сильно его тревожила. Что касается меня, то я лишилась всех чувств, за исключением чувства стыда, и предпочла бы скорее умереть, чем взглянуть в зеркало.

Брат мой не знал о том, каковы мои отношения с Тамимами, но знал, что я им не чужда, видя же, что я предаюсь все более глубокой печали, страшился, чтобы я не забросила начатых уже деяний. Когда Солнце должно было выйти из-под знака Близнецов, он счел нужным предупредить меня об этом. Я как бы очнулась от сна; затрепетала при мысли, что не увижу больше моих полубогов и разлучусь с ними на одиннадцать месяцев, не зная даже, какое место я занимаю в их сердцах и не стала ли я совершенно недостойна их внимания.

Я решила пойти в тот просторный покой в замке, где висело венецианское зеркало высотой в шесть локтей; для большей, однако, уверенности в себе я взяла книгу Эдриса, содержащую поэму о Сотворении мира. Я села далеко от зеркала и начала читать вслух. Затем, вдруг прервав чтение и возвысив голос, я осмелилась спросить Тамимов, были ли они свидетелями всех этих чудес. Тогда венецианское зеркало сорвалось с крюка, на котором висело, и встало предо мной. Я увидела Тамимов; они взирали на меня, на устах их играла довольная улыбка, и вдруг нежные мои полубоги склонили головы в знак того, что действительно присутствовали при Сотворении мира и что и в самом деле все происходило именно так, как пишет Эдрис.

Тут в меня вселилась отвага, я захлопнула книгу и утопила взор в очах моих божественных возлюбленных. Эта минута забвения могла мне дорого обойтись. Слишком много еще было во мне человеческой природы, чтобы я могла вынести столь близкую с ними встречу. Пламень, блещущий в их глазах, чуть не испепелил меня. Я опустила взор и, несколько придя в себя, стала читать дальше, но как раз попала на другую песнь, в которой этот поэт и пророк описывает любовные утехы сынов Элоима с дочерьми человеческими. Невозможно теперь вообразить себе, как любили в первые века существования мира. Читая эти яркие описания, я часто запиналась, не в состоянии понять слов поэта. Тогда глаза мои невольно обращались к зеркалу, и мне казалось, что я вижу, как Тамимы со все большим наслаждением внимают моему голосу. Они простирали ко мне руки и приближались к моему креслу. Они грациозно раскрывали крылья у плеч; я заметила также легкое подрагивание тех, что у бедер. Страшась, что они развернут их, я прикрыла лицо рукою и в тот же миг ощутила на ней поцелуй, так же как и на другой, которую я положила на книгу. Тогда я вдруг услышала, как зеркало разбилось вдребезги. Я поняла, что Солнце вышло из-под знака Близнецов, которые таким образом посылали мне свой прощальный привет.

Наутро в другом зеркале я увидела как бы две тени или, вернее, два легких абриса моих божественных возлюбленных. День спустя все исчезло. Потом, чтобы развеять тоску, я проводила ночи в обсерватории и, прикинув к телескопу, следила за моими возлюбленными вплоть до их исчезновения. Они уже давно были за горизонтом, а мне все мнилось, что я еще вижу их.

Наконец, когда хвост созвездия Рака исчезал с моих глаз, я уходила на отдых, и ложе мое часто бывало орошаемо невольными слезами, причины которых я и сама не сумела бы определить.

Тем временем брат мой, преисполненный любви и надежды, более, чем когда-либо, предавался оккультным наукам. Однажды он явился ко мне и сказал, что верные знаменья, которые он наблюдал на небе, возвестили ему, что прославленный адепт, уже в течение двух веков обитающий в пирамиде Саофиса, отправляется в Америку и что двадцать третьего дня нашего месяца тибби, в семь часов и сорок две минуты, он проследует через Кордову. В тот же вечер я пошла в обсерваторию и убедилась, что он прав, но мои подсчеты дали несколько иной результат. Брат оставался при своем мнении, и, так как он не привык менять своих мнений, он хотел сам поехать в Кордову, дабы убедить меня, что не он, а я заблуждаюсь.

Брат мой мог осуществить это свое путешествие в столь краткий срок, какой требуется, чтобы произнести эти слова, но ему хотелось насладиться приятностями прогулки, и он пустился в путь по горам, выбирая дорогу, где красивые виды обещали ему более всего развлечения. Таким образом он прибыл в Вента-Кемаду. Он приказал сопровождать себя тому самому духу, который явился мне в пещере, и велел ему принести себе ужин. Немраэль похитил ужин у приора бенедиктинцев и принес ему в венту. Затем брат, не нуждаясь больше в услугах Немраэля, отослал его мне.

Я как раз находилась тогда в обсерватории и узрела на небе знаменья, при виде которых затрепетала от страха, не ведая, какова будет участь моего брата. Я приказала Немраэлю вернуться в венту и ни на шаг от него не отходить. Он полетел, но вскоре вернулся ко мне, говоря, что власть, превосходящая его могущество, не позволила ему проникнуть внутрь трактира. Беспокойство мое достигло высочайшей степени. Наконец я увидела тебя, прибывающим вместе с моим братом. Я заметила в твоих чертах спокойствие и уверенность в себе, которые убедили меня, что ты не каббалист. Отец мой возвестил мне, что некий смертный окажет на меня пагубное влияние, и я опасалась, что им окажешься ты.

Вскоре меня всецело заняли иные заботы. Брат мой рассказал мне о приключениях Пачеко и о том, что случилось с ним самим, но добавил, к великому моему изумлению, что сам не знает, с какого рода духами он имел дело. Мы дожидались ночи с величайшим нетерпением, наконец она наступила, и мы совершили ужаснейшие заклатья. Но все было тщетно: мы не могли ничего узнать ни о природе тех двух созданий, ни о том, действительно ли мой брат, общаясь с ними, утратил свое право на бессмертие. Я думала, что ты сможешь нам дать некоторые объяснения, но ты – верный не знаю уж какому слову чести – ничего не захотел рассказать.

Тогда, чтобы успокоить моего брата, я решила сама провести ночь в Вента-Кемаде и вчера пустилась в путь. Было уже очень поздно, стояла непроглядная тьма, когда я добралась до въезда в долину. Я собрала некоторые испарения, из коих составила путеводный огонек, и велела, чтобы он указывал мне путь. Это тайна, сохраняющаяся в нашей семье; подобным же образом Моисей, родной брат шестьдесят третьего моего предка, сотворил огненный столп, который вел израильтян в пустыне.

Мой путеводный огонек запылал и начал витать предо мной, однако не выбрал кратчайшей дороги. Я заметила его неповиновение, но не обратила на это особого внимания. Была полночь, когда я достигла цели. Прибыв во двор венты, я увидела свет в одной из комнат и услышала гармоничную музыку. Я присела на каменную скамью и совершила некоторые каббалистические манипуляции, но, увы, все мои старания остались втуне. И в самом деле, музыка чаровала меня и отвлекала до такой степени, что сейчас я не могу тебе сказать, точны ли были мои действия, и склонна полагать, что, должно быть, ошиблась в каком-то немаловажном пункте. Тогда, однако, я была убеждена в их безошибочности и непогрешимости и, узнав, что в трактире нет ни духов, ни дьяволов, пришла к выводу, что там непременно люди; итак, я с наслаждением стала внимать их пению. Голосам аккомпанировал какой-то струнный инстру-

мент; они были столь мелодичны и полны гармонии, что никакая земная музыка не может сравниться с тем, что я слышала.

Напевы эти пробуждали во мне сладострастные чувства, которых я не смогла бы описать. Я долго прислушивалась к пению со своей скамьи, но в конце концов нужно было войти, ведь я лишь затем и пришла. Я отворила дверь и увидела двух рослых и красивых юношей, сидящих за столом; они ели, пили и распевали от всей души. Одеты они были на восточный лад: на головах у них были тюрбаны, грудь и плечи обнажены, за поясами сверкало драгоценное оружие.

Два незнакомца, которых я сочла турками, встали, подали мне стул, наполнили мою тарелку и стакан и снова начали петь под звуки торбана, на котором они поочередно наигрывали.

Их непринужденность передалась и мне: так как голод мне несколько докучал, я начала есть без долгих церемоний; воды не было, и я пила вино. Тотчас же мне пришла охота петь вместе с юными турками, которых, казалось, обворожил мой голос. Я запела испанскую сегедилью, они ответили мне на этом же языке. Я спросила их, где они научились говорить по-испански.

– Мы родом из Мореи, – отвечал мне один из них. – Моряки, мы легко научились языку гаваней, в которые прибываем, но оставим сегедилью, послушай теперь песни нашей стороны.

Не знаю, как тебе объяснить это, Альфонс, только голоса их изливались в мелодии, которая возносила душу сквозь все оттенки чувства, а когда волнение достигало высшей степени, неожиданные звуки внезапно вселяли в нее безумную веселость. Однако я не дала себя обмануть всем этим иллюзиям; я вглядывалась внимательней в мнимых матросов, и мне казалось, что я нашла в них чрезвычайное сходство с моими божественными близнецами.

– Вы турки, – сказала я, – рожденные в Морее?

– Нет, ничуть, – ответил тот из них, который до сих пор еще не произнес ни слова, – мы вовсе не турки, мы греки, родом из Спарты и вышли из одного яйца.

– Из одного яйца?

– Ах! Божественная Ревекка, – прервал другой, – как ты можешь так долго не узнавать нас: я – Поллукс, а это мой брат.

Я потеряла голос от страха. Вскочила и укрылась в углу комнаты.

Мнимые близнецы приобрели свой прежний зеркальный облик, развернули крылья, и я почувствовала, что они уносят меня в воздух, но, по счастливому вдохновению, я произнесла священное слово, которое я и мой брат одни только знаем из всех каббалистов. Тотчас же я была повергнута наземь. Падение это лишило меня чувств, и лишь твои старания вернули их мне. Внутренний голос убеждает меня, что я ничего не утратила из того, что обязана была сбегать, но я измучена всеми этими сверхъестественными явлениями. Божественные близнецы! Я недостойна вашей любви! Я чувствую, что родилась, чтобы оставаться простой смертной.

Этими словами Ревекка завершила свой рассказ, и первой моей мыслью было, что она издевалась надо мной от начала до конца и что хотела только злоупотребить моим легковерием. Я оставил ее весьма поспешно и, начавши размышлять над тем, что я слышал, так говорил себе:

– Либо эта женщина в сговоре с Гомелесами и стремится подвергнуть меня испытанию и принудить перейти в мусульманскую веру, либо также по каким-то иным причинам хочет вырвать у меня тайну моих кузин. Что же касается этих последних, то если они не дьяволицы, то, без сомнения, служат Гомелесам.

Я был погружен в эти размышления, когда заметил, что Ревекка чертит в воздухе круги и другие тому подобные волшебные фигуры. Минуту спустя она обратилась ко мне и сказала:

– Я сообщила брату о том, где я нахожусь, и уверена, что вечером он придет сюда. А пока поспешим в цыганский табор.

Она доверчиво оперлась на мое плечо, и мы пришли к старому вожаку, который принял еврейку, оказав ей знаки глубокого уважения. Весь день Ревекка вела себя чрезвычайно естественно и, казалось, совершенно забыла о тайных познаниях. Когда под вечер прибыл ее брат, они ушли вместе, а я отправился на покой. Улегшись в постель, я размышлял еще над рассказом Ревекки, но так как впервые в жизни слышал о каббале, адептах и о небесных знамениях, то не мог найти ни одного решительного возражения, опровергающего ее доводы, и, пребывая в этой неуверенности, заснул.

День пятнадцатый

Я проснулся очень рано и решил прогуляться до завтрака. Видел издали каббалиста, оживленно беседующего со своей сестрой. Я отвернулся, не желая их прерывать, но вскоре заметил, что каббалист направляется в сторону табора, Ревекка же поспешно приближается ко мне. Я сделал несколько шагов ей навстречу, и мы вместе отправились на прогулку, не проронив ни слова. Наконец прекрасная израильтянка первая нарушила молчание и сказала:

– Сеньор Альфонс, я откроюсь тебе, и ты не останешься безучастным, если судьба моя хоть немного тебя занимает. Я навсегда оставляю каббалистические науки. Сегодня ночью я серьезно размышляла об этом решении. На что мне это пустое бессмертие, которое отец мой хотел даровать мне? Разве и без того все мы не бессмертны? Разве мы не должны соединиться в храме праведных? Я хочу наслаждаться этой краткой жизнью, хочу провести ее с настоящим мужем, а не со звездами, не с небесными телами. Я хочу стать матерью, хочу увидеть детей, своих детей, а потом, усталая и пресытившаяся жизнью, хочу уснуть в их объятиях и почить в лоне Авраамовом. Что ты скажешь об этом моем намерении?

– Поддерживаю его от всей души, – ответил я. – Но что на это сказал твой брат?

– Сперва, – сказала она, – он безумно разгневался, но потом обещал мне, что сделает то же самое, если вынужден будет отречься от дочерей Соломона. Он подождет, пока Солнце не вступит под знак Девы, а потом примет окончательное решение. А пока мы хотели бы узнать, что это были за упыри, которые подшутили над ним в Вента-Кемаде и звались Эмина и Зибельда. Он сам не хотел спрашивать тебя о них, ибо предполагает, что ты знаешь не больше его. Сегодня вечером, однако, он хочет призвать вечного странника Агасфера, того самого, которого ты видел у отшельника. Надеюсь, что брат сможет добиться от него некоторых разъяснений.

В то время как Ревекка вела такую речь, нам сказали, что завтрак уже готов. Он был накрыт в большой пещере, под сводами которой были унесены наши шатры, ибо небо начало покрываться тучами. Вскоре разразилась ужасная гроза. Видя, что мы обречены провести остаток дня в пещере, я упросил старого вожака продолжить свою историю, что он и сделал в следующих словах:

Продолжение истории цыганского вожака

Ты помнишь, сеньор Альфонс, историю принцессы Монте Салерно, которую нам поведал Джулио Ромати; я говорил тебе, какое сильное впечатление произвела на меня эта история. Когда мы отправились на покой, комнату озаряло лишь слабое мерцание лампы. Меня страшили темные углы, в особенности же пугал доверху набитый ларь, где трактирщик хранил запас ячменя. Мне казалось, что миг спустя я увижу выходящих оттуда шесть скелетов – шесть прислужников принцессы. Поэтому я завернулся в одеяло, чтобы ничего не видеть, и вскоре заснул крепким сном.

Ранним утром меня разбудили колокольчики мулов; одним из первых я был на ногах. Я забыл и о Ромати, и о принцессе и думал теперь только о том, что за наслаждение мое путешествие. И в самом деле, оно было очень приятным. Солнце, прикрытое тучами, не слишком палило, поэтому погонщики решили ехать весь день без отдыха и задержаться только у колодца Дос-Леонес, где Сеговийская дорога сливалась с большой дорогой, ведущей в Мадрид. В этом месте роскошные деревья дают удивительную тень, а два львиных изваяния, мечущие воду в мраморный бассейн, немало способствуют прелести этого чудесного приюта.

Был уже полдень, когда мы туда прибыли и, едва остановившись, увидели множество путешественников, едущих по дороге из Сеговии. На первом муле, открывающем кавалькаду, сидела юная девушка, как мне показалось, моих лет, хотя на самом деле она была несколько старше. Мула ее погонял юноша лет примерно семнадцати, пригожий и щеголеватый, хотя на нем был всего только обычный наряд конюха. За ними следовала пожилая дама, которую можно было принять за мою тетку донью Фелисию Даланосу, не столько по сходству черт лица, сколько по сходству манер, в особенности же из-за выражения доброты, разлитого по ее лицу. Слуги замыкали шествие.

Так как мы были первыми, то пригласили вновь прибывших разделить нашу трапезу. Обед был накрыт под деревьями; женщины приняли приглашение, но с явной грустью, в особенности же юная девушка. Порой она нежно посматривала на юного погонщика, который усердно ей прислуживал, на что пожилая дама взирала с невыразимым состраданием: слезы застилали ей глаза. Я заметил, что они чем-то опечалены, и рад был бы сказать им что-нибудь утешительное, но, не зная, как приступить к делу, ел молча.

Мы вновь пустились в путь; добрая моя тетка поехала рядом с незнакомой дамой, я же приблизился к молодой девушке и подметил, как юный погонщик мулов, делая вид, что поправляет седло, касался ее ноги или руки, а однажды я даже заметил, что он поцеловал ей руку.

После двух часов пути мы добрались до Ольмедо, где должны были остановиться на ночлег. Тетка моя приказала вынести стулья, поставить их у дверей трактира и уселась рядом со своей спутницей. Потом она поручила мне сказать, чтобы принесли шоколаду. Я вошел в дом и, ища наших слуг, забрел в комнату, где нашел молодую девушку в объятиях погонщика. Они заливались горькими слезами. При этом зрелище у меня чуть сердце не разорвалось от горя: я бросился на шею юному погонщику и разрыдался почти до безумия. Тут явились обе пожилые дамы. Тетка моя, необычайно взволнованная, вывела меня из комнаты и стала допрашивать о причине этих слез. Я и сам не знал, отчего плакал, и никак не сумел ей на это ответить. Услышав, что я плакал без всякой причины, она не могла удержаться от смеха. Тем временем другая дама заперлась с молодой девушкой; мы слышали, как они вместе рыдали; они так и не показались до самого ужина.

Трапеза наша не была ни продолжительной, ни веселой. Когда убрали со стола, тетка моя обратилась к незнакомой даме и сказала:

– Сеньора, упаси меня боже дурно судить о ближних, в частности о тебе, ибо мне кажется, что у тебя добрая и истинно христианская душа. Помимо всего прочего, я имела счастье отужинать с тобой и всегда буду этим гордиться. В то же время, однако, мой племянник видел, как эта молодая девушка обнимала простого погонщика, красивого, впрочем, юношу, – в этом смысле мне его не в чем упрекнуть, но я удивилась, заметив, что ты, госпожа, не находишь в этом ничего предосудительного. Конечно же, у меня нет никакого права, но, имея честь отужинать с тобой, госпожа... притом до Бургоса путь еще весьма и весьма неблизкий...

Тут тетушка моя до того запуталась, что никогда бы не выбралась из всех этих объяснений, если бы другая дама, прервав ее как раз вовремя, не сказала:

– Да, сударыня, вы имеете право после всего, что видели, спрашивать о причинах моего потворства. Мне следовало бы умолчать о них, но я вижу, что не подобает мне скрывать это от вас, поскольку это связано со мной.

Сказав это, почтенная дама достала платочек, утерла глаза и повела такую речь:

История Марии де Торрес

Я – старшая дочь дона Эмануэля де Норуния, оидора сеговийского суда. На восемнадцатом году меня выдали замуж за дону Энрике де Торреса, полковника в отставке. Моя мать

умерла за несколько лет до этого, отца я потеряла спустя два месяца после моей свадьбы, и мы приняли в наш дом младшую мою сестру Эльвиру, которой шел тогда всего лишь четырнадцатый год, но она уже славилась красотой во всей округе. Наследства отец мой почти никакого не оставил. Что же касается моего мужа, то он обладал довольно значительным состоянием, но по некоторым семейным обстоятельствам вынужден был выплачивать содержание пятерым мальтийским рыцарям и к тому же еще обеспечить шестерых монахинь – наших родственниц, так что в конце концов доходов наших едва хватало на пропитание. Однако ежегодное вспомоществование, назначенное двором моему мужу в награду за его прежнюю службу, несколько улучшило наше положение.

Впрочем, тогда в Сеговии было много дворянских семей, ничуть не богаче нашей. Ради общего блага они ввели в обычай сугубую бережливость. Редко навещали друг друга, женщины не выглядывали из окон, мужчины не задерживались на улицах. Вволю поигрывали на гитарах, еще больше вздыхали, тем паче что все это ровно ничего не стоило. Местные фабриканты вигонегового сукна жили в роскоши, мы же были не в состоянии подражать им и поэтому отчаянно мстили этим выскочкам, презирая их и всячески высмеивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.